КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLII.

1893 Г.

ІЮЛЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1893.

СОДЕРЖАНІЕ.

		стр.
I.	АВАНТЮРА XVI ВѢКА. *(Оконч).* **Сергѣя Венгржиновскаго.**	1—29
II.	А. А. ПОТЕБНЯ, КАКЪ ЯЗЫКОВѢДЪ-МЫСЛИТЕЛЬ. **Д. Овсянико-Куликовскаго**	30—46
III.	ВОСПОМИНАНІЕ РОМЕНСКАГО СТАРОЖИЛА ОБЪ ИЛЬИНСКОЙ ЯРМАРКѢ. **Ив. Курилова**	47—65
IV.	ВОЛЫНСКОЕ ЦЕРКОВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩЕ. **В. Храневича**	66—73
V.	ПОВѢРЬЯ И ОБРЯДНОСТИ РОДИНЪ И КРЕСТИНЪ. **Хр. Ящуржинскаго**	74—83
VI.	НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ СХОДСТВА «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ» СЪ ЮЖНО-СЛАВЯНСКИМИ СТАРИННЫМИ ПѢСНЯМИ. **Н. Ѳ. Сумцова**	84—89
VII.	ИЗЪ СЕМЕЙНЫХЪ АРХИВОВЪ. (Выдержки изъ писемъ малороссійскихъ генералъ-губернаторовъ кн. Лобанова-Ростовскаго и кн. Репнина, 1811—1819 г.). Сообщилъ **Н. М.**	90—99
VIII.	ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АВТОНОМА АКИМОВИЧА СОЛТАНОВСКАГО	100—125
IX.	ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Загадочное происшествіе на печерскомъ форштатѣ (1776 г.). **А. А.** б) Къ исторіи бывшей волынской гимназіи въ г. Кременцѣ. **Ѳ. Куринскаго.** в) Спорные вопросы въ исторіи г. Золотоноши. **В. Василенка.** г) Открытіе въ Кіевѣ главнаго народнаго училища въ 1789 году. **Н. Рыжкова.** д) Стихотвореніе—пѣсня про рекрутчину. Сообщ. **Ю. Тиховскій.** е) Переписка атамана Петра Калнышевскаго съ кіевскимъ митрополитомъ Арсеніемъ Могилянскимъ. Сообщилъ протоіерей **Петръ Орловскій.** ж) Указъ кіевской митрополіи о чинѣ поминанія въ богослуженіяхъ гетмана Кирилла Разумовскаго. Протоіерея **П. Орловскаго.** з) Приказъ 1788 г. объ обязательномъ ношеніи длинныхъ волосъ дѣтьми священно- и церковно-служительскими	126—144
X.	БИБЛІОГРАФІЯ: а) Живая старина. **А. Степовича.** б) Матеріалы для исторіи минской епархіи. **Н. В.** в) Г. Барацъ. Очеркъ происхожденія и постепеннаго затѣмъ упраздненія въ Россіи совѣстныхъ судовъ и суда по совѣсти. **Н. В.** г) Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1889 годъ. **В. Науменка.**	145—154
	ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича (стр. 97—112).	
	2) Библіографическій указатель статей, помѣщенныхъ въ «Кіев. Стар.» за первое десятилѣтіе.	65—80
	ОБЪЯВЛЕНІЯ	1—2

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLII.

1893 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 30-го іюня 1893 г.

АВАНТЮРА XVI ВѢКА.[1]

(Эпизодъ изъ исторіи молдавскаго княжества).

IV.

Освободившись такимъ образомъ отъ своего соперника, Іоаннъ Яковъ Гераклидъ могъ теперь спокойно заняться умиротвореніемъ своего княжества. Первымъ дѣломъ его было возстановить хоть сколько-нибудь сносныя отношенія съ сосѣдями. На первомъ планѣ стояла Турція, потому что отъ ея рѣшенія зависѣло быть или не быть Гераклиду господаремъ. Поэтому онъ прежде всего послалъ высшихъ сановниковъ княжества съ просьбой къ султану объ утвержденіи его въ званіи господаря и о присылкѣ ему хоругви и булавы, знаковъ этого достоинства. Солиману Великолѣпному, ведшему борьбу съ собственными сыновьями, поддерживаемыми Персидскимъ Шахомъ, было не до авантюристовъ-господарей, и онъ по совѣту своихъ подкупленныхъ сановниковъ тѣмъ охотнѣе утвердилъ Гераклида, что послѣдній обѣщалъ платить султану 40 т. червонцевъ вмѣсто 30. Теперь другіе сосѣди были не такъ страшны. Правда, Іоаннъ Сигизмундъ Заполя, князь Трансильваніи, косился на Гераклида, но онъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы быть опаснымъ, принимая во вниманіе, что болѣе сильный его соперникъ—императоръ Германіи и король Венгріи Фердинандъ I помогалъ новому молдавскому господарю при вступленіи на престолъ, а теперь прислалъ поздравленіе съ новымъ званіемъ. Оставалось

[1]) См. „Кіевск. Старина“ 1893 г. № 6.

поладить съ Польшей и Валахіей. Господарь послѣдней сразу не показалъ себя добрымъ сосѣдомъ, потому что вышелъ на помощь Александру Лопушняну, когда тотъ стоялъ надъ Прутомъ, но его помощь опоздала, и онъ вернулся домой. Теперь, когда Гераклидъ послалъ къ нему своихъ пословъ для заключенія добрыхъ отношеній, то обѣ стороны осыпали другъ друга любезностями и, вида не показывая, что между ними произошло что-либо непріятное, стали добрыми друзьями. Гораздо труднѣе было сладить съ Польшей: ея самолюбіе никакъ не могло помириться съ дерзостію какого-то пройдохи, который смѣлъ и рѣшился ссадить съ престола ея ставленника и вассала. Но главная вина Гераклида передъ Польшей была въ томъ, что онъ, хотя и невольно, могъ поссорить ее съ Турціей, такъ какъ она не только не воспрепятствовала поляку Ласкому участвовать въ этомъ походѣ, но даже пропустила войска черезъ свою территорію. Но единовѣрные и доброжелательные Гераклиду польскіе и литовскіе паны упросили Сигизмунда Августа перемѣнить гнѣвъ на милость, и король 18-го іюля 1562 г. писалъ молдавскому господарю: „Дорогой другъ и сосѣдъ! Ваша Вѣрность насъ просишь прощенія за переходъ границъ нашихъ владѣній. Мы охотно прощаемъ Вашу Вѣрность и извѣщаемъ объ этомъ, но желаемъ, чтобы Ваша Вѣрность берегся впредь такихъ поступковъ и удерживалъ своихъ подданныхъ“. Гераклидъ, получивъ такое милостивое письмо и желая воспользоваться добродушіемъ короля, пишетъ ему во второй разъ письмо, въ которомъ благодаритъ за прощеніе и выражаетъ свою готовность помочь ему въ войнѣ съ Москвой, а въ концѣ письма проситъ возвращенія ему тѣхъ пушекъ, которыя Сѣнявскій отнялъ у Ласкаго. Сигизмундъ. Августъ, отвѣчая на письмо Гераклида, пишетъ ему 7-го августа: „предложеніемъ Вашей Вѣрности мы охотно воспользовались бы, еслибъ лѣто не оканчивалось, а такое позднее время для походовъ неудобно, но, впрочемъ, мы принимаемъ готовность Вашей Вѣрности и воспользуемся ею въ будущемъ. Что же касается возвращенія пушекъ, отнятыхъ у Ласкаго, то это дѣло очень трудное, такъ какъ пограничныя войска, ссылаясь на военныя права и обычаи,

считаютъ эти пушки военной добычей". Польша, очевидно, примирилась съ совершившимся фактомъ и признала Гераклида господаремъ Молдавіи, тѣмъ болѣе, что самъ султанъ извѣщалъ короля объ утвержденіи Гераклида въ этомъ званіи. Даже Ласкаго король милостиво простилъ и выдалъ ему желѣзный листъ на проѣздъ къ будущему сейму, на которомъ, „отдавъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, Ласкій былъ милостиво принятъ королемъ," говоритъ Бѣльскій.

Гераклидъ, уладивши внѣшнія дѣла, принялся за внутреннюю реорганизацію своего княжества, въ чемъ помогали ему вновь назначенные сановники: гетманъ Берновскій, ворникъ Моцокъ, логофетъ Строичъ (Строица), Юрій Ревелль, уроженецъ Вѣны, служившій еще при Лопушнянѣ секретаремъ по дѣламъ внѣшней политики. Но прежде чѣмъ приступить къ внутреннимъ дѣламъ, надо было исполнить желаніе султана, который требовалъ удаленія изъ страны иностраннаго войска, посадившаго на престолъ Гераклида. Но это требованіе султана не такъ легко было исполнить князю; онъ и самъ понималъ, что, разъ онъ усѣлся прочно на престолѣ, ему теперь эта орава нахлѣбниковъ была лишняя, однако-же гдѣ взять денегъ, чтобы разсчитаться съ ней? Гераклидъ, какъ мы знаемъ, былъ бѣднякъ, страна разорена, казна пуста, слѣдовательно надо было разыскивать еще средства на уплату наемникамъ. И Гераклидъ, не раздумывая долго, установилъ подать по одному червонцу съ семейства; эта мѣра была крайне непопулярна въ странѣ и очень много повредила Гераклиду впослѣдствіи, не принеся существенной пользы и теперь, потому что князь собранными деньгами изъ этой подати уплатилъ лишь венгерцамъ, а Ласкому за его военные издержки ужъ нечѣмъ было платить, и Гераклидъ въ обезпеченіе долга долженъ былъ Ласкому отдать хотинскій округъ съ городомъ и крѣпостью, чѣмъ послѣдній не преминулъ воспользоваться, такъ какъ сейчасъ занялъ хотинскую крѣпость своимъ гарнизономъ подъ начальствомъ Ивана Пясецкаго. Не лишнимъ здѣсь будетъ замѣтить, что при этой сдѣлкѣ между старыми друзьями возникли большія недоразумѣнія, потому что когда у нихъ дѣло дошло до разсчетовъ, то Ласкій представилъ счетъ своихъ воен-

ныхъ издержекъ въ 80000 т. червонцевъ, а Гераклидъ признавалъ только 20 т. Такъ этотъ споръ ничѣмъ и не кончился, и Ласкій съ враждой и въ гнѣвѣ на своего друга выѣхалъ 22-го ноября 1562 г. на сеймъ въ Петроковъ. Приступая къ внутреннему устройству княжества, Гераклидъ встрѣтилъ очень много затрудненій: кругомъ грубость, невѣжество и распущенность нравовъ; высшія сословія притѣсняли низшія; въ судахъ, въ администраціи, даже въ церкви—несправедливость и взяточничество, и среди этого мрака ни одной поддержки, на которую можно было бы опереться. Право, надо удивляться энергіи и добрымъ намѣреніямъ пришельца, который хотѣлъ пролить лучъ свѣта въ это темное царство! Желая разсѣять мракъ невѣжества въ своемъ княжествѣ, Гераклидъ сталъ заводить школы, библіотеки и типографіи, увеличилъ число городовъ, населивъ ихъ нѣмцами, ремесленниками и пр. Не находя среди своихъ подданныхъ подготовленныхъ людей, которые могли бы стать во главѣ этихъ новыхъ учрежденій, онъ пригласилъ иностранныхъ ученыхъ: саксонца Іоанна Сомера, которому поручилъ организовать школу и библіотеку въ Сочавѣ, Каспера Пенцера изъ Виртемберга, зятя Меланхтона, знаменитаго богослова Юста Іонаса, богослова и юриста, которому хотѣлъ поручить преобразованіе церкви въ Молдавіи, Іоанна Ретикуса, математика изъ Кракова, и наконецъ протестантскаго священника Іоанна Лущинскаго, которому Гераклидъ поручилъ наблюденіе за точностью и правильностію исполненія каноническихъ правилъ и рѣшеніе бракоразводныхъ дѣлъ, накопившихся въ княжествѣ при отсутствіи порядка и благоустройства въ церкви. А порядка и благоустройства въ Молдавской церкви дѣйствительно не было; семейныя же отношенія были совсѣмъ расшатаны. Предшественники Александра Лопушняна—потурнаки ввели въ Молдавію турецкіе нравы и обычаи, и многоженство, особенно въ высшемъ сословіи, стало заурядnымъ явленіемъ, даже церковь стала снисходительно смотрѣть на полигамію. Распущенность нравовъ дошла до того, что женщинѣ, недовольной мужемъ, стоило только, кому слѣдуетъ, заплатить треть червонца, и она получала разводъ. Духовенство поощряло разводы, потому что въ этомъ

находило для себя выгоду. Эти-то, вѣроятно, причины и заставили Гераклида недовѣрять мѣстному духовенству, если онъ рѣшился поручить надзоръ за порядками въ церкви и бракоразводныя дѣла иностранцу и иновѣрцу.

Нѣкоторые писатели, особенно польскіе, слишкомъ преувеличили то вліяніе, какое Гераклидъ съ своими учеными друзьями имѣлъ на преобразованіе православной церкви въ Молдавіи. По ихъ мнѣнію, это вліяніе было такъ сильно, что отразилось не только на Юго-Западной Россіи, но распространилось даже на отдаленную Москву.

Православные богословы, говорятъ они, учились у протестантовъ, рабски копируя ихъ, поэтому неудивительно, что вызванные Гераклидомъ протестантскіе богословы, занявшись преобразованіемъ молдавской церкви, влили въ нее свой протестантскій духъ. По крайней мѣрѣ съ того момента начинается умственное движеніе въ восточной церкви сначала въ Молдавіи, а потомъ въ Россіи, такъ какъ первая по культурѣ стояла выше второй. Съ этого времени русскіе цари начинаютъ приглашать изъ Молдавіи священниковъ, архитекторовъ, лѣкарей, чиновниковъ и калиграфовъ. Въ XVII-мъ вѣкѣ молдаване уже наводняютъ Москву: въ 1654 г. Алексѣй Михайловичъ вызываетъ двухъ молодыхъ ученыхъ философовъ: Николая Керменя и Михалеско съ толпой ихъ соотчичей, поручаетъ имъ воспитаніе своего сына, будущаго преобразователя Россіи, изъ нихъ же организуетъ миссію въ Китай и т. д. И въ тоже время въ юго-западной Россіи Петръ Могила, потомокъ молдавскихъ господарей, воспитанникъ Запада, вливаетъ новую жизнь въ общество и преобразуетъ церковь страны. При Петрѣ Великомъ вліяніе молдаванъ не прекращается. Димитрій Кантеміръ, знавшій хорошо слабыя стороны Турціи, указалъ на нихъ Петру Великому и повернулъ его политику на ту дорогу, которая привела Россію къ такъ называемому восточному вопросу. Тотъ же Кантеміръ по рученію Петра Великаго трудился надъ вопросомъ объ основаніи Академіи наукъ по плану Лейбница, а его сынъ Антіохъ былъ творцемъ русской поэзіи. Кутенскій, авторъ русско-славянскаго словаря, по происхожденію молдаванинъ, создалъ русскую лек-

сикографію. Наконецъ Петръ Великій, предпринявъ изданіе законовъ для своей страны, ищетъ образцовъ и указаній не въ другомъ какомъ нибудь мѣстѣ, а въ Молдавіи, потому что приказываетъ для этой цѣли перевести на русскій языкъ кодексъ и обычное право Молдавіи.

Трудно допустить, чтобы такое кратковременное господарство Гераклида принесло столь обильные плоды, но мы вышеприведенными мнѣніями хотѣли показать, какъ очаровывалъ величавый образъ Гераклида не только современныхъ ему писателей, но даже и позднѣйшихъ историковъ, писавшихъ подъ впечатлѣніемъ современныхъ извѣстій о Гераклидѣ. Мы же думаемъ противное, такъ какъ полагаемъ, что вмѣшательство господаря-еретика въ дѣла церкви Молдавіи, его индиферентизмъ къ православію, слишкомъ строгое преслѣдованіе разводовъ и полигаміи, а главное—святотатство были ближайшими причинами непопулярности Гераклида среди своихъ подданныхъ. „Онъ насъ казнитъ по шести, семи человѣкъ въ день, говорили молдаване, за нарушеніе церковныхъ правилъ, а между тѣмъ самъ окруживъ себя еретиками чужеземцами, въ церковь не ходитъ, обрядовъ нашихъ церковныхъ не исполняетъ". Особенно ставили ему въ вину святотатство: когда у него не было денегъ на приведеніе въ исполненіе реформъ и политическихъ затѣй, онъ забралъ изъ церквей священные сосуды, большой серебряный крестъ, пожертвованный Лопушняномъ въ Сочавскій соборъ, и одно такое же большое паникадило изъ одного монастыря и приказалъ всѣ эти предметы перелить въ талеры. Этотъ поступокъ Гераклида поразилъ даже иностранцевъ: Ѳома Плаза послалъ одинъ такой, вычеканенный изъ священныхъ предметовъ талеръ Кромеру, какъ нѣчто особенное.

Глухой ропотъ народа, конспирація бояръ, крамольничавшихъ всегда и вездѣ, и угрозы Ласкаго, недовольнаго разсчетомъ за военныя издержки, вставали грозными призраками передъ увлекшимся реформами княземъ. И онъ, бѣдный, утопающій, хватался за соломинку, желая удержать власть, ускользавшую изъ его рукъ, ища помощи извнѣ. Лучшимъ средствомъ для

этого была женитьба. Родство съ богатымъ и вліятельнымъ домомъ въ Польшѣ давало ему много шансовъ на успѣхъ. Сильная партія тестя—„можновладца“ защитила бы его не только противъ Ласкаго, но и подавила бы мятежный духъ подданныхъ. Съ этою цѣлью онъ послалъ сватовъ сначала къ князю Константину Острожскому, а потомъ, когда ему здѣсь отказали, къ Мартину Зборовскому. Старикъ Зборовскій былъ очень радъ такому зятю, потому что Гераклидъ былъ, во первыхъ, его единовѣрецъ, а во вторыхъ владѣтельный князь. Правда, старика нѣсколько смущали доходившіе до него слухи о непрочности власти его будущаго зятя въ Молдавіи, но онъ ободрялъ себя тѣмъ, что сумѣетъ поддержать его на тронѣ при помощи своей могущественной партіи въ Польшѣ. О согласіи невѣсты, Христины Зборовской, ужъ и говорить нечего, потому что элегантный, образованный и титулованный женихъ и безъ короны могъ плѣнить ея сердце. Припомните, какое онъ впечатлѣніе производилъ на всѣхъ еще во время пребыванія своего въ Польшѣ. Обѣ стороны остались довольны своимъ выборомъ. Одни только подданные смотрѣли подозрительно на этотъ бракъ: наведетъ, говорили они, своихъ единовѣрцевъ изъ Польши, раздастъ имъ должности и, усилившись при ихъ помощи, станетъ силою вводить свои порядки и еретическую вѣру. А пока планъ женитьбы осуществится и приведетъ къ желанному результату усиленія власти, Гераклидъ хотѣлъ занять взволнованные умы своихъ подданныхъ какимъ-либо блестящимъ военнымъ предпріятіемъ.

Весною разнесся слухъ, что Іоаннъ Сигизмундъ Заполя опасно заболѣлъ, и Гераклидъ, разсчитывая, что Турція охотно утвердитъ его княземъ Трансильваніи, если онъ пообѣщаетъ увеличить дань, собралъ войско и двинулся въ Трансильванію, чтобы завладѣть страной, когда умретъ ея князь; но подъ городомъ Тотрассо Гераклидъ узналъ, что здоровье Заполи поправляется, и онъ съ досадой и разочарованіемъ вернулся въ Молдавію. Той же весной молдавскій господарь, объѣзжая пограничныя крѣпости, посѣтилъ Хотинъ и подъ предлогомъ обозрѣнія этой крѣпости ввелъ туда свои войска, а Ивану Пясец-

кому приказалъ выдти съ своимъ гарнизономъ, увѣривъ его, что онъ покончилъ свои счеты съ Ласкимъ, который возвратилъ ему хотинскую область и крѣпость. Между тѣмъ Ласкій и не думалъ возвращать крѣпости, а наоборотъ—готовился къ вторженію въ Молдавію для наказанія вѣроломнаго и неблагодарнаго ея князя.

Подъ Хотиномъ Гераклидъ простоялъ цѣлый мѣсяцъ; сюда стекались толпы народа: одни, чтобы посмотрѣть на своего князя, другіе, чтобы принести жалобу на ужасныя притѣсненія Моцока, Берновскаго, Строича и двухъ владыкъ, вѣроятно усердно исполнявшихъ распоряженія князя, и, наконецъ, третьи—просить сложить обременительную подать по одному червонцу съ семейства. Гераклидъ обѣщалъ самъ разслѣдовать дѣло о злоупотребленіяхъ бояръ и наказать ихъ, если они окажутся виновными; подать тоже обѣщалъ сложить. Берновскій, Моцокъ и Строичъ, зная, что Гераклидъ не пощадитъ ихъ, лишь бы угодить народу, стали собирать вокругъ себя недовольныхъ князем, обдумывая средства, какъ бы избавиться отъ новаго господаря. Въ тоже время Іоаннъ Сигизмундъ Заполя, узнавъ о покушеніи Гераклида завладѣть Трансильваніей, вошелъ въ сношенія съ Лопушняномъ, предлагая ему союзъ и помощь противъ ихъ общаго врага, съ условіемъ, чтобы Александръ не щадилъ ни трудовъ, ни издержекъ и хлопоталъ бы въ диванѣ о низложеніи Гераклида. Александръ Лопушнянъ, безвыѣздно живя въ Константинополѣ, все время употреблялъ на хлопоты о возвращеніи себѣ княжества, пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ повредить своему сопернику. И теперь, имѣя въ рукахъ родословную Гераклида, изданную имъ въ Бухарестѣ, онъ при помощи ученыхъ грековъ обличилъ всѣ измышленія его. Наконецъ Ласкій, выведенный изъ терпѣнія вѣроломствомъ Гераклида, отнявшаго у него хитростію Хотинъ, предложилъ молдавскую корону Димитрію Вишневецкому, обѣщая ему свою помощь. Страшная гроза собиралась надъ головой бѣднаго пришельца; надо было имѣть много характера и энергіи, чтобы противустоять всѣмъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, надвинувшимся, подобно чернымъ тучамъ.

VI.

Новый претендентъ на молдавскій престолъ, князь Димитрій Ивановичъ Вишневецкій, въ нашихъ пѣсняхъ извѣстный подъ именемъ Байды, слишкомъ извѣстное лицо нашимъ читателямъ, чтобы о немъ много распространяться. Старые польскіе историки ведутъ его родъ отъ Корибута, сына Ольгердова; Карамзинъ же считаетъ его потомкомъ Рюрика. Недавнія изслѣдованія Вольфа подтверждаютъ мнѣніе послѣдняго. Вольфъ ведетъ роды князей Збаражскихъ, Вишневецкихъ, Воронецкихъ и Порецкихъ отъ рода князей Несвидскихъ, потомковъ Рюрика, гнѣздо которыхъ было изстари Несвидъ близъ Луцка. Князь Юрій Несвидскій, который первый извѣстенъ по письменнымъ памятникамъ, въ 1224 году погибъ на Калкѣ. Въ 1387—1403 годахъ выступаетъ князь Иванъ Несвидскій, за нимъ слѣдуетъ грозный Ѳедька Несвидскій (можетъ быть—сынъ Ивана?), котораго Длугошъ смѣшиваетъ съ Ѳедоромъ Острожскимъ, сторонниковъ Свидригайла. Онъ, переходя на сторону короля въ 1434 году, въ записи на вѣчныя времена закрѣпилъ подтвержденіе короля на владѣніе „дѣдиною“, т. е. Збаражскою волостью. Но, очевидно, король не призналъ потомъ этихъ правъ на владѣніе Збаражемъ въ вѣчное потомственное владѣніе, и потому послѣ смерти Ѳедьки въ 1447 году Збаражъ перешелъ къ Денискѣ Маковію (отчего Збаражскихъ родъ производятъ нѣкоторые отъ послѣдняго рода). И только впослѣдствіи Збаражская волость перешла къ потомкамъ Ѳедьки. Уже сынъ его Василій несомнѣнно владѣлъ Збаражемъ. Сынъ Василія Семенъ еще въ 1463 году носитъ фамилію Несвидскаго. Три сына Василія въ 1463 году дѣлятъ между собою имѣнія, при этомъ раздѣлѣ Василій получаетъ Збаражъ, Семенъ Колодынъ, а Солтанъ—Городокъ и другія волости, между которыми числятся и два Вишневца. Съ тѣхъ поръ о князьяхъ Несвидскихъ на Волыни не слыхать. На ихъ мѣсто выступаетъ громкій родъ князей Збаражскихъ, отъ которыхъ пошли вѣтви Вишневецкихъ, Порецкихъ и Воронецкихъ. Впрочемъ, историкъ упоминаетъ о какомъ-то Василіи Несвидскомъ, который ушелъ изъ Литвы въ Москву, гдѣ поселился и

сталъ родоначальникомъ московскаго княжескаго рода Невидскихъ, которые до сихъ поръ существуютъ.

Димитрій Вишневецкій, хотя и имѣетъ общія сходныя черты съ героями предыдущаго нашего разсказа, но и отличается отъ нихъ своими особенностями; онъ, какъ и Ласкій, ищетъ приключеній и геройскихъ подвиговъ, но онъ разборчивѣе въ средствахъ для достиженія цѣли, да и цѣль у него всегда опредѣленная и одна и таже: громить исконныхъ враговъ и разорителей отечества—бусурманъ. Онъ, какъ и Гераклидъ, искалъ Молдавской короны, но у перваго было побужденіемъ удовлетвореніе личнаго тщеславія и властолюбія; у втораго—средство стать сильнымъ и страшнымъ для бусурманъ [1]). Въ немъ соединились черты варяга-дружинника съ чертами Литовскаго князя временъ Ольгерда и Витовта. Величавый образъ князя претендента на княжество Молдавское представляется моему воображенію не иначе, какъ типомъ русскаго богатыря черты котораго намъ оставилъ Папроцкій въ своемъ извѣстномъ, стихотвореніи къ полякамъ. „Не одинъ разъ въ году эти достойные русскіе люди преслѣдуютъ татаръ и подвергаются опасностямъ войны. Какъ мужественные львы, охраняютъ они все христіанство: почти каждый изъ нихъ можетъ назваться Гекторомъ. Кто въ наше время въ чемъ бы то ни было превзошелъ русака? Пошлете вы его въ посольство—онъ исполнитъ посольство лучше, нежели вы ему прикажете. Между русаками ищи полководца и хорошаго воина. Они съ неудовольствіемъ смотрятъ на ваши совѣщанія о мирѣ. И лучшаго коня, и лучшаго всадника добудешь на Руси. У подолянъ не различишь, кто панъ, а кто слуга, нѣтъ у нихъ ни на грошъ гордости. Не

---

[1]) У насъ въ Подоліи сохранилась поэтическая легенда, особенно среди духовенства (лично я ее слышалъ отъ старика священника Фигурскаго), о томъ, какъ турецкая султанша, жена Солимана Великолѣпнаго, знаменитая Роксолана, по преданію поповна изъ мѣстечка Чемеровецъ Подольской губерніи, Настя Лисовская, сватала свою дочь за Вишневецкаго, обѣщая ему въ приданое Молдавію и Украйну, съ условіемъ только принять магометанство, отчего, какъ извѣстно, изъ пѣсни онъ съ презрѣніемъ отказался. Вѣроятно, эта легенда историческаго значенія не имѣетъ; очевидно, старые книжники хотѣли пріурочить пѣсню о Байдѣ къ легендѣ о красавицѣ султаншѣ, подольской поповнѣ.

носятъ они пестрыхъ одеждъ; они покрыты славою, которая дороже вашихъ нарядовъ. Слава этого народа распространена всюду, и останется за ними во вѣки вѣчные, хотя бы Польша и погибла. Что дѣлалъ Геркулесъ, который побивалъ гидръ и не щадилъ земныхъ боговъ, то на Руси съумѣетъ сдѣлать каждый. Сампсонъ разодралъ челюсти льву; подобные подвиги въ наше время русаку за обычай. Могущественный турокъ разинулъ на насъ пасть, и храбрые русаки не разъ совали въ нее руку. Устремился бы онъ съ многочисленнымъ войскомъ въ Польшу, но останавливаетъ его русская сила".

Сигизмундъ Августъ, оцѣнивая храбрость и врожденную ненависть Вишневецкаго къ татарамъ, въ 1550 г. далъ ему староства Каневское и Черкасское. Ничего, кажется, лучше король и придумать не могъ, потому что эти староства лежали на рубежѣ, гдѣ шла безпрестанная борьба между своевольными казаками и татарской ордой. Поэтому нуженъ былъ староста энергичный, который могъ бы, съ одной стороны, дисциплинировать своевольныхъ козаковъ, направляя ихъ силу на пользу Рѣчи-Посполитой, и въ тоже время, съ другой стороны—удерживать татарскія полчища отъ набѣговъ на Украину. Прослуживъ больше двухъ лѣтъ старостой, Димитрій Вишневецкій, будучи раздосадованъ королемъ за отказъ въ какой-то просьбѣ, грозилъ перейти на службу къ Московскому князю или турецкому султану, а спустя немного времени привелъ свою угрозу въ исполненіе, потому что по этому поводу король писалъ къ Радзивиллу Чорному: „а уѣхалъ онъ со всей своей ротой, т. е. съ тѣми казаками и мужиками, которые окружали его". Король, боясь потерять полезнаго ему человѣка, послалъ вслѣдъ за нимъ гонца съ просьбой возвратиться въ отечество; и Вишневецкій, удовлетворенный первымъ шагомъ короля къ примиренію, повиновался и вернулся изъ степей въ Черкасы. Послѣ пріѣзда онъ построилъ ниже пороговъ крѣпость на островѣ Хортицѣ, и оттуда дѣлалъ частые набѣги на татарскіе улусы иногда съ своими только казаками, а иногда приглашая на помощь донцевъ, путивльцевъ и другихъ московскихъ козаковъ.

Наскучилъ ли Вишневецкій мирной политикой короля, избѣгавшаго столкновенія съ Турціей или, быть можетъ, самъ король выразилъ ему свое неудовольствіе за частыя столкновенія его съ ханомъ,—мы утвердительно сказать не можемъ, но, очевидно, ему не сидѣлось въ Польшѣ, и онъ въ сентябрѣ 1556 г. послалъ къ Московскому царю Атамана Ясковича съ предложеніемъ своихъ услугъ, не требуя ни войска, ни денегъ, а только позволенія запереть хана въ Крыму, какъ въ клѣткѣ.

Царь охотно принялъ Вишневецкаго на службу и далъ ему вотчину—городъ Бѣлевъ съ волостями. О его службѣ московскому царю мы говорить не станемъ, такъ какъ это слишкомъ общеизвѣстно. Прибавимъ только, что его проектъ запереть татаръ въ Крыму, какъ въ клѣткѣ, не осуществился.

Послѣ похода на Кавказъ, куда его царь послалъ въ помощь Черкасамъ противъ татаръ, Димитрій Вишневецкій не возвратился больше въ Москву, а ушелъ съ казаками на свой любимый Днѣпръ и здѣсь остановился между урочищемъ Монастырищемъ и островомъ Хортицею. Отсюда онъ послалъ просить у короля для свободнаго проѣзда въ Польшу глейтъ, съ которымъ и явился въ Краковъ, а оттуда, какъ мы знаемъ, на сеймъ, гдѣ познакомился съ Ласкимъ и получилъ отъ него предложеніе.

Предложеніе Ласкаго не могло не понравиться Вишневецкому, который, постоянно воюя съ бусурманами, всегда долженъ былъ опираться на силу одного изъ сосѣднихъ государствъ и либо подчиняться его политикѣ, либо оставлять его, если эта политика не соотвѣтствовала его собственной. Поэтому, онъ такъ часто становился въ непріязненныя отношенія къ государямъ этихъ странъ, считавшихъ его или авантюристомъ, или политическимъ преступникомъ. „Пришелъ онъ, говоритъ Іоаннъ Грозный черезъ своего гонца Клобукова, къ государю нашему, какъ собака, и пошелъ отъ государя нашего, какъ собака, и государю нашему, и землѣ русской убытка никакого не учинилъ“. А возвращаясь въ Польшу, онъ долженъ былъ выпрашивать себѣ охранную грамоту, какъ банитъ. Ставъ же независимымъ княземъ, еслибъ ему удалось завладѣть Молдавіей, и пользуясь

громадной популярностію на берегахъ Дона и Днѣпра, онъ могъ бы создать такую силу, которая на долго защитила бы Польшу и Украйну отъ мусульманъ и, кто знаетъ, можетъ быть и совсѣмъ сломала бы ихъ силу въ Европѣ.

Войдя въ соглашеніе съ Вишневецкимъ, Ласкій отправился съ нимъ въ Каменецъ и сталъ вербовать охотниковъ къ походу въ Молдавію, но, услышавъ о вѣроломномъ захватѣ Гераклидомъ Хотинской крѣпости, онъ перешелъ Днѣстръ и отнялъ крѣпость.

Гераклидъ, слыша о приготовленіяхъ Вишневецкаго и Ласкаго къ нападенію на него и о взятіи Хотинской крѣпости, въ апрѣлѣ 1563 г. писалъ королю, прося принять его съ княжествомъ подъ свое покровительство и защитить его отъ нѣкоторыхъ пановъ, которые угрожаютъ нападеніемъ на его государство. Король, отвѣчая на письмо, успокаиваетъ сосѣда, увѣряя его, что никто изъ подданныхъ Рѣчи-Посполитой и Литвы и не думаетъ нарушать его спокойствія, а въ концѣ прибавляетъ: „Мы понимаемъ, что доказательства нашей расположенности и дружбы будутъ приняты съ благодарностію, и что Ваша Вѣрность будешь памятовать о тѣхъ обѣщаніяхъ услугъ и уваженія, которыя такъ часто выражалъ намъ въ письмахъ и черезъ гонцовъ. Впрочемъ, скоро вышлемъ къ Вашей Вѣрности посла, изъ устъ котораго узнаешь нашу волю“.

Король искренно желалъ помочь Гераклиду и 3-го мая извѣщаетъ его, что посылаетъ къ нему Юрія Язловецкаго, каменецкаго каштеляна, но Язловецкій почему-то опоздалъ, и король 22-го сентября опять пишетъ своему сосѣду письмо, въ которомъ оправдываетъ своихъ пословъ, Язловецкаго и королевскаго секретаря Матвѣя Горецкаго въ медлительности, объясняя отсрочку ихъ выѣзда мятежами въ Молдавіи, а на жалобу Гераклида о томъ, что Вишневецкій мутитъ спокойствіе страны, король отвѣтилъ, что все это сдѣлалось помимо его воли, но онъ строго предпишетъ Вишневецкому не вмѣшиваться въ дѣла Молдавіи, хотя въ этомъ обѣщаніи короля слышится неувѣренность. „Если, говоритъ, онъ не послушаетъ нашихъ приказаній, то Ваша Вѣрность послѣ зрѣлаго размышленія не

будешь удивляться, что на границѣ государства, гдѣ собирается своевольный народъ, трудно удержать порядокъ, но мы будемъ предупреждать всякую несправедливость и своеволіе наказывать". Гераклидъ уже не получилъ послѣдняго письма короля, не дошло также и строгое предписаніе Вишневецкому, такъ какъ именно въ это время пламя мятежа охватило всю страну. Гераклидъ былъ въ ужасномъ положеніи: дома пожаръ, на границѣ Вишневецкій и Ласкій собираютъ войска для вторженія, а въ Стамбулѣ Іоаннъ Сигизмундъ Заполя и Лопушнянъ хлопочутъ о его низложеніи. Единственная надежда и защита осталась у Гераклида—это тысяча венгерцевъ и трансильванцевъ, которыхъ онъ оставилъ у себя на жалованьи для личной охраны еще при своемъ восшествіи на престолъ.

Теперь главною заботою заговорщиковъ было устранить отъ Гераклида трансильванцевъ и венгерцевъ; они пытались было ихъ подкупить, но это не удалось, и потому стали придумывать другой способъ. Въ Буджакѣ между Днѣстромъ и Прутомъ кочевали Ногайцы или Буджакская орда, которая, поднимаясь на сѣверъ для нападенія на Молдавію или Подоль, спугивала дикихъ звѣрей и птицъ, устремлявшихся вверхъ и своимъ появленіемъ предупреждавшихъ жителей Молдавіи и Подоліи о движеніи татаръ. Гетманъ Берновскій, на обязанности котораго было охраненіе границъ княжества, донесъ господарю, что въ степи уже показались именно эти признаки приближенія татаръ, а потому онъ совѣтовалъ сейчасъ же собрать войско и встрѣтить ихъ, пока они не раздѣлились на небольшіе „чамбулы" и не наводнили страны. Но бѣда въ томъ, продолжалъ хитрый гетманъ, что опасно выйти въ степь противъ Ногайцевъ съ трусливыми и мало опытными въ военномъ дѣлѣ молдаванами, и потому просилъ господаря отпустить съ нимъ часть венгерцевъ и трансильванцевъ. Гераклидъ имѣлъ неосторожность послушать гетмана и, не смотря на предостереженія саксонца Вольфа, начальника монетнаго двора, не только согласился отпустить своихъ тѣлохранителей въ походъ противъ татаръ, но даже назначилъ начальниками надъ войскомъ заговорщиковъ: Илью Тормани, Ивана Квицени и Стефана Томшу.

Заговорщики поспѣшили увести въ степь тѣлохранителей Гераклида, потому что со дня на день ожидали пріѣзда Зборовскаго съ княжеской невѣстой. Пріѣздъ Зборовскаго могъ очень много помѣшать заговорщикамъ: во первыхъ, такой большой панъ, вѣроятно, привелъ бы съ собою большой военный отрядъ, который усилилъ бы защиту Гераклида, а во вторыхъ, Зборовскій, какъ единовѣрецъ и пріятель Ласкаго, могъ послѣдняго помирить съ княземъ, и такимъ образомъ соединенныя силы Зборовскаго и Ласкаго могли обратиться противъ мятежниковъ же.

Между тѣмъ отправленныя войска противъ татаръ, подошедши къ Днѣстру, были очень удивлены, найдя вездѣ тишину и спокойствіе. Венгерцы и трансильванцы, не видя передъ собою непріятеля, даже подумывали о возвращеніи въ Сочаву, но гетману удалось увѣрить ихъ, чго это хитрость татаръ, которые, спрятавшись въ балкахъ, ожидаютъ только удобнаго момента, чтобы врасплохъ напасть на нихъ. Гетманъ расположилъ свои войска въ селахъ по берегамъ Днѣстра, а въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ назначилъ мѣсто для лагеря иноземцевъ. Между молдаванамн шли дѣятельныя совѣщанія о томъ, чтобы перебить всѣхъ венгерцевъ и трансильванцевъ, и для этой цѣли заговорщики условились зажечь одиноко стоящую въ степи хижину, чтобъ этимъ условнымъ знакомъ собрать своихъ единомышленниковъ для истребленія княжеской дружины. Лишь только загорѣлась хижина, отряды молдаванъ бросились на лагерь иноземцевъ; толпы окрестныхъ крестьянъ тоже приняли участіе въ предпріятіи, увеличивая собою число нападающихъ. Венгерцы защищались, какъ львы, не смотря на свою малочисленность; часть ихъ успѣла пробраться въ сосѣдній садъ, окруженный каменнымъ заборомъ и продолжала отбиваться оттуда, а другая—оторванная отъ своихъ, бросилась въ Днѣстръ, въ волнахъ котораго большинство изъ нихъ нашло свою смерть, лишь очень немногіе спаслись бѣгствомъ. Не лучшая судьба ожидала осажденныхъ въ саду; Тормани и Томша приказали подвести пушки, изъ которыхъ заставляли стрѣлять плѣнныхъ иноземцевъ, такъ какъ молдаване не умѣли обра-

щаться съ пушками. Мужественные плѣнники однакожъ предпочли смерть братоубійству, и только одинъ изъ нихъ, Христофоръ, изъ страха смерти повиновался и открылъ убійственный артиллерійскій огонь, доканавшій его земляковъ.

8-го Августа 1563 г. весь отрядъ иноземцевъ былъ перебитъ, и Илья Тормани съ главными силами прямо двинулся въ Сочаву, а Стефанъ Томша съ сильнымъ отрядомъ пошелъ овладѣть крѣпостями, занятыми иноземцами. Прежде всего онъ подступилъ къ городу Нямца, гдѣ былъ комендантомъ вѣрный другъ и товарищъ Гераклида, Іахимъ изъ Грогова, на бѣду бывшій тогда въ отсутствіи. Гарнизонъ, не подозрѣвая измѣны, пустилъ Томшу въ крѣпость и жестоко поплатился за довѣріе, потому что Томша всѣхъ истребилъ. Іахимъ изъ Грогова, услышавъ объ участи, постигшей его товарищей, и предвидя бѣду для самого господаря, въ отчаяніи бросился въ Сочаву. Хотя столица была окружена уже мятежниками, ему, однакожъ, удалось пробраться къ князю и разсказать обо всемъ случившемся. Съ прибытіемъ Томши началась осада Сочавы, которая имѣла еще 656 защитниковъ, состоявшихъ изъ венгерцевъ, итальянцевъ, грековъ и поляковъ подъ командой Мартина Форкача и Петра Девой, у которыхъ были помощниками сотники, Ѳома Славянинъ, Стефанъ Хорватъ и Григорій Геральдъ. Съ такими незначительными силами Гераклидъ рѣшилъ защищаться, не смотря на численное превосходство непріятеля. Онъ вѣроятно, надѣялся на искуство и мужество своихъ воиновъ. И дѣйствительно, молдаване вели осаду вяло, а гарнизонъ крѣпости храбро отражалъ ихъ нападеніе. Молдаване приписывали свои неудачи тому обстоятельству, что у нихъ было слишкомъ много вождей, между которыми не было единомыслія, и потому рѣшили избрать новаго князя. Главные коноводы мятежа, Бернавскій, Моцокъ и Стричъ, благоразумно отказались отъ кандидатуры, и княземъ былъ избранъ Томша подъ именемъ Стефана IX-го. Новоизбранный князь, принявъ власть, рѣшилъ взять столицу приступомъ, и для этой цѣли приказалъ привезти четыре большихъ пушки, которыя у поляковъ назывались смоками, (сорокафунтоваго калибра), но на его бѣду въ войскѣ не

нашлось ни одного человѣка, который умѣлъ бы изъ нихъ стрѣлять. Осажденные частыми и мужественными вылазками страшно безпокоили молдаванъ; такъ напримѣръ, однажды Петръ Девай, выбѣжавъ изъ Сочавы съ 400-ми воинами, овладѣлъ тремя пушками и уже волокъ ихъ въ крѣпость, какъ вдругъ Илья Тормани съ сильнымъ отрядомъ бросился на него. Завязалась отчаянная схватка, въ которой 200 молдаванъ и самъ Тормани легли убитыми и тяжело раненными. Новый отрядъ молдаванъ оттѣснилъ Девая, который, бросивъ пушки, вернулся въ крѣпость безъ потерь. Томшу очень безпокоила стойкая защита столицы, но не меньше безпокоилъ его и Димитрій Вишневецкій, который могъ зайти ему въ тылъ и, такимъ образомъ, поставить между двухъ огней. По этому, онъ счелъ болѣе благоразумнымъ снять осаду и, перешедши Серетъ, расположиться лагеремъ въ глубинѣ страны, чтобы тамъ переждать неблагопріятное время. Въ тоже время онъ послалъ къ Іоанну Сигизмунду Запали извѣстіе о своемъ избраніи и просьбу о помощи.

Освободившись отъ осады, Гераклидъ разослалъ гонцовъ во всѣ стороны съ просьбами о помощи: одинъ поскакалъ къ Ласкому съ умоляющимъ письмомъ, въ которомъ князь раскаивался въ своемъ прошломъ поведеніи и просилъ о помощи, но гонецъ не засталъ Ласкаго въ Подоліи: онъ, оставивъ Вишневецкаго съ войсками, поѣхалъ въ Польшу вербовать новыхъ охотниковъ; другой гонецъ—венгерецъ Валентинъ Препастуари отправился къ императору Фердинанду I и чешскому королю Максимиліану, но засталъ всѣхъ занятыми коронаціей императора, на которую были употреблены всѣ деньги, и потому добиться помощи сейчасъ нечего было и думать, хотя императоръ черезъ своего посланца Лупу Петца обѣщалъ помощь и совѣтовалъ Гераклиду не сдаваться, но Петцъ, проѣзжая въ Молдавію черезъ Трансильванію, попался въ руки Іоанна Сигизмунда, который послалъ его съ письмомъ императора къ султану, компрометируя, такимъ образомъ, молдавскаго князя и лишая его довѣрія Дивана. Наконецъ, третій гонецъ поѣхалъ къ Мартину Зборовскому, котораго встрѣтилъ на самой границѣ, но послѣдній, узнавши о положеніи дѣлъ въ Молдавіи, не смотря ни

на значительный отрядъ, бывшій съ нимъ, ни на слезы дочери, просившей помочь обожаемому жениху, повернулъ домой, предоставивъ Герклида собственной участи.

Далѣе слѣдуетъ что-то непонятное и мало вѣроятное: князь Димитрій Вишневецкій, не дожидаясь своего союзника Ласкаго, подступаетъ къ Сочавѣ и объявляетъ себя союзникомъ Гераклида, предлагая вывести его изъ затруднительнаго положенія, если ему заплатятъ 25 тысячъ червонцевъ единовременно за помощь и будутъ продолжать платить впредь по 12 тыс. черв. ежегодно до тѣхъ поръ, пока не возстановится спокойствіе въ странѣ. Впрочемъ, нѣкоторые историки утверждаютъ, что между Ласкимъ и княземъ Димитріемъ вышли недоразумѣнія, и потому, быть можетъ, потерявъ всякую надежду на полученіе молдавской короны, такъ какъ до него дошла вѣсть объ избраніи Томши, Вишневецкій счелъ болѣе выгоднымъ, а можетъ быть и справедливымъ, стать на сторону Гераклида. Гераклидъ, понятно, остался очень доволенъ предложеніемъ и щедро наградилъ посланнаго Вишневецкимъ Ивана Пясецкаго. Еще Пясецкій не вернулся отъ Гераклида, какъ мятежные бояре, узнавъ, какой оборотъ приняли дѣла, и боясь мести Гераклида, послали депутацію къ Вишневецкому съ такими рѣчами: твой приходъ мы считаемъ милостью неба, ты одинъ достоинъ княжить надъ нами; твой высокій родъ, связывающій тебя съ могущественнымъ королемъ сосѣдней страны, прославленная твоя храбрость въ войнахъ съ бусурманами, государственная опытность, основательное знакомство съ обычаями, законами, потребностями и жизнію народа, а главное твоя набожность и уваженіе къ общей нашей матери церкви—даютъ намъ ручательство, что ты своимъ правленіемъ осчастливишь страну. Пусть не смущаетъ тебя то обстоятельство, что Томша уже избранъ княземъ: его избраніе временно и условно, поэтому онъ готовъ изъ любви къ отечеству и ради его пользы отказаться отъ своего званія и явиться первымъ, чтобы выразить свои вѣрноподданническія чувства. Прельщенный рѣчами Волоховъ, Димитрій Вишневецкій вдругъ измѣняетъ свои рыцарскія намѣренія и, даже не дожидаясь Пясецкаго изъ Сочавы, посы-

лаетъ новаго гонца съ извѣщеніемъ о происшедшей перемѣнѣ. Венгры, основываясь на только что заключенномъ договорѣ съ Пясецкимъ, вышли изъ Сочавы для закупки провіанту, но къ своему удивленію были встрѣчены враждебно войсками Вишневецкаго и должны были убѣжать назадъ въ крѣпость съ большимъ урономъ, подтверждая извѣстіе о происшедшихъ перемѣнахъ въ лагерѣ Вишневецкаго.

Въ то время молдавская депутація, желая придать своимъ словамъ больше правдивости и доброжелательства къ Вишневецкому, проситъ у него 500 воиновъ себѣ въ помощь на тотъ случай, еслибъ образовалась какая нибудь враждебная къ Вишневецкому партія, которую надо было бы смирить силою оружія. Вишневецкій охотно исполнилъ желаніе молдаванъ, но лишь только отрядъ козаковъ перешелъ мостъ на рѣкѣ Серетѣ и сталъ приближаться къ лагерю Томши, какъ молдаване, бывшіе въ засадѣ, бросились на нихъ и окружили со всѣхъ сторонъ. Козаки, видя измѣну, рѣшились продать жизнь дорогой цѣной и, показавъ чудеса храбрости и военнаго искусства, всѣ легли въ неравной битвѣ подъ ударами вѣроломныхъ молдаванъ. Между тѣмъ бояре, боясь, чтобы извѣстіе о ихъ гнусномъ поступкѣ не дошло къ Вишневецкому, быстро перешли со всѣми своими силами черезъ Серетъ и напали на козацкій лагерь, представлявшій въ это время мирную картину: лошади были разсѣдланы, вооруженіе козаковъ сброшено въ сторонѣ, въ кучу, самъ вождь, больной ногами, мирно почивалъ на возу. И вдругъ эта мирная бивуачная картина моментально превращается въ адъ: налетѣвшіе молдаване, пользуясь замѣшательствомъ своихъ безоружныхъ враговъ, сѣяли вокругъ себя смерть. Димитрій Вишневецкій быстро оріентировался и, не теряя головы, дѣлалъ распоряженія. Въ козацкомъ лагерѣ работа закипѣла. Прежде всего стянули возы и, по козацкому обычаю, образовали изъ нихъ сомкнутый кругъ, мгновенно создавъ такимъ образомъ укрѣпленный лагерь. Пясецкій принялъ начальство надъ козацкими войсками, а Вишневецкій, будучи не въ силахъ сѣсть на коня, ограничилъ свою роль тѣмъ, что приказалъ носить себя

на носилкахъ въ тѣ пункты, гдѣ была наибольшая опасность, и въ одномъ мѣстѣ ободрялъ, въ другомъ подавалъ совѣтъ.

Несмотря на численное превосходство врага и нечаянность нападенія, козаки не только удержали напоръ молдаванъ, не разорвавъ своихъ рядовъ, но даже стали оттѣснять ихъ, такъ что задніе ряды непріятелей, тѣснимые передними, побѣжали, распространивъ вѣсть о полномъ своемъ пораженіи. Но бояре, собравъ вновь подходившія толпы молдаванъ, опять бросились на козаковъ, которые уже не могли вынести новаго натиска, дрогнули и смѣшались. Пясецкій, отражая въ одномъ мѣстѣ непріятеля, чтобы удержать за собою путь къ отступленію, попалъ въ плѣнъ. Тогда Вишневецкій увидѣлъ, что для него все потеряно, сѣлъ на возъ и приказалъ везти себя въ степь, минуя большія дороги, боясь погони. Встрѣтивъ въ степи скирду сѣна, князь Димитрій зарылся въ сѣно, разсчитывая здѣсь переждать первое время тревоги и поисковъ, но на другой день къ скирдѣ подъѣхалъ мужичекъ набрать сѣна и открылъ убѣжище князя.

Вишневецкій упросилъ мужичка за большое вознагражденіе спрятать его на своемъ возу подъ сѣномъ и перевезти въ Подоль. Мужичекъ охотно согласился, а Вишневецкій, вполнѣ довѣряясь ему и не слѣдя, по какому направленію его везутъ, попалъ въ лагерь Томши. Тамъ при въѣздѣ поразили его потрясающія, ужасныя сцены: небольшая кучка его товарищей, связанная по рукамъ и ногамъ, стояла въ сторонѣ, и надъ ней оперировалъ палачъ, отрѣзывая уши и носы, шельмовалъ, какъ тогда говорили, и въ такомъ обезображенномъ видѣ отпускали ихъ домой. Семейныя преданія сохранили намъ память о нѣкоторыхъ страдальцахъ. Такъ напримѣръ, въ родословныхъ стараго дворянскаго рода Джиридовъ упоминается нѣкто Стефанъ Стефановичъ Джиридъ, бывшій въ это время ротмистромъ у Вишневецкаго и вернувшійся въ отечество въ такомъ страшномъ видѣ.

Вишневецкаго и Пясецкаго новый господарь отправилъ въ Стамбулъ къ султану.

VII.

Селимъ II, сынъ знаменитой Роксоланы и Солимана Великолѣпнаго, очень обрадовался присылкѣ плѣнниковъ: давно весь бусурманскій міръ жаждалъ крови богатыря, да не легко давался онъ въ руки. Долго султанъ придумывалъ пожесточе казнь своему заклятому врагу. Современники оставили намъ разсказы объ этой казни въ нѣсколькихъ версіяхъ, сходныхъ въ общемъ и розпящихся въ подробностяхъ. Мы выбрали разсказъ герольдика Папроцкаго, нетолько современника, но даже ровесника Вишневецкаго, человѣка, который съ сочувствіемъ и большимъ вниманіемъ слѣдилъ за судьбой героевъ Украины. „Волохи, разсказываетъ онъ, взяли Пясецкаго (Ивана) измѣной вмѣстѣ съ Вишневецкимъ и отправили въ Турцію; тамъ замучили ихъ ужасной смертію. Въ Цареградѣ надъ морскимъ заливомъ, идущимъ къ Галатѣ, были поставлены двѣ висѣлицы одна надъ другой; на нижней были укрѣплены двѣ пары вилообразныхъ крюковъ, а на верхней только гайка (не блокъ ли?), къ которой была прикрѣплена веревка. При помощи этой веревки подняли Пясецкаго и быстро спустили съ высшей висѣлицы на низшую; онъ, падая, зацѣпился ребромъ за крюкъ, залился кровью и скоро умеръ, потому что повисъ головой внизъ. Послѣ тоже самое продѣлали и надъ Вишневецкимъ, но тотъ, зацѣпившись ребромъ за крюкъ, повисъ ногами внизъ, и потому прожилъ еще три дня, пока не пронзилъ его стрѣлой изъ лука невѣрный, выведенный изъ терпѣнія его проклятіями и хулой противъ Магомета и его вѣры“. Точь въ точь тоже самое поетъ народъ въ пѣснѣ о Байдѣ.

Ой ише Байда медъ, горілочку,
Та не день, не два,
А ни одну ночку.
Прыйшовъ до его,
Царь Турецькій
Ой здоровъ бувъ, Байдо,
Байдо молодецькій!
Годи тоби, Байдо,
Байдыкуваты,
Беры мою дочку,
Та йды царюваты!
Твоя вира проклятая,
Та твоя жъ дочка поганая.
Ой якъ крыкне царь турецкій,
Та не свои слуги,
Слуги молодецки.
Ой вы слуги,
Слуги вирныи!
Та звяжить же Байди,
Рученьки билыи.

Позволь, царю,
Лучка взяты,
Тоби на вечерю,
Голубочка зняты.
Ой якъ стрельне
Байда зъ лука,
Та попавъ винъ царю
Помижъ сами вуха,
А царыцю
Въ потылыцю,
А цареву дочку
Въ саму головочку.
Отъ то жъ тоби, царю,
За Байдыну кару!
Було тоби знаты,
Якъ Байду караты:
Було Байди голову взяты,
Его тило поховаты,
Воронымъ конемъ издыты,
Хлопця соби зголубыты [1]).

Пока Томша управлялся съ Вишневецкимъ, а это продолжалось дня четыре, Гераклидъ легко могъ воспользоваться этимъ временемъ для побѣга въ Хотинъ къ Ласкому, который тогда прибылъ туда съ значительнымъ отрядомъ, набраннымъ въ Польшѣ, и заперся въ хотинской крѣпости, выжидая исхода событій. Многіе совѣтовали Гераклиду оставить столицу, но онъ согласился съ мнѣніемъ своего врага, Діонисія Авали, совѣтовавшаго лучше дождаться помощи за крѣпкими стѣнами, нежели разсчитывать на сомнительное великодушіе Ласкаго. И дождался Гераклидъ помощи, но не себѣ, а своему врагу Том-

[1]) Старовольскій въ своей книгѣ „Bellatores Sarmatiae“ подъ заглавіемъ „Demetrius Visnovecius“ тоже помянулъ въ общихъ и нѣсколько трескучихъ фразахъ нашего народнаго героя: Demetrius Michaelis filius, in bellis exercitatissimus, et cujus nomen frequentes victoriae apud Scythas, non solum celebre, verum etiam formidabile redderant; regnante Sigismundo Augusto, a Valachis ad principatum vocatus fuerat. Dignus profecto ea fortuna Princeps ut pote virtutibus et animi magnitudine, itemque liberalitate, cum optimis quibusque omnium facculorum principibus comparandus. Caeterum tantae virtuti, immitis fortuna obstitit, et non diu potitum in praeceps subito deiccit. Si quidem Solimanus Turcarum immisso grandi exercitu, principatum eum post aliquot praelia et velitationes, deturbavit, Circumventus itaque infidiis Barbarorum in potestate hostium devenit: qui eum durissimo pernigilio diu torsunt. Tyranusque ipse abdicata omni, vel rediae clementiae, vel juste humanitatis laude, que singularis ferro ejus ingenio proponebatur, crudelissime in eum statuit, uneoque ferreo in porta quandam, urbis Constantinopolitanae suspendi jussit. Cui inter dolores Constantissimo, et vel sola patientia Christiana coelum promerito, hoc breve epitaphium cenotaphio erigendo scribanus.—Demetrius Visnoveciae Dux, Virtute bellica, et rebus armata manu gestis, nulli veterum Heroum Secundus: et in quo omnia ad aeternitatem famae conspirant: quum dacorum votis in Principem expetitus, haud diu dignitate suum, ottomanica potentia fractus, tueretur: intrepidi sane non solum valde memoris et cauti Deus, decus meruit. Barbarique jussu inaudito supplicio peremptus, in martyrum requiem, post, exantlatas, L circiter annis, vitae aerumnas, evolavit. Anno.

шѣ, которому Іоаннъ Сигизмундъ, наконецъ, прислалъ двухтысячный отрядъ подъ командой Владислава Родака.

Обрадованный помощью, Томша вновь приступилъ къ осадѣ Сочавы, но осажденные, очевидно, не падали духомъ, потому что продолжали дѣлать молодецкія вылазки; 18 октября, въ день св. евангелиста Луки, Григорій Гиральтъ съ отрядомъ пѣхоты, а Мартинъ Фаркачъ съ отрядомъ конницы выбѣжали изъ крѣпости и мужественно сразились съ соединенными силами молдаванъ и трансильванцевъ. Обѣ стороны понесли значительныя потери: со стороны молдаванъ палъ въ бою виновникъ мятежа гетманъ Берновскій, пронзенный мечемъ; съ другой стороны— убитъ Григорій Винча, любимецъ всего сочавскаго гарнизона за свой веселый нравъ. Послѣ этой вылазки трансильванцы, болѣе искусные, чѣмъ ихъ союзники молдаване, въ военномъ ремеслѣ, занялись энергичнѣе осадой Сочавы: вокругъ крѣпости высыпали они окопы выше и шире и поставили на нихъ пушки. Но самымъ пагубнымъ для Гераклида было то, что часть осажденныхъ и осаждающихъ были одной вѣры и говорили однимъ языкомъ: обѣ стороны вскорѣ вошли въ переговоры, и осаждающіе стали смущать своихъ земляковъ обѣщаніями отъ имени своего князя прощенія и награды, если они сдадутъ крѣпость и выдадутъ Гераклида. Лишенія во время продолжительной осады, потеря надежды на ожидаемую помощь деморализировали гарнизонъ, подтачивая вѣрность его къ господарю, и мало по малу воины стали склоняться на доводы своихъ земляковъ.

Однажды Гераклидъ, обходя патрули, замѣтилъ, что одинъ изъ его воиновъ переговаривается изъ-за стѣны крѣпости съ своимъ землякомъ, и сталъ допрашивать его о предметѣ разговора. Но когда тотъ не умѣлъ или не хотѣлъ объяснить содержанія бесѣды, то князь приказалъ виновному слѣдовать за собой и дома казнилъ его. Петръ Девай вечеромъ, не досчитываясь одного воина, сталъ требовать у князя его возвращенія, но князь, объяснивъ подозрительное поведеніе воина, сказалъ, что казнилъ его. Тогда венгерцы заволновались, упрекая Гераклида въ нарушеніи ихъ привилегій, въ силу которыхъ они одни имѣли право суда надъ своимъ товарищемъ. Девай, хотя остался

вѣренъ князю, но, понуждаемый однополчанами, сталъ требовать разсчета, а платить было нечѣмъ: пришлось въ счетъ платы отдать столовое серебро. Безденежье князя еще больше уронило его кредитъ въ глазахъ защитника столицы. Въ тоже время Владиславъ Радачъ не переставалъ работать во вредъ Гераклиду и даже завелъ своихъ шпіоновъ въ самой столицѣ, при помощи которыхъ ему наконецъ удалось склонить Петра Девая сдать Сочаву. Послѣдній сталъ искать соучастниковъ, но одинъ изъ нихъ выдалъ его князю. Гераклидъ, призвавъ обвиненнаго Девая къ себѣ въ комнаты, приказалъ казнить его своимъ цыганамъ. Пѣхота, негодуя на князя за казнь своего начальника, рѣшила сдать крѣпость, хотя Форкачъ старался удержать ее отъ такого дурнаго поступка. Болѣе доброжелательные совѣтовали Гераклиду сдаться Радачу, обѣщая выговорить ему безопасность жизни, свободу и неприкосновенность имущества, но князь или недовѣрялъ Радачу, или еще надѣялся на помощь Ласкаго и Зборовскаго, не слушалъ совѣта и умолялъ Фаркача съ его вѣрной конницей повременить съ сдачей крѣпости хоть денька четыре.

Г. Накко объясняетъ эту медленность Гераклида ожиданіемъ помощи: „осада длилась уже три мѣсяца, и деспотъ успѣлъ дать знать о своемъ положеніи въ Константинополь. Солиманъ выслалъ ему на помощь турецкій отрядъ, но Томша перехитрилъ и турокъ. Онъ просилъ ихъ остановиться въ виду Сочавы и послалъ объявить Гераклиду, что онъ можетъ безопасно сдаться туркамъ въ качествѣ военноплѣннаго. Гераклидъ повѣрилъ ложной клятвѣ.“ Было ли такъ или иначе, но у Гераклида выбора не было, и онъ рѣшилъ сдаться. Онъ надѣлъ на себя лучшее платье, препоясался мечемъ и, прощаясь съ своими придворными, разломалъ свою корону, которой куски роздалъ своимъ слугамъ, какъ послѣдній даръ; потомъ ему подвели горячаго скакуна; сѣвъ на коня и приказавъ отворить городскія ворота, онъ поскакалъ въ вражескій лагерь. Лишь только дали знать Томшѣ о пріѣздѣ Гераклида, какъ узурпаторъ приказалъ снять своего соперника съ сѣдла, обезоружить и привести къ себѣ. Приведенный Гераклидъ отвернулся отъ Томши: „Почему не кла-

няешься волошскому господарю съ подобающей ему честью?“— крикнулъ Томша. „Потому, отвѣтилъ Гераклидъ,“ что не признаю тебя господаремъ Молдавіи, а считаю измѣнникомъ и узурпаторомъ. Томша въ бѣшеной ярости бросился и ударилъ его въ голову своей булавой; стража подскочила и доконала несчастнаго князя. Отсѣченную голову Гераклида воткнули на копье и обнесли по всему лагерю. Іохимъ изъ Грогова, вѣрный другъ и товарищъ казненнаго князя, сопутствовавшій ему вездѣ, за свою преданность былъ казненъ въ другомъ концѣ лагеря. Головы обоихъ казненныхъ были отправлены въ Константинополь. Таковъ былъ конецъ Іоанна Якова Гераклида Василика, едва достигшаго сорокалѣтняго возраста и прокняжившаго безъ малаго два года. „Такимъ образомъ, восклицаетъ г. Накко, палъ жертвою своего великодушія человѣкъ, задумавшій облагодѣтельствовать Молдавію привитіемъ къ ней европейской образованности.“

Ласкій, не заставъ Вишневецкаго на условленномъ мѣстѣ и не зная, что дѣлается въ Сочавѣ, выступилъ въ походъ 11-го ноября и расположился лагеремъ надъ рѣкой Серетомъ, гдѣ встрѣтилъ изъ сочавскаго гарнизона ошельмованнаго нѣмца, отъ котораго узналъ судьбу обоихъ своихъ товарищей. При этомъ несчастный нѣмецъ разсказалъ ему, что Томша, отправляя его, приказалъ разыскать Ласкаго и передать ему слѣдующее: если онъ не хочетъ раздѣлить участь своихъ товарищей, то пусть немедленно оставитъ страну. Услышавъ такія печальныя вѣсти и не имѣя больше основанія оставаться въ странѣ, Ласкій снялъ свой лагерь и отправился черезъ Буковину въ Хотинъ. Ближайшей дорогою онъ не рѣшился идти, потому что она была уже занята молдаванами. Не особенно былъ удобенъ проходъ и по выбранной дорогѣ, потому что часто буковинскіе крестьяне дѣлали засѣки въ громадныхъ буковыхъ лѣсахъ, а на рѣкахъ снимали мосты. Сверхъ того Томша, узнавъ, по какой дорогѣ пошелъ Ласкій, послалъ въ погоню 12 т. молдаванъ, которые гнались за нимъ до самаго Снятина. Послѣ труднаго, но благополучнаго похода Ласкій, не потерявъ ни одного человѣка изъ своей дружины, прибылъ въ Хотинъ и занялся его укрѣпленіемъ,

рѣшивъ удержать его во что бы то ни стало въ вознагражденіе за понесенные труды и издержки.

Но уже въ то время повисъ Дамокловъ мечъ и надъ головой Томши. Случилось это такимъ образомъ. Новый господарь обѣщалъ трансильванцамъ, присланнымъ ему на помощь Заполею, отдать все имущество Гераклида послѣ взятія Сочавы, чѣмъ они и воспользовались въ свое время. Но когда трансильванцы отправились домой, то Томша раскаялся въ своей легкомысленной щедрости и приказалъ отряду, вернувшемуся изъ погони за Ласкимъ, нагнать своихъ бывшихъ союзниковъ и ограбить ихъ.

Іоаннъ Сигизмундъ Заполя, возмущенный такимъ гнуснымъ поступкомъ Томши, пожаловался султану и просилъ удовлетворенія. Въ тоже время и Лопушнянъ, услышавъ о смерти Гераклида, сталъ настойчивѣе хлопотать о возвращеніи ему власти въ Молдавіи. Султанъ, склоняясь на обѣ просьбы, вторично утвердилъ Лопушняна въ Молдавіи господаремъ, давъ ему турецкій вспомогательный отрядъ, при помощи котораго онъ могъ бы утвердиться на престолѣ и наказать Томшу за сдѣланную имъ обиду трансильванцамъ. Томша, услыхавъ о приближеніи грозы, бѣжалъ въ Венгрію, но на польской территоріи онъ былъ схваченъ Юріемъ Язловецкимъ, охранявшимъ тогда границы Рѣчи Посполитой. Язловецкій заключилъ своего плѣнника въ тюрьму при своемъ замкѣ Бучачѣ, донося королю о случившемся. Плѣнникъ всю зиму томился въ бучацкомъ замкѣ, не зная, какая готовится ему участь. Наконецъ *22-го мая 1564 г.* варшавскій сеймъ рѣшилъ перевести Томшу изъ Бучача въ одинъ изъ королевскихъ замковъ. Администрація для этой цѣли нашла самымъ удобнымъ Львовскій замокъ, куда Язловецкій и отправилъ плѣнника, но злая судьба преслѣдовала его и въ несчастіи: дорогой напали на него русскіе крестьяне и ограбили. Въ Львовѣ его отдали подъ стражу городскому старостѣ Петру Барзѣ. Султанъ и Лопушнянъ, узнавъ о мѣстопребываніи Томши, стали требовать выдачи его или смертной казни. Король выбралъ послѣднее, какъ болѣе сообразное съ своимъ достоинствомъ и приговорилъ Томшу къ смертной казни,ославъ декретъ въ

Львовъ черезъ дворянина Красицкаго. Въ четвергъ 5-го мая 1564 г. въ 7 час. вечера на львовскомъ рынкѣ сложилъ свою голову Стефанъ Томша, господарь земли молдавской, а тѣло его похоронили въ монастырѣ св. Онуфрія.

Въ рукахъ Ласкаго еще оставался Хотинъ, возвращенія котораго домогался султанъ. Королю, однако, удалось уговорить Ласкаго добровольно уступить крѣпость Турціи и тѣмъ умилостивить султана, стоявшаго съ сорокатысячной арміей надъ Дунаемъ и готоваго двинуться къ Хотину, еслибъ его не возвратили добровольно.

Теперь остается сказать нѣсколько словъ о вторичномъ господарствѣ въ Молдавіи Александра Лопушняна. Столица княжества Сочава такъ много напоминала ему о прежнихъ его бѣдствіяхъ, что онъ бросилъ ее и перенесъ свою резиденцію въ Яссы. Понятно, что всѣ предпринятыя Гераклидомъ реформы были заброшены и даже малѣйшіе ихъ слѣды затирались, чтобы не напоминать собою самого реформатора. Оставалось Лопушняну задушить гидру крамолы въ самомъ ея гнѣздѣ, но онъ выжидалъ, такъ какъ главная затаенная его мысль о мести боярамъ-измѣнникамъ не могла сейчасъ быть приведена въ исполненіе; ему хотѣлось прежде успокоить бояръ своимъ ласковымъ обращеніемъ такъ, чтобъ даже тѣ, которые эмигрировали въ Польшу и Венгрію, безбоязненно вернулись въ отечество. И когда тѣ вернулись, онъ жестоко расправился съ ними. Въ одно воскресенье послѣ божественной литургіи воевода пригласилъ всѣхъ знатнѣйшихъ своихъ бояръ на пирушку. Бояре, или ничего не подозрѣвая, или боясь ослушаться, собрались во дворецъ въ полномъ комплектѣ. Самъ князь, обыкновенно мрачный и задумчивый, сталъ веселѣе и разговорчивѣе; видя это, участники пира сами повеселѣли и стали смѣлѣе. Тосты слѣдовали за тостами, и одинъ смѣльчакъ, юный бояринъ Виверица, какъ бы желая выразить, что жестокость перваго княженія его больше не повторится, провозгласилъ: „за твое милосердіе, князь!“ Но у князя чело поморщилось, брови насупились, и одинъ изъ его тѣлохранителей, должно быть, по предварительному приказанію, пронзилъ кинжаломъ Виверицу. На крикъ князя:

„ко мнѣ мои стражи!“ прибѣжали подкупленные убійцы, и началась настоящая бойня подъ звуки музыки и гулъ салютующихъ пушекъ въ честь пиршества. Сорокъ семь боярскихъ головъ были сложены въ большую пирамиду на томъ самомъ столѣ, за которымъ они такъ недавно весело пировали. Народъ, узнавъ о жестокостяхъ, произведенныхъ во дворцѣ, громадной толпой окружилъ его и требовалъ выдачи Моцока, интригамъ котораго приписывалъ всѣ жестокости князя. Лопушнянъ, слыша народное требованіе, обратился къ фавориту съ вопросомъ: „что дѣлать?“ И Моцокъ отвѣтилъ: „стрѣлять!“—Не слишкомъ ли много за одну твою голову?—отвѣтилъ насмѣшливо князь и приказалъ бросить его въ толпу, которая его мгновенно растерзала. Вотъ какъ расправлялся Лопушнянъ съ боярами измѣнниками. А чтобъ они не укрывались отъ его справедливаго или иногда несправедливаго гнѣва въ укрѣпленныхъ городахъ, онъ разорилъ всѣ крѣпости, кромѣ Хотина и Нямцу.

Конецъ Лопушняна такъ описываетъ Накко: „въ 1566 г. Лопушнянъ опасно заболѣлъ, во время похода своего въ Покутье, и лежалъ при смерти въ Хотинѣ. Видя приближеніе своего конца, онъ созвалъ бояръ, просилъ у нихъ прощенія за вольныя и невольныя жестокости и далъ торжественный обѣтъ, въ случаѣ выздоровленія, постричься въ монахи и удалиться въ построенный имъ монастырь Слатинъ вымаливать грѣхи. Обратившись затѣмъ къ предстоявшимъ святителямъ, онъ просилъ ихъ, при приближеніи смерти, обрѣзать ему волосы и надѣть на него клобукъ и власяницу. Сказавъ это, онъ впалъ въ безчувственное состояніе. Думая, что онъ уже кончается, митрополитъ исполнилъ его желаніе и постригъ его въ монахи подъ именемъ Пахомія. Черезъ нѣсколько времени Лопушнянъ, однако, очнулся и, увидѣвъ себя въ странномъ одѣяніи, сталъ гнѣвно упрекать митрополита, напоминавшаго ему о торжественной минутѣ смерти, причемъ угрожалъ присутствующимъ, говоря: „дайте мнѣ только подняться и тогда въ свою очередь и я постригу нѣкоторыхъ изъ васъ“!—Услышавъ эти угрозы, окружавшіе его пришли въ неописанный ужасъ и не знали, на что рѣшиться. Но ихъ выручили изъ затрудненія Строица и Спанчокъ, возвратив-

шіеся изъ Польши и стоявшіе теперь у одра умирающаго. Они поднесли Роксандѣ ядъ, требуя, чтобы она подала своему мужу. Роксанда долго не рѣшалась совершить это преступленіе и обратилась за совѣтомъ къ митрополиту Ѳеофану. „Богъ да проститъ тебя“, сказалъ Ѳеофанъ, и Роксанда поднесла мужу роковой напитокъ. Однако Лопушнянъ, опасаясь измѣны, не хотѣлъ принимать напитка изъ рукъ своей жены, но былъ все таки принужденъ выпить его, такъ какъ Спанчокъ разжалъ ему зубы кинжаломъ и влилъ въ него весь ядъ, отъ котораго черезъ нѣсколько минутъ Лопушняна уже не стало. „E se non piangi di che pianger suoli?!“ [1])—закончу я словами Данта.

Сергѣй Венгрженовскій.

Источники.

1) Iakob Heraklidès i Olbrecht Laski: Ustęp z dziejow polskich XVI wieka, przez Mikolaja Malinowskiego. Teka № III.

2) Историческія пѣсни малорусскаго народа съ объясненіями Вл. Антоновича и Драгоманова. Томъ первый. Кіевъ 1874.

3) Исторія Бессарабіи Алексѣя Накко. Часть вторая 1876 г.

4) Польская колонизація Юго Западной Россіи. Вѣстникъ Европы м. мартъ 1874 г. П. Кулиша.

5) Herby Rycerstwa Polskiego spisane przez Bartosza Paprockiego. Krakow 1858 г.

6) О мѣстоположеніи древняго города Пересѣчена, принадлежавшаго народу Угличамъ. Н. Надеждина. Записки Одесскаго общества исторіи и древностей. Томъ первый. Одесса 1844. г.

7) Геродотова Скиѳія, объясненная черезъ сличеніе съ мѣстностями. Тамъ же и того же автора.

8) Скиѳія и Скиѳы Геродота, и его толкователи, съ описаніемъ состоянія тѣхъ странъ Д. Фридриха Людвига Линднера. Тамъ же и того же автора.

9) Początki Moldawii Aleksandra Czolowskiego Lwòw 1890 г.

10) Olbracht Laski wojewoda sieradzki Aleksandra Kraushara. Warszawa 1882 г.

11) Ateneum, журналъ 1882 г. за май статья „Rodzina Laskich w XVII wieku“.

12) Bellatores Sarmatiae Шимана Старовольскаго стр. 188.

---

[1]) И если ты не плачешь, услышавъ объ этихъ ужасахъ, то чѣмъ можно вызвать у тебя слезы?.

А. А. Потебня, какъ языковѣдъ-мыслитель.

Покойный профессоръ Харьковскаго Университета, Александръ Аѳанасьевичъ Потебня (+29 ноября 1891 г.) принадлежалъ къ числу первоклассныхъ ученыхъ нашего вѣка. Его капитальные труды (по діалектологіи, этимологіи, синтаксису русскаго языка и родственныхъ, а также по миѳологіи и народной поэзіи) давно уже оцѣнены по достоинству учеными спеціалистами и заняли выдающееся мѣсто въ наукѣ. Тѣмъ не менѣе однакоже истинное и непреходящее значеніе важнѣйшихъ трудовъ Потебни, ихъ глубокая философская основа, ихъ скрытый (подъ чрезмѣрно-сжатымъ изложеніемъ) смыслъ, указующій новые пути и открывающій далекія и грандіозныя перспективы мысли,—все это, къ сожалѣнію, еще недостаточно выяснено и не стало достояніемъ мыслящей части общества. Эта сторона хорошо извѣстна лишь немногимъ ученымъ спеціалистамъ,—въ особенности же непосредственнымъ ученикамъ покойнаго профессора, которые были, такъ сказать, свидѣтелями самаго процесса его ученаго творчества, такъ какъ многія изслѣдованія Потебни, прежде чѣмъ выйти въ свѣтъ, были прочитаны имъ въ рядѣ университетскихъ курсовъ, обставленныхъ всею роскошью живаго изложенія, нерѣдко достигавшаго высотъ настоящей художественности. И эти ученики покойнаго въ одинъ голосъ скажутъ намъ, что напр. извѣстная книга, на заглавномъ листѣ которой напечатано: „Изъ записокъ по русской грамматикѣ. I Введеніе. II. Составные члены предложенія и ихъ замѣны. Составилъ А. Потебня“,—есть глубокій философскій трудъ.

Задавшись цѣлью положить въ общедоступной формѣ философскую сторону изслѣдованій Потебни, пишущій эти строки далекъ отъ мысли исчерпать тему и будетъ считать свою задачу достигнутою, ежели ему удастся выяснить хотя-бы въ общихъ чертахъ сущность философско-психологическихъ воззрѣній на языкъ и значеніе сюда относящихся открытій покойнаго ученаго [1]).

I.

Въ тридцатилѣтней ученой дѣятельности Потебни можно различать два періода. Первый, образующій начало его карьеры, былъ наполненъ изученіемъ языка въ связи съ миѳомъ и разработкою философско-психологической теоріи языка, основанной на идеяхъ В. Гумбольдта и комментаріяхъ къ нимъ Штейнталя, а также на психологическихъ трудахъ Гербардта и Лотце. Въ этомъ періодѣ (1860—1865) Потебня является по преимуществу психологомъ и философомъ и обнаруживаетъ необыкновенный даръ анализа и обобщенія. Какъ лингвистъ, миѳологъ, психологъ, онъ уже тогда, не взирая на молодость, стоялъ на высотѣ современнаго знанія. Посвящая себя спеціально изученію языковъ славянскихъ, онъ въ то же время пріобрѣлъ солидныя познанія въ санскритѣ, литовско-латышскомъ, германскихъ нарѣчіяхъ. Сравнительная Грамматика того времени (Боппъ, Поттъ, Бенфей, Кунъ, Шлейхеръ и др.), равно какъ и историческая школа Гримма, были основаніемъ его лингвистической эрудиціи. Соединеніе этихъ двухъ направленій (сравнительнаго и историческаго), какъ извѣстно, составило силу науки сравнит. языковѣдѣнія, создало для нея незыблемо—прочный фундаментъ. Вотъ именно это соединеніе двухъ теченій и легло въ основу долгой и плодотворной дѣятельности Потебни во второмъ ея періодѣ (1865—1891). Въ эту эпоху онъ сперва работалъ преимущественно въ области діалектологіи и фонетики

[1]) Обозрѣніе всей дѣятельности А. Потебни, его характеристику, какъ ученаго, профессора и человѣка, оцѣнку его работъ и пр. читатель найдетъ въ статьяхъ гг. Ламанскаго, Будиловича, Халанскаго, Ляпунова, Нетушила и др., собранныхъ частью цѣликомъ, частью въ извлеченіяхъ въ 4 томѣ „Сборника Харьковскаго Историко-филолог. Общества“. (1892 г.).

русскаго языка и другихъ славянскихъ, широко пользуясь также данными и другихъ индоевропейскихъ языковъ. Изслѣдованія, сюда относящіяся, по богатству эрудиціи, совершенству метода, глубинѣ и вѣрности взгляда, являются капитальными произведеніями научной мысли и справедливо доставили ихъ автору одно изъ наиболѣе уважаемыхъ и авторитетныхъ именъ. Въ 1874 г. онъ выступаетъ съ классическимъ трудомъ по синтаксису („Изъ записокъ по русской грамматикѣ", 2-е изд—1889 г.), вслѣдъ за которымъ послѣдовали новыя работы по этимологіи и фонетикѣ, по народной поэзіи, опять по синтаксису—вплоть до начала 90-хъ годовъ. Вся эта обширная дѣятельность не сходила съ философской почвы и представляетъ собою строго-логическое проведеніе цѣльнаго философскаго взгляда на языкъ въ его отношеніяхъ къ мысли. Тѣмъ не менѣе эта философская подкладка оставалась какъ-бы въ тѣни и не была оцѣнена по достоинству. О ней знали только непосредственные ученики Потебни. Въ изслѣдованіяхъ этимологическихъ, фонетическихъ и т. д. она могла проявляться лишь изрѣдка и давала себя чувствовать весьма отдаленнымъ и косвеннымъ образомъ, гдѣ-нибудь въ замѣчаніи, брошенномъ мимоходомъ, въ той или иной постановкѣ спеціальнаго вопроса, при чемъ читателю приходилось самому извлекать философское основаніе этой постановки. Крайне скупой на слова, разъясненія, отступленія, Потебня писалъ въ родѣ того, какъ пишутъ математики. Оттуда между прочимъ и репутація Потебни, какъ ученаго „узкаго", „крайняго спеціалиста", чуть не „буквоѣда", и незначительное распространеніе его идей даже въ той части публики, которая должна была бы знать его труды (филологи разныхъ спеціальностей, учителя русскаго языка, литераторы). Публика и не подозрѣвала, что авторъ „Къ исторіи звуковъ русскаго языка" и другихъ спеціальныхъ и неудобочитаемыхъ книгъ и статей того же рода въ сущности и прежде всего—философъ съ очень широкимъ основаніемъ идей, воспитавшій свой умъ, щедро одаренный отъ природы, глубокимъ изученіемъ Канта, Гербардта, В. Гумбольдта и др. и стоящій на высотѣ современной философской мысли вообще. Этой неизвѣстности Потебни, какъ мыс-

лителя, способствовало также и то, что спеціальные труды второго періода своею научною цѣнностью и авторитетностью заслонили его раннія работы (перваго періода), въ особенности замѣчательный этюдъ „Мысль и языкъ“, напечатанный въ журналѣ Мин. Нар. Просв. въ 1862 г. (нынѣ переизданъ семьею покойнаго [1]). Этотъ этюдъ имѣлъ странную судьбу; онъ оставался почти неизвѣстнымъ въ теченіе 30 лѣтъ даже ученымъ, слѣдившимъ за трудами Потебни; а между тѣмъ знакомство съ нимъ оказывается необходимымъ для полнаго пониманія важнѣйшихъ трудовъ Потебни—по синтаксису и народной поэзіи, а кромѣ того, оно могло бы оказать весьма благотворное вліяніе на правильную постановку нѣкоторыхъ вопросовъ философскаго характера, представляющихъ извѣстный интересъ для всякаго образованнаго человѣка. Идеи, въ немъ выраженныя, точки зрѣнія, въ немъ установленныя, легли въ основу всѣхъ послѣдующихъ трудовъ Потебни, въ особенности же—синтаксическихъ и по теоріи словесности (не изданныхъ, также какъ и продолженіе синтаксиса, оставшееся въ рукописи). Эти капитальныя произведенія предстаяютъ собою осуществленіе на дѣлѣ того, что въ книжкѣ „Мысль и языкъ“ высказано—какъ общій взглядъ, какъ теоретическая постановка вопросовъ. Наша зададa и будетъ состоять въ томъ, чтобы связать „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ съ этюдомъ „Мысль и языкъ“ и, показавъ, по мѣрѣ силъ и умѣнія, что собственно доказалъ и открылъ Потебня, облегчить читателю-неспеціалисту изученіе хотя-бы только важнѣйшихъ трудовъ покойнаго мыслителя.

II.

Въ основаніе лингвистическихъ изслѣдованій Потебни положена идея, сжатую формулу которой мы находимъ въ слѣдующихъ его словахъ, сказанныхъ 30 лѣтъ тому назадъ: „Показать на дѣлѣ участіе слова въ образованіи послѣдовательнаго ряда системъ, обнимающихъ отношенія личности къ природѣ, есть

[1]) „Мысль и языкъ“ А. Потебни. 2-е изд. съ портретомъ автора „Харьковъ 1892 г. (272 стр.) Всѣ цитаты изъ этого сочиненія сдѣланы по этому 2-му изданію.

основная задача исторіи языка; въ общихъ чертахъ мы вѣрно поймемъ значеніе этого участія, если приняли основное положеніе, что языкъ есть средство не выражать уже готовую мысль, а создавать ее, что онъ не отраженіе сложившагося міросозерцанія, а слагающая его дѣятельность". („Мысль и языкъ", стр. 173). Основное положеніе, о которомъ говорится въ послѣднихъ строкахъ этого мѣста, принадлежитъ В. Гумбольдту, который училъ, что „die Sprache ist das bildende Organ des Denkens".— Мы постараемся дать читателю общее понятіе о томъ, какъ развивалъ Потебня это положеніе въ своемъ раннемъ трудѣ „Мысль и языкъ", исходя изъ идей Гумбольдта и отчасти пользуясь первыми работами Штейнталя.

Прежде всего нужно разъяснить, что такое *слово*. Мы это сдѣлаемъ, если отдадимъ себѣ отчетъ, изъ какихъ элементовъ оно состоитъ. Въ ряду послѣднихъ на первомъ планѣ стоятъ слѣдующіе два: *звуковая форма* и *значеніе*. Безъ нихъ слово немыслимо. Отнимите отъ словъ *домъ*, *рыба*, *огонь*, *лошадь* и т. д. сочетаніе звуковъ, ихъ составляющихъ, и оставьте ихъ значенія,—и они перестанутъ быть словами, превратятся въ чистыя понятія или представленія. И наоборотъ: лишенное своего значенія, слово перестаетъ быть словомъ и превращается, по выраженію Потебни, въ „искусственный фонетическій препаратъ" (Изъ записокъ по русской грамм., стр. 1). Если будемъ имѣть въ виду только эти два элемента, то мы опредѣлимъ слово, какъ „единство членораздѣльнаго звука и значенія". Это опредѣленіе дѣйствительно пригодно для множества словъ въ родѣ вышеприведенныхъ *огонь*, *домъ*, *рыба* и т. д., хотя и не исчерпываетъ, какъ увидимъ въ свое время, всѣхъ ихъ свойствъ. Но во всѣхъ языкахъ, кромѣ подобныхъ словъ, существуетъ много словъ иного рода, въ которыхъ, кромѣ *звука* и *значенія*, усматривается еще третій элементъ. Таковы напр. у насъ—*молокососъ*, *подснѣжникъ*, *незабудка*, *удавъ* и другія *живописныя* слова, въ которыхъ, кромѣ значенія и звуковъ, мы ясно различаемъ извѣстный, сознаваемый говорящимъ *способъ изображенія* даннаго значенія. Мы не знаемъ или не отдаемъ себѣ отчета, почему домъ называется „домъ", и какъ этотъ предметъ изображенъ въ этомъ

словѣ; напротивъ, называя извѣстный цвѣтокъ *подснѣжникомъ*, или *незабудкою*, легкомысленнаго молодаго человѣка „*молокососомъ*“ (т. е. уподобляя его грудному ребенку), извѣстную змѣю *удавомъ* и т. д., мы сознаемъ, что выдвигаемъ впередъ одинъ изъ дѣйствительныхъ или предполагаемыхъ *признаковъ* данныхъ понятій и на немъ строимъ весь образъ предмета, обозначеннаго словомъ. Итакъ, кромѣ *звука* и *значенія*, здѣсь есть еще третій элементъ—*представленіе*. Оно сохраняется въ этихъ словахъ потому, что ближайшее этимологическое происхожденіе ихъ ясно для сознанія всякаго говорящаго на данномъ языкѣ. Даже неграмотному очевидна связь слова *подснѣжникъ* съ *подъ* и *снѣгъ*, слова *удавъ* съ глаголомъ *давить* и т. д., и эта очевидность производитъ то, что предметъ черезъ посредство такого слова не просто „обозначается“, а рисуется въ умѣ со стороны одного изъ своихъ признаковъ. Формула подобныхъ словъ будетъ уже другая: „единство звука, значенія и представленія“. Отношеніе представленія къ значенію мы будемъ называть *внутреннею формою* слова въ противоположность внѣшней—звуковой. Отсюда слѣдуетъ, что слова, лишенныя представленія, какъ *домъ*, *огонь* и пр., въ то же время не имѣютъ и внутренней формы. Наличность послѣдней придаетъ слову нѣкоторый поэтическій или художественный характеръ; ея исчезновеніе дѣлаетъ слово прозаическимъ, превращая его внѣшнюю форму, его звуки, какъ-бы въ простой знакъ, „алгебраически“ указывающій на извѣстное понятіе. Путемъ сравнительно-историческаго изслѣдованія, наука весьма часто открываетъ въ такихъ „прозаическихъ“ словахъ слѣды ихъ прежняго поэтическаго характера, слѣды представленія, нѣкогда въ нихъ находившагося, потомъ забытаго. Такъ напр., у насъ слово *мышь*; а равно и отвѣчающія ему по значенію и корню—нѣмецкое Maus, латинское mus и древнегреческое μῦς—представляются давнымъ-давно лишенными внутренней формы. Но *представленіе*, нѣкогда жившее въ этихъ словахъ, сохранилось въ соотвѣтственныхъ санскритскихъ mūsh, mūshaka, ибо ясна ихъ связь съ глаголомъ mush — красть, и въ нихъ мышь явственно изображена какъ *воръ*. Потеря внутренней формы есть процессъ высокой важности; какъ

увидимъ ниже, это своего рода *творческая сила* въ исторіи языка и мысли. Но ея дѣйствіе перекрещивается работою другой, также творческой силы, но противоположнаго характера—созданіемъ *новыхъ* словъ съ внутреннею формою. Приведенныя выше слова—*удавъ*, *подснѣжникъ*, *незабудка* и др. суть слова относительно новыя. Но помимо созданія *такихъ* новыхъ словъ, языкъ сплошь и рядомъ создаетъ новыя слова нѣсколько иного типа, примѣняя старыя, съ забытой внутренней формою, для обозначенія новыхъ понятій. Традиціонное значеніе такого слова (напр. домъ—зданіе, жилище) становится знакомъ или представленіемъ другого значенія (домъ—семья). Сюда относятся всѣ метафоры, которыхъ такъ много во всѣхъ языкахъ.

На этомъ пунктѣ мы пока пріостановимъ анализъ элементовъ слова; представимъ себѣ, что въ словѣ ничего нѣтъ кромѣ звука, значенія и представленія,—и постараемся прослѣдить его дѣятельность въ смыслѣ пружины, *создающей* нашу мысль.

Въ основаніи умственныхъ процессовъ лежатъ *чувственныя воспріятія*. Это тѣ впечатлѣнія, которыя мы получаемъ черезъ посредство органовъ чувствъ отъ окружающей насъ среды и отъ нашего собственнаго тѣла. Первоначально, напр. у ребенка въ раннемъ возрастѣ, эти воспріятія совершенно хаотичны: подчиняясь общему закону *ассоціаціи*, они сочетаются между собою какъ-попало, не группируясь въ опредѣленные и постоянные образы, такъ что воспринятый предметъ, напр. дерево, еще не отдѣляется отъ окружающей обстановки или отъ фона, напр. отъ собаки, лежащей подъ нимъ, отъ неба, на синевѣ котораго оно вырисовывается. Какъ извѣстно, полученныя воспріятія могутъ сохраняться въ безсознательномъ состояніи, вытѣсненныя изъ поля сознанія другими, и потомъ вновь выплывать наружу, пробуждаться въ сознаніи. Это то, что называется *памятью*. Вновь получаемыя воспріятія, въ силу все того же закона ассоціаціи, вступаютъ въ сочетаніе съ полученными раньше и сохраненными памятью, и на этой почвѣ возникаетъ и развивается, все усложняясь, умственная дѣятельность, сначала пассивная, потомъ пріобрѣтающая все

большую активность. Самымъ пассивнымъ процессомъ должна быть признана та хаотическая ассоціація воспріятій, о которой мы только-что говорили. Это по преимуществу—ассоціація воспріятій, случайно связанныхъ въ пространствѣ (дерево на фонѣ неба, дерево и собака подъ нимъ), или полученныхъ одновременно (дерево и шумъ вѣтра). Уже менѣе пассивно то сочетаніе новыхъ воспріятій съ прежними, которое осуществляется въ силу ихъ сходства и внутренняго сродства, когда напр. новое воспріятіе дерева оживляетъ въ сознаніи прежнее воспріятіе такого же дерева, но при измѣненіи обстановки. По мѣрѣ того какъ измѣняются обстановка и фонъ (прежде была собака подъ деревомъ, теперь ея нѣтъ тамъ, прежде небо было безоблачно, теперь оно покрыто тучами и т. д.), а между тѣмъ дерево остается то же, вызывая въ сознаніи воспріятія, полученныя отъ него раньше,—въ душѣ развивается дѣятельность уже отличная отъ простой, такъ сказать, механической ассоціаціи: въ этой новой дѣятельности мы различаемъ *сліяніе* сходныхъ и неизмѣнныхъ воспріятій (дерева) воедино и *устраненіе* величинъ перемѣнныхъ (неба, собаки), чѣмъ и полагается первое основаніе *единству образа* (дерева). Здѣсь же усматриваются первые проблески умственнаго процесса высокой важности,—такъ называемой *апперцепціи*, т. е. такого сочетанія представленій, при которомъ вновь полученное нѣкоторымъ образомъ *объясняется* прежними. Такъ, въ нашемъ примѣрѣ новое воспріятіе дерева при другой обстановкѣ и на иномъ фонѣ, сочетаясь съ прежнимъ воспріятіемъ дерева, находитъ въ этомъ сочетаніи свою истинную классификацію, свое истолкованіе. Но это пока только проблески, только возможность или подготовка апперцепціи. Настоящая апперцепція есть процессъ уже активный, а не пассивный; она должна быть одухотворена извѣстной долею сознательности. Вотъ именно этотъ переходъ отъ пассивности умственныхъ процессовъ къ ихъ активности, къ ихъ сознательности осуществляется не иначе, какъ при участіи *слова*.

Первоисточникъ слова есть *рефлективный звукъ*, частью подражательный, частью „междометнаго“ характера. „Языкъ“

дѣтей первоначально состоитъ изъ такихъ непроизвольныхъ звуковъ, сопровождающихъ воспріятія и механически съ ними сочетающихся. Когда это сочетаніе установится, и ребенокъ привыкнетъ связывать извѣстные звуки съ извѣстными образами („му“ съ коровой, „жижа“ съ огнемъ и т. д.), тогда рефлективный звукъ перестаетъ быть рефлективнымъ и становится сознательнымъ *орудіемъ апперцепціи*. Благодаря ему, осуществляется настоящая апперцепція. Предположимъ, ребенокъ при видѣ дерева привыкъ произносить какой-нибудь слогъ. Всякое новое воспріятіе дерева будетъ сопровождаться у него тѣмъ же слогомъ, который съ каждымъ разомъ все тѣснѣе будетъ срастаться съ образомъ дерева, все болѣе очищающимся отъ постороннихъ примѣсей (обстановки и фона). Такое срастаніе даннаго слога съ даннымъ образомъ способствуетъ скорѣйшему его очищенію и объединенію. И когда въ хаосѣ вновь полученныхъ воспріятій ребенокъ вдругъ откроетъ присутствіе дерева и произнесетъ привычный слогъ, то въ этомъ актѣ рѣчи осуществится первая сознательная апперцепція дерева. Данный слогъ уже не будетъ рефлективнымъ звукомъ, онъ явится въ качествѣ настоящаго *слова* съ опредѣленнымъ *значеніемъ*, и его произнесеніе будетъ актомъ сознанія, что предметъ (дерево) узнанъ, схваченъ мыслью въ его отдѣльности, что онъ *апперцепированъ*. Возьмемъ еще примѣръ. Если ребенокъ, еще не апперцепировавшій солнца, уже апперцепировалъ при помощи слова „жижа“ огонь (лампы, камина), то онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи готовое орудіе и для апперцепціи солнца: онъ назоветъ и солнце „жижою“. Въ этомъ дѣтскомъ словѣ будетъ заключено цѣлое *сужденіе*, которое можно развернуть такъ: то, что я теперь вижу (солнце), есть нѣчто такое или то самое, что раньше я называлъ „жижа“ (огонь). Иначе: образъ огня, уже ассоціированный со словомъ *жижа* и составившій его *значеніе*, сталъ теперь *знакомъ* или *представленіемъ* другого значенія, другого образа (солнца). Создается слово съ *внутреннею формою*, и актъ его созданія есть въ то же время актъ *апперцепціи новаго образа*.

Такія примитивныя сужденія образутъ основаніе всего нашего умственнаго развитія. Это уже активная и творческая работа мысли: апперцепція и сравненіе. Ими, этими словами-сужденіями, ребенокъ впервые сравниваетъ, осмысливаетъ, классифицируетъ и обобщаетъ матеріалъ воспріятій, постоянно притекающій извнѣ. Вся эта работа мысли имѣетъ своимъ результатомъ образованіе тѣхъ обобщенныхъ схемъ, которыя называются *понятіями*. Итакъ, примитивныя слова-сужденія предшествуютъ образованію понятій, и послѣднія безъ первыхъ были бы невозможны. Безъ участія слова возможны только тѣ несовершенныя и эмбріональныя понятія, какія наблюдаются у высшихъ животныхъ и очевидно достигаются у нихъ силами болѣе пассивныхъ и несознательныхъ процессовъ ассоціаціи по сходству, неосмысленныхъ дѣятельностью языка. [1]).

Въ дѣлѣ образованія понятій участвуютъ различныя свойства слова; но могущественнѣе другихъ дѣйствуетъ здѣсь то, которое выше мы назвали *забвеніемъ внутренней формы*. Отрѣшимся на мигъ отъ нашей развитой мысли, орудующей *понятіями*, представимъ себѣ умственные процессы до образованія этихъ послѣднихъ и постараемся вникнуть въ творческую работу тѣхъ *словъ-сужденій*, о которыхъ была рѣчь выше, со *значеніемъ* въ роли подлежащаго и *представленіемъ* въ роли сказуемаго. Пока внутренняя форма такого слова-сужденія еще жива и осязательна, пока его представленіе не забыто, оно является весьма несовершеннымъ орудіемъ образованія понятія. Возьмемъ примѣръ. Слово *трава* происходитъ отъ корня, который значилъ *пѣсть*, и первоначально имѣло значеніе *пищи, снѣди*. Это значеніе, перенесенное на траву, стало представленіемъ новаго значенія, и слово-сужденіе „трава“ имѣло такой смыслъ: то, что́ я вижу и что́ имѣетъ такіе-то признаки (зелено, ростетъ, вянетъ и пр.), есть пища. Пока сохранялась въ

---

[1]) Глухонѣмые не составляютъ исключенія: у нихъ есть свой языкъ, только не звуковой, а „графическій“ (жесты, а при извѣстной выучкѣ движеніе губъ и начертанія буквъ). Относительная слабость умственныхъ процессовъ у глухонѣмыхъ состоитъ въ очевидной связи съ несовершенствомъ ихъ языка сравнительно съ языкомъ звуковымъ.

сознаніи внутренняя форма этого слова, въ его значеніе могли входить только такіе признаки, которые не противорѣчили представленію. Потому всякая трава, негодная для употребленія въ пищу, исключалась изъ сферы сужденій, допускаемыхъ внутренней формою даннаго слова. Съ тѣмъ вмѣстѣ многія опредѣленія, относящіяся къ травѣ, какъ таковой (въ нашемъ смыслѣ), а не какъ къ предмету пищи, представлялись случайными и не характерными для „травы". „Трава зелена" —это не важно, а важно то, что́ ее можно употребить въ пищу. Чтобы различные признаки травы выступили наружу и сгруппировались въ *понятіи* травы, необходимо было сперва забыть, что́ собственно значитъ слово „трава", устранить представленіе „пищи", въ немъ заключенное, т. е. его внутреннюю форму. Забвеніе послѣдней осуществляется постепенно, по мѣрѣ того какъ возникаютъ различныя сужденія, которыхъ сказуемыя выведены не изъ внутренней формы, а изъ значенія, напр. „трава ростетъ", „трава зелена", „трава пахнетъ" и т. д. Въ такихъ сужденіяхъ сказуемыя указываютъ на признаки, входящіе въ составъ *значенія* слова (трава) и независимые отъ его *представленія* (пищи). Нетрудно понять, что при частомъ повтореніи этихъ сужденій съ теченіемъ времени затеривается или стушевывается тотъ признакъ, который былъ связанъ съ внутреннею формою слова, и мысль все чаще и настойчивѣе обращается къ другимъ признакамъ, характернымъ для самой вещи и рисующимъ ее независимо отъ ея свойства служить пищею. „Чѣмъ больше различныхъ сказуемыхъ", говоритъ Потебня, „перебывало при словѣ *трава,* тѣмъ на большее количество сужденій разлагается до того нераздѣльный образъ травы. Субстанція травы, очищаясь отъ всего посторонняго, вмѣстѣ съ тѣмъ обогащается аттрибутами" („Мысль и Языкъ", стр. 160).

Это „обогащеніе субстанціи аттрибутами" есть образованіе *понятія.*

Субстанція въ свою очередь есть *понятіе* и—очень абстрактное; но въ этомъ видѣ она является, конечно, не въ началѣ образованія понятій, а въ концѣ, какъ своего рода философскій экстрактъ изъ нихъ. Въ данномъ случаѣ Потебня

имѣлъ въ виду не эту позднюю и высшую степень отвлеченія, а то зерно, тотъ эмбріонъ „субстанціи", который усматривается въ самомъ началѣ процесса развитія различныхъ понятій. Вотъ именно этотъ эмбріонъ „субстанціи", необходимый для образованія всякаго понятія (травы, дома, огня и т. д.), есть *даръ языка*. Возьмемъ опять въ примѣръ ребенка, который называетъ огонь „жижа". По мѣрѣ того, какъ онъ послѣдовательно переноситъ это слово-сужденіе отъ лампы къ камину, къ зажженной спичкѣ, къ солнцу и т. д., въ его душѣ постепенно отлагается и крѣпнетъ впечатлѣніе противоположности между всѣми этими перемѣнными величинами и неизмѣнностью слова и связаннаго съ нимъ представленія, одинаково прилагаемыхъ ко всѣмъ имъ. Ощущеніе этой противоположности и есть первый шагъ къ „созданію категоріи субстанціи, вещи самой въ себѣ" („Мысль и Языкъ", 152). Этотъ процессъ Потебня называетъ также процессомъ созданія *общности образа*. Обозначая различныя проявленія огня (въ каминѣ, лампѣ, солнцѣ) однимъ и тѣмъ же словомъ „жижа", всякій разъ мысля представленіе, связанное съ нимъ, ребенокъ обобщаетъ образъ, и этимъ обобщеніемъ вызывается въ душѣ предрасположеніе противополагать различнымъ формамъ вещи ея неизмѣнную субстанцію.

Подводя итогъ всему вышесказанному о роли слова въ процессѣ образованія нашей мысли, мы получимъ слѣдующія положенія

1) Слову предшествуютъ рефлективные членораздѣльные звуки, связанные съ чувственными воспріятіями.

2) Ассоціируясь съ группами воспріятій, эти звуки становятся ихъ знаками и превращаются въ слова.

3) Слово является орудіемъ *объединенія образа* (отдѣленія его отъ фона и другихъ постороннихъ примѣсей).

4) Оно служитъ средствомъ созданія *общности образа* и кладетъ основаніе категоріи *субстанціи*.

5) Оно, въ формѣ сужденій, является средствомъ *разложенія образа на его признаки*, что̀ ведетъ, вмѣстѣ съ сознаніемъ его общности, къ образованію *понятій*.

Къ этимъ пяти положеніямъ прибавимъ еще одно, прямо изъ нихъ вытекающее:

6) Слово есть по преимуществу орудіе *познанія* и *самосознанія.*

Знаніе есть *апперцепція понятіями*, болѣе или менѣе правильными и широкими, явленій *объективнаго* міра. Понятія созидаются, какъ мы видѣли, силою слова, и сами по себѣ, въ своемъ, такъ сказать, необработанномъ, природномъ видѣ, образуютъ основы познанія вещей. Переработанныя, культивированныя критическою мыслью, они превращаются въ знаніе научное и философское. „Путь наукѣ", говоритъ Потебня, „уготовляется словомъ" („Мысль и Языкъ", 164).

Самосознаніе есть *апперцепція понятіями*, болѣе или менѣе широкими и правильными, явленій міра *субъективнаго.* Оно развивается какъ прямое послѣдствіе *знанія вообще*, ибо послѣднее, обогащая мысль субъекта, увеличиваетъ ея энергію, ея тяжесть, силу ея давленія, и человѣкъ невольно привыкаетъ обращать взоръ внутрь себя, подслушивать и оцѣнивать свои собственныя мысли и чувства, сознавать себя.

До сихъ поръ мы разсматривали дѣятельность языка, направленую на созданіе мысли, въ періодъ, когда онъ самъ еще находился въ процессѣ развитія, напр. у ребенка или въ первобытномъ человѣчествѣ. Но и по истеченіи этого періода, какъ въ жизни ребенка, такъ и въ исторіи человѣчества, творчество языка не прекращается. Языкъ никогда не стоитъ на одномъ мѣстѣ,—онъ движется, развивается, создаетъ все новыя и совершеннѣйшія формы мысли. Съ тѣмъ вмѣстѣ измѣняется и самая мысль. Органическая теорія языка, такъ долго господствовавшая въ наукѣ, не могла проникнуть въ эту связь развивающейся мысли съ развивающимся языкомъ. Оттого-то она превратно понимала историческую эволюцію самого языка. Шлейхеръ училъ, что творческій періодъ въ языкѣ закончился задолго до начала исторической жизни человѣчества, и послѣднее вступило въ зрѣлый возрастъ—уже обладая готовымъ языкомъ, развитымъ *организмомъ* рѣчи, которому уже некуда было итти дальше и оставалось одно—разлагаться. Такимъ образомъ вся послѣдующая исторія языка представлялась его постепенною смертью, процессомъ разложенія, шедшимъ въ ногу

съ прогрессивнымъ развитіемъ мысли. Этотъ разлагающійся трупъ оказывался однакоже по своему *живымъ*: говорили о жизни языка, о его органическомъ ростѣ; о его живой дѣятельности, какъ средства передачи мысли. Органическая теорія запуталась въ своихъ внутреннихъ противорѣчіяхъ, изъ коихъ нѣтъ выхода.

Если мы, вслѣдъ за Гумбольдтомъ, вникнемъ глубже въ роль языка, какъ средства передачи мысли, и вмѣстѣ въ исторію новыхъ языковъ, то увидимъ, что тутъ опять-таки скрывается нѣкоторое творчество, что́ и здѣсь языкъ продолжаетъ быть орудіемъ созданія или дальнѣйшаго развитія мысли. Изученіе живыхъ языковъ (германскихъ, славянскихъ, романскихъ и др.) открыло признаки прогрессивнаго движенія въ ихъ эволюціи и все настойчивѣе заставляетъ насъ думать, что есть какая-то связь между этой эволюціей новыхъ языковъ и развитіемъ мыслительной энергіи передовыхъ народовъ земнаго шара. Громадная заслуга Потебни состоитъ въ томъ, что *онъ доказалъ* существованіе этой связи и сдѣлалъ очевиднымъ, что творческая работа языка по отношенію къ мысли не прекратилась, а только вступила въ другой фазисъ.

В. Гумбольдтъ поставилъ вопросъ: что́ значитъ говорить и *понимать*? Отвѣтъ, данный имъ-же, заключенъ въ двухъ знаменитыхъ формулахъ 1): *говорить* значитъ связывать свое индивидуальное мышленіе съ общимъ мышленіемъ народа и 2) всякое пониманіе есть вмѣстѣ съ тѣмъ непониманіе.

Вторую формулу Потебня разъясняетъ слѣдующимъ образомъ: „ ... субъективное содержаніе мысли говорящаго и мысли понимающаго всегда различно, хотя это различіе обыкновенно замѣчается только при явныхъ недоразумѣніяхъ,... но можетъ быть сознано и при такъ называемомъ полномъ пониманіи. Мысли говорящаго и понимающаго сходятся между собою только въ словѣ... Говоря словами Гумбольдта, никто не думаетъ при извѣстномъ словѣ именно того, что́ другой, и это будетъ понятно, если сообразимъ, что даже тогда, когда непониманіе повидимому невозможно, когда напр. оба собесѣдника видятъ передъ собою предметъ, о которомъ рѣчь, что даже тогда каждый въ буквальномъ смыслѣ смотритъ на предметъ съ своей точки зрѣ-

нія и видитъ его своими глазами. Полученное этимъ путемъ различіе въ чувственныхъ образахъ предмета, зависящее отъ внѣшнихъ условій (различія точекъ зрѣнія и устройства организма), увеличивается въ сильнѣйшей степени отъ того, что новый образъ въ каждой душѣ застаетъ другое сочетаніе прежнихъ воспріятій, другія чувства, и въ каждой душѣ образуетъ другія комбинаціи. Поэтому всякое пониманіе есть вмѣстѣ непониманіе, всякое согласіе въ мысляхъ—вмѣстѣ несогласіе." („Мысль и Языкъ", 133—134).

Изъ такой постановки вопроса само собою вытекаетъ слѣдующее. Мысль говорящаго никоимъ образомъ не можетъ перейти въ сознаніе слушающаго цѣликомъ, со всѣмъ аппаратомъ сопутствующихъ ей представленій и съ тѣмъ именно способомъ ихъ сочетанія, какой имѣлъ мѣсто въ сознаніи говорящаго. Слова, сказанныя однимъ, только зажигаютъ мысль другаго. Послѣдняя, черезъ посредство услышанныхъ словъ, только настраивается на извѣстный ладъ и начинаетъ сама работать въ данномъ направленіи. Въ результатѣ получаются два процесса мысли, движимой языкомъ, изъ коихъ второй есть воспроизведеніе перваго, но не пассивное, а активное, не снимокъ съ него, не простое его отраженіе, какъ въ зеркалѣ, а его переработка сообразно силамъ и средствамъ, какія имѣются въ распоряженіи слушающаго. Здѣсь мы имѣемъ одно изъ основаній того положенія, которое Потебня въ своихъ лекціяхъ (и отчасти въ сочиненіяхъ) широко развивалъ, распространяя его, со свойственною ему силою обобщенія, на различныя сферы психической жизни, между прочимъ примѣняя его къ вопросу о *заимствованіяхъ* въ языкѣ, въ народной поэзіи, въ искусствѣ, литературѣ, наукѣ. Онъ училъ, что заимствованіе напр. иностраннаго слова, литературной формы, научныхъ пріемовъ и т. д. есть *особый родъ творчества*.

Теперь отъ процесса *пониманія* перейдемъ къ процессу *рѣчи*.

Говоритъ-ли человѣкъ, пишетъ-ли, или молча думаетъ,—во всякомъ случаѣ онъ орудуетъ *словами*; ими онъ схватываетъ и апперцепируетъ всякое вновь возникающее въ его умѣ представленіе или понятіе. Это представленіе или понятіе какъ бы

воплощается, объективируется въ словѣ и оттого получаетъ для самого говорящаго (или думающаго) бо́льшую наглядность, осязательность, осмысленность. Процессъ мышленія сводится къ различнаго рода группировкѣ понятій и представленій. Слова суть тѣ же понятія и представленія, но только связанныя съ членораздѣльными звуками или—при молчаливомъ мышленіи—съ ихъ *представленіями*, обыкновенно сопровождаемыми беззвучной артикуляціей. Орудуя словами, человѣкъ облегчаетъ себѣ процессъ мышленія, уже въ силу того, что соблюденіе пріобрѣтенныхъ привычекъ всегда помогаетъ мыслить, какова бы ни была эта привычка—куреніе-ли, игра-ли пальцами, жесты, или мускульныя движенія въ лицѣ; самой закоренѣлой привычкой является, конечно, артикуляція языка, все равно звучная, или беззвучная. Но этого мало: языкъ создаетъ ту національную и личную атмосферу или стихію мышленія, въ которой индивидуальному уму особливо удобно и привольно вращаться. Человѣкъ всегда мыслитъ силами и средствами опредѣленнаго языка: французъ—французскаго, нѣмецъ—нѣмецкаго и т. д. Взглянемъ ближе на отношеніе чечеловѣка къ этой стихіи рѣчи—мысли.

Слова, которыя вы употребляете, чтобы говорить и мыслить, не вами созданы; не вы вложили въ нихъ извѣстныя значенія, сочетали ихъ съ извѣстными понятіями. Все это представляется даннымъ вамъ, какъ готовое, и вы, повидимому, только пользуетесь этимъ матеріаломъ для своихъ цѣлей. Но такъ какъ у васъ, въ силу особенностей вашей индивидуальности и личной исторіи, съ этими словами соединены такіе оттѣнки и видоизмѣненія представленій и понятій, какихъ нѣтъ у другаго, то всякое ваше слово будетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ новымъ созданіемъ. Настоящая, подлинная „жизнь“ языка осуществляется въ его утилизаціи индивидуумомъ и слагается изъ совокупности всѣхъ отдѣльныхъ актовъ рѣчи. Поэтому настоящее, живое слово это то, которое вы только-что сказали, подумали, написали. Употребленное другимъ, это слово будетъ уже другое; оно-же, употребленное вами въ другое время, при другихъ обстоятельствахъ, будетъ опять инымъ. Такимъ образомъ, существуетъ столько словъ *домъ*, *огонь*, *небо* и т. д., сколько разъ

они были употреблены въ рѣчи. Ибо слово не есть *вещь*, которою пользуется одинъ, потомъ другой, и которая остается все тою-же вещью. Рѣчь есть процессъ психіи, и слово—это отдѣльный *актъ мысли*. Поэтому тѣ слова, которыя проставлены въ словаряхъ, не суть настоящія слова, а только ихъ обобщенія, отвлеченныя схемы отдѣльныхъ актовъ мысли. И то, что я выше говорилъ о *готовыхъ* словахъ, которыя *даны* говорящему и которыя онъ употребляетъ по своему, нужно понимать такъ: были милльоны актовъ мысли (милльоны словъ „домъ", словъ „огонь" и т. д.), къ этимъ милльонамъ я прибавляю еще одинъ лишній актъ (говоря „домъ", употребляя слово „огонь"); были милльярды оттѣнковъ, къ которымъ я присоединяю еще одинъ. Эти оттѣнки такъ нечувствительны, что ихъ результаты могутъ быть замѣчены только по истеченіи большого періода времени. Для сознанія говорящаго эти измѣненія незамѣтны. Онъ и не подозрѣваетъ, что въ процессѣ своей рѣчи создаетъ по каплямъ новыя представленія, новыя значенія. Онъ не подозрѣваетъ, что, говоря, *присоединяетъ свою индивидуальную работу мысли къ муравьиной работѣ милльоновъ*, строитъ дальше зданіе, воздвигавшееся многими поколѣніями, ростущее вѣками. Но то, что скрыто отъ сознанія самихъ муравьевъ, открывается постороннему наблюдателю. Геніальнымъ взмахомъ мысли В. Гумбольдтъ предугадалъ истину, опредѣливъ процессъ рѣчи вышеприведенной формулою: „говорить значитъ связывать свое индивидуальное мышленіе съ общимъ мышленіемъ народа и человѣчества". Теперь, послѣ изслѣдованій Потебни, мы можемъ эту формулу видоизмѣнить такъ: говорить значитъ актомъ своего индивидуальнаго мышленія прибавлять микроскопическія измѣненія къ тѣмъ, которыя уже накопились милльардами предшествовавшихъ актовъ мысли.

Сравнительная исторія языка и есть та наука, которая призвана изслѣдовать этими вѣками обнаруживающіяся метаморфозы языка, оцѣнивать ихъ результаты и такимъ образомъ изучать *эволюцію* мысли человѣческой. Эту грандіозную задачу и преслѣдовалъ Потебня въ своихъ синтаксическихъ изысканіяхъ къ которымъ мы теперь и обратимся. **Д. Овсянико-Куликовскій.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Воспоминаніе роменскаго старожила объ Ильинской ярмаркѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Городъ Ромен̀ъ въ календаряхъ, словаряхъ и учебникахъ слыветъ и по нынѣ, какъ мѣсто, знаменитое своими ярмарками. На самомъ дѣлѣ это не совсѣмъ вѣрно. Лучшая роменская ярмарка, Маслянская, далеко уступаетъ напр. харьковскимъ ярмаркамъ, другія же—Вознесенская, Александровская, Михайловская—ничѣмъ не выдѣляются изъ ряда мѣстныхъ маленькихъ ярмарокъ нашихъ уѣздныхъ городовъ. Ярмарочная слава Ромна—это постепенно замирающее эхо знаменитой Ильинской, переведенной изъ него въ Полтаву ровно сорокъ лѣтъ тому назадъ.

Періодъ процвѣтанія въ Ромнѣ Ильинской ярмарки, занимающій приблизительно послѣднюю четверть прошлаго вѣка и первую половину настоящаго, есть лучшее время въ экономической исторіи города. Роменцамъ жилось сыто и весело. Житейское довольство отражалось и на нравственномъ складѣ обывателей. Они стояли въ уровень не только всероссійской торговли, но и всевозможныхъ модъ, дворянскихъ развлеченій, даже политическихъ новостей. Въ повѣстяхъ Квитки напр. ярмарочный Роменъ фигурируетъ какъ столица, о посѣщеніи которой открыто мечтаютъ деревенскія барышни и ихъ маменьки и про себя—почтенные отцы семействъ.

Естественно, что роменскіе старожилы любятъ вспоминать времена Ильинской. Если бы побольше такихъ воспоминаній попадало въ печать, они имѣли бы значеніе не только для исторіи города, но и для исторіи общества цѣлаго края. Къ со-

жалѣнію, свидѣтели роменской Ильинской все больше уменьшаются числомъ, а воспоминаній о бытовой обстановкѣ этой знаменитой въ свое время ярмарки нигдѣ не появляется. Вотъ почему мы охотно даемъ мѣсто въ нашемъ журналѣ слѣдующимъ ниже воспоминаніямъ, выражая надежду, что они могутъ вызвать на свѣтъ и другія замѣтки, болѣе яркія и болѣе обстоятельныя.

Литературныя свѣдѣнія объ Ильинской роменской ярмаркѣ не бѣдны, но они большею частію или сухо оффиціальны, или беллетристичны. Къ перваго рода свѣдѣніямъ можно отнести: описаніе Ромна и его ярмарки, сдѣланное Шафонскимъ въ концѣ прошлаго вѣка („Черн. нам. топ. опис.“, 365—377), описаніе сороковыхъ годовъ Арандаренка („Зап. о полтав. губ.“, III, 341—350) и прекрасный трудъ покойнаго И. С. Аксакова „Изслѣдованіе о торговлѣ на укр. ярмаркахъ (стр. 97—102 et passim). Ко вторымъ—повѣсть Перовскаго „Монастырку“, гдѣ дѣйствіе происходитъ между прочимъ и на роменской Ильинской. Кромѣ того, переводъ Ильинской ярмарки изъ Ромна въ Полтаву вызвалъ оживленную полемику въ мѣстныхъ и столичныхъ газетахъ, которая продолжалась, постепенно замолкая, лѣтъ около десяти. Всей этой литературѣ недостаетъ именно мемуаровъ, касающихся болѣе бытовой стороны....

Въ заключеніе отмѣтимъ, что авторъ приводимыхъ ниже, „воспоминаній“ вездѣ пишетъ *Роменъ*, а не *Ромны*. Надо сказать, что такая форма имени города отнюдь не есть исключительно мѣстная, или неправильная. Она и литературна, и исторически правильнѣе второй формы. Въ пероначальной русской и т. н. кіевской лѣтописяхъ городъ называется „Роменъ“ (въ Поучен. Мономаха и подъ 1185 годомъ). Послѣ монгольскаго нашествія онъ исчезаетъ изъ виду и появляется въ началѣ XVII вѣка; въ *русскомъ* актовомъ языкѣ того и послѣдующаго времени онъ иначе не называется, какъ „Роменъ“ (А. З. Р., V, 160, 163—164, 222; А. Ю. и З. Р., III, 14—15, 101—103, 113, 158, 211, 338—339, 496—498; и т. д.). Въ такой формѣ имя города проходитъ и почти весь XVIII вѣкъ. Въ началѣ XIX в. (въ словарѣ Щекатова 1807 г.) онъ уже „Роменъ или

Ромны", а въ половинѣ XIX в. (въ словарѣ Семенова) „Ромны или Роменъ". Аксаковъ въ названномъ выше трудѣ говоритъ: „Роменъ, уѣздный городъ полтавской губерніи, неправильно называемый русскими *Ромны*, былъ издревле знаменитъ своими ярмарками (стр. 97), и самъ всегда называетъ городъ „Ромномъ", а не „Ромнами". До сихъ поръ въ дѣлопроизводствѣ роменской городской думы, полиціи и проч. городъ чаще называется Ромномъ, чѣмъ Ромнами. Нечего и говорить, что простой русскій народъ всѣхъ сосѣднихъ съ полтавской губерній до сихъ поръ говоритъ не иначе, какъ „Роменъ". Форма „Ромны", намъ кажется, пошла изъ двухъ источниковъ: 1) изъ польскаго произношенія *Rutno* (такъ поляки называютъ городъ со времени Іереміи Вишневецкаго) и 2) изъ смѣшенія съ формой имени другого полтавскаго города—*Лубны* (въ послѣднее время стали даже говорить: „Прилуки"). Какъ видитъ читатель, ни тотъ, ни другой источникъ не могутъ дать правильной формы для русскаго литературнаго языка.—Ред.

Начало торговли въ г. Ромнѣ и установленіе базаровъ и ярмарокъ восходитъ къ самой отдаленной старинѣ. Въ первой половинѣ XVII вѣка, будучи порубежнымъ городомъ между московскими и польскими владѣніями, Роменъ былъ главнымъ торговымъ пунктомъ на всю тогдашнюю польскую Украину и велъ значительную торговлю съ московскими, польскими и татарскими купцами. По всей вѣроятности тогда же установились условленные сроки взаимнаго обмѣна товаровъ между этими купцами, и такимъ образомъ положено было начало такимъ значительнымъ ярмаркамъ камъ Маслянская [1]), Вознесенская и Ильинская, которая въ началѣ пятидесятыхъ годовъ,

---

[1]) Маслянская ярмарка въ Ромнѣ сдѣлалась оптовой только съ 1844 года, когда по ходатайству жителей, срокъ ея былъ вмѣсто 3 дней продленъ до недѣли. Условія торговли въ краѣ тогда были таковы, что это обстоятельство сразу убило двѣ значительныхъ сосѣднихъ ярмарки: Всеѣдную въ Нѣжинѣ и Соборную въ Сумахъ, и онѣ въ 1848 году совсѣмъ прекратились. (Аксаковъ, стр. 13—14, 97—98).

т. е. наканунѣ перевода ея въ Полтаву, считалась по оборотамъ третьей въ Россіи—послѣ Нижегородской и Ирбитской [1]).

За неимѣніемъ историческихъ данныхъ, нельзя сказать ничего достовѣрнаго о томъ, какъ и когда возникли въ Ромнѣ ярмарки; но что въ концѣ XVII вѣка торговля здѣсь была уже значительныхъ размѣровъ и жители города и подгороднаго села Засулья имѣли уже торговыя „комоpы", это видно изъ одного „дѣла", архива городской думы, отъ 1802 года (объ устройствѣ гостиннаго двора), въ которомъ сохранились документы, свидѣтельствующіе, что лавочныя мѣста въ Ромнѣ продавались и покупались въ концѣ шестисотыхъ и началѣ семисотыхъ годовъ.

Но минуя болѣе отдаленное время, достаточно сказать, что въ началѣ прошлаго столѣтія Ильинская и Вознесенская ярмарки въ Ромнѣ приняли такіе размѣры, что имъ тѣсно было уже помѣщаться на небольшой площади между городскимъ соборомъ и Никольскою церковью,—гдѣ онѣ помѣщались въ старое время, и торговцы въ 1742 году возбудили ходатайство объ отводѣ для ярмарокъ болѣе просторнаго мѣста. Особенно вскорѣ послѣ Шведской войны, значительно развилась въ Ромнѣ торговля лошадьми и табакомъ мѣстнаго произрастенія. Въ 1763 году, по Высочайшему повелѣнію отъ 23 февраля, здѣсь была учреждена даже табачная контора, подъ дирекціей д. с. с. Теплова, для раздачи малороссійскимъ обывателямъ безденежно, чрезъ каждые два года, американскихъ сѣмянъ для разведенія здѣсь американскаго табаку.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, главный начальникъ нашего края, бывшій тогда малороссійскій генералъ-губернаторъ князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, обратилъ заботливое вниманіе на роменскую ярморочную торговлю, и далъ ей значительный просторъ и удобства, способствовавшія, какъ развитію ярмарокъ, такъ и благоустройству города и обогащенію его обывателей. По его представленію, послѣдовало въ 1802 году Высочайшее соизволеніе о переводѣ ярмарокъ съ соборной площади на большой выгонъ, находившійся тогда за городомъ,

[1]) Аксаковъ, стр. 116.

но въ скоромъ времени уже составившій лучшую, самую красивую часть его. Для гостиннаго двора была отведена ровная площадь, мѣрою въ 35 десятинъ, на которой начали устраиваться прямымъ четыреугольникомъ, въ восьми корпусахъ, лавки для иногороднаго купечества, а позади ихъ, съ пропускомъ 40 саженной ширины улицъ, начали также быстро устраиваться, на пустынномъ полѣ, обширные дворы съ домами и разными службами, наиболѣе пригодными для пріѣзжающихъ на ярмарки торговцевъ и покупателей. Всякій обыватель города, имѣвшій до 1802 года около собора какую нибудь лавочку, получалъ изъ городской думы „Данную“ на вѣчное владѣніе лавочнымъ мѣстомъ во вновь созидаемомъ гостинномъ дворѣ. Такимъ образомъ составилось частныхъ владѣльческихъ мѣстъ двѣсти восемьдесятъ четыре, въ числѣ частныхъ владѣльцевъ была и соборная церковь, получившая 14 мѣстъ въ лучшихъ оптовыхъ рядахъ—Московскомъ и Суздальскомъ. Городу на всѣхъ углахъ восьми корпусовъ оставлены были такъ называемыя „башенныя“ мѣста, числомъ 16. Въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ на новомъ мѣстѣ устроилось 300 номеровъ деревянныхъ лавокъ. Кромѣ того, каждый обыватель, имѣвшій какое-нибудь мѣстечко внутри города, по желанію, получалъ здѣсь въ замѣнъ вдесятеро больше мѣста, и вокругъ площади гостиннаго двора скоро настроилось много обширныхъ и удобныхъ частныхъ дворовъ. Для конныхъ ярмарокъ, предшествовавшихъ всегда краснымъ, была отведена особая площадь, мѣрою въ 36 десятинъ, вдали отъ гостиннаго двора, за Московскимъ шлагбаумомъ, гдѣ также начали устраиваться большіе дворы—съ очень длинными сараями, пригодными для лошадей.

Шлагбаумы тогда были устроены на двухъ главныхъ въѣздахъ въ городъ: въ концѣ Московской улицы и при р. Сулѣ, около Засульскаго моста. Эти шлагбаумы, или заставы строились по Высочайше утвержденному для всѣхъ городовъ чертежу и стояли до 60-хъ годовъ, когда признаны были ненужными и проданы городскою думою на сносъ.

Вскорѣ по переводѣ ярмарокъ на площадь гостиннаго двора, богомольное русское купечество, не начинавшее безъ мо-

литвы никакого дѣла, сейчасъ устроило на свой счетъ въ углахъ гостиннаго двора, около Суздальскаго и Москательнаго рядовъ, двѣ часовни: одну во имя Вознесенія Господня, другую во имя св. пророка Иліи; здѣсь предъ началомъ и концомъ каждой ярмарки служились молебствія соборнымъ и вознесенскимъ причтами. А одинъ купецъ, Токаревъ, устроилъ въ 1803 году, въ соборѣ на хорахъ придѣлъ во имя пр. Иліи, въ память бывшей долгое время около собора Ильинской ярмарки.

Въ 1807 году городская дума построила среди площади гостиннаго двора большой деревянный домъ, названный впослѣдствіи „контрактовымъ“ и „раутнымъ“, вѣроятно оттого, что въ немъ во время ярмарокъ происходили всѣ большія торговыя сдѣлки и устраивались вечера собравшимся дворянствомъ. Домъ этотъ въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ сдавался думою въ аренду подъ помѣщеніе гостинницы. Тутъ-же около этого дома строились на время Ильинской ярмарки: пожарная часть, канцелярія городового пристава, или временная полиція, и словесный судъ, въ которомъ разбирались всѣ ярмарочныя дѣла.

Такъ какъ штатъ полицейскихъ и пожарныхъ служителей въ Ромнѣ былъ очень скуденъ, то на время Ильинской ярмарки командировались всегда губернаторомъ квартальные надзиратели, полицейскіе и пожарные служители съ пожарными инструментами изъ другихъ городовъ: Полтавы, Кременчуга; они состояли въ распоряженіи роменскаго полицеймейстера. Впрочемъ, на каждую ярмарку пріѣзжалъ самъ губернаторъ, а иногда даже и генералъ-губернаторъ.

Настоящей, такъ называемой „красной“ оптовой ярмаркѣ всегда предшествовала „черная“ или конная ярмарка, помѣщавшаяся на выгонѣ за городомъ. Конная ярмарка, напримѣръ, Вознесенская начиналась отъ дня Преполовенія и продолжалась до Вознесенія; а затѣмъ въ день Вознесенія открывалась уже въ гостинномъ дворѣ „красная“ ярмарка и продолжалась до дня св. Троицы. А конная Ильинская начиналась въ послѣднихъ числахъ іюня и продолжалась до 20 іюля; въ этотъ же день открывалась внутри города, „красная“ ярмарка и продолжалась до 1-го, а иногда и до 10-го августа. Что это была

за „конная“ ярмарка Ильинская, трудно и описать: не говоря о безчисленныхъ табунахъ татарскихъ лошадей, которые почти и не помѣщались на площади, а все время ярмарки занимали побережье р. Ромна, гдѣ были удобныя пастбища и гдѣ они подбирались ремонтерами и угонялись опять табунами,—на самой конной площади были цѣлые лошадиные кварталы, правильно обозначенные вѣхами. Тутъ же для самой разнообразной торговли устраивалось на время Ильинской ярмарки болѣе трехъ тысячъ балагановъ, ташовокъ и разныхъ временныхъ помѣщеній, въ которыхъ производилась мелочная торговля всѣми возможными товарами. Селяне не только роменскаго, но и смежныхъ уѣздовъ: прилуцкаго, конотопскаго, лебединскаго, гадяцкаго, лохвицкаго и другихъ ежедневно тысячами возовъ вывозили сюда произведенія сельскаго хозяйства: сѣно, овесъ, хлѣбъ, птицу, пригоняли домашній скотъ въ безчисленномъ множествѣ; все это распродавалось тутъ же немедленно, и на вырученныя деньги поселянинъ пріобрѣталъ всѣ необходимыя для него и его хозяйства принадлежности. А сколько было ежедневно чумацкихъ возовъ, привозившихъ соль и рыбу изъ Крыма, съ Дона и Волги; сколько было подводъ, воловыхъ и конныхъ, занимавшихся исключительно перевозкой купеческихъ товаровъ изъ Москвы и другихъ великороссійскихъ городовъ! Въ „Запискахъ о Полтавской губерніи“ Арандаренка въ одномъ мѣстѣ разсказывается, что когда автору въ 1846 году встрѣтилась надобность по службѣ—нанять подводы для отправки хлѣба въ псковскую губернію и онъ обратился въ роменскую полицію съ вопросомъ: сколько онъ можетъ разсчитывать нанять здѣсь подводъ, то оказалось, что въ тотъ день было въ городѣ чумацкихъ и извозчичьихъ подводъ, хозяева которыхъ предъявили въ полиціи паспорты, 22000! [1]). А сколько же при этомъ было еще люда, не имѣвшаго надобности предъявлять паспортъ? Такое громадное стеченіе народа на Ильинской ярмаркѣ приносило большія выгоды не только обывателямъ, владѣвшимъ лавками и дворами вблизи

[1]) Арандаренка „Зап. о полт. губ.“ III, 345.

ярмарочныхъ площадей, но зарабатывали отъ него и всѣ бѣдные жители предмѣстій города и ближайшихъ селеній и хуторовъ. Одни изъ нихъ пекли хлѣбъ и варили разныя простыя кушанья, которыя выносили по нѣсколько разъ въ день на конную площадь и продавали; другіе, болѣе способные къ торговлѣ, строили на площади ташовки, дѣлали квасъ, сбитень, солили огурцы и продавали разныя огородныя овощи. Городскіе ремесленники, портные и сапожники, строили также на время ярмарки балаганы, гдѣ занимались починкою и шитьемъ новыхъ сапогъ и платья, отчего имѣли также хорошій заработокъ.

Особенно сильно развились обороты Ильинской ярмарки съ двадцатыхъ годовъ. Еще вскорѣ послѣ перевода ярмарки на новое мѣсто, выстроенные въ пользу владѣльцевъ триста номеровъ лавокъ оказались недостаточны для пріѣзжавшихъ торговцевъ; съ разрѣшенія генералъ-губернатора было устроено внутри площади, позади Суздальскаго и Еврейскаго рядовъ, 112 номеровъ постоянныхъ лавокъ, съ которыхъ Дума получала каждую ярмарку посаженныя деньги, по количеству занятой ими городской земли; но затѣмъ въ 1821 году оказалась потребность пристроить еще лавки для „азіатовъ“, т. е. для турокъ, армянъ, грековъ и грузинъ, пріѣзжавшихъ сюда ежегодно съ разными своими товарами. А сколько устраивалось, кромѣ того, временныхъ лавокъ и балагановъ на время Ильинской ярмарки, такъ и счета имъ не было. Вся площадь внутри гостиннаго двора и все пространство, гдѣ теперь городской садъ и 1-я пожарная часть, было застроено лавками и балаганами; звѣринцы же, театры и гостинницы помѣщались въ обывательскихъ дворахъ.

Сколько въ старые годы собиралось во время Ильинской ярмарки за мѣста на ярмарочныхъ площадяхъ денегъ въ городской доходъ, и счета имъ, кажется, никто не знаетъ. Это по-истинѣ было золотое время и роменскимъ жителямъ, и думѣ; золото и серебро такъ таки и текли рѣкой. въ полномъ смыслѣ этого слова: бумажныхъ денегъ вѣдь тогда было очень мало. Такъ какъ въ тѣ времена не было никакого правильнаго контроля надъ членами думы и назначаемыми отъ нея на

каждую ярмарку сборщиками поземельныхъ денегъ съ площадей, то всѣ служившіе отводчиками мѣстъ и сборщиками ярмарочныхъ денегъ наживали себѣ порядочное состояніе. Нечего вспоминать про очень старые годы, когда члены думы, магистрата, бывшаго при немъ словеснаго суда, всѣ чины полиціи и всякаго рода сборщики понаживали себѣ очень доходные дворы, лавки и порядочные капитальцы. Я начну только съ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, отъ которыхъ есть еще живые свидѣтели. Есть еще нѣкоторые старики, которые сами были сборщиками денегъ на ярмарочныхъ площадяхъ, и передаютъ, какъ они по нѣсколько разъ въ день носили въ думу мѣшками золото и серебро и ссыпали его, какъ полову, безъ всякаго счета; послѣ уже голова и члены считали и записывали въ приходныя книги, сколько имъ Богъ положитъ на душу. Надо передать о существовавшихъ тогда обычаяхъ, начиная отъ самаго въѣзда торговцевъ въ городъ. Предъ началомъ ярмарки городская полиція командировала квартальныхъ надзирателей, или просто писцовъ на заставы—отбирать и записывать въ книгу паспорты отъ всѣхъ идущихъ и ѣдущихъ въ городъ иногородныхъ торговцевъ и покупателей. Отъ этой только записки паспортовъ командированный писецъ или квартальный, за какіе нибудь 8—10 дней наживалъ въ-четверо больше своего годоваго жалованья, не считая того, что̀ онъ обязанъ былъ удѣлить высшимъ чинамъ полиціи, отъ которыхъ зависѣла его командировка. И нельзя сказать, чтобъ этотъ сборъ сопровождался насиліями и вымогательствами; это просто былъ твердо установившійся обычай. Были даже такіе щедрые купцы, что за записку паспорта кидали писцу по червонцу. Я помню одного служившаго въ полиціи въ пятидесятыхъ годахъ (уже по переводѣ Ильинской ярмарки изъ Ромна въ Полтаву), который, будучи писцомъ самаго низшаго разбора, получалъ по своему ограниченному познанію въ дѣлахъ всего два руб. въ мѣсяцъ жалованья; онъ находился въ крайней нищетѣ, такъ что не имѣлъ приличной одежонки, но былъ уже коллежскимъ регистраторомъ. Какъ-то разъ онъ упросилъ городничаго командировать его на шлагбаумъ на время Вознесенской ярмарки; для

представительности онъ занялъ у квартальнаго надзирателя мундиръ съ краснымъ воротникомъ. И что-жъ? За время своей командировки онъ не только одѣлъ себя прилично, удѣливъ по обыкновенію часть прибылей столоначальнику и письмоводителю, но еще, какъ самъ передавалъ, оставилъ про черный день болѣе чѣмъ двухлѣтній окладъ своего жалованья и кромѣ того, съ помощью своего заработка, успѣлъ въ скорости получить должность квартальнаго надзирателя. Если столь благодѣтельно было для квартальныхъ записываніе паспортовъ на шлагбаумѣ въ Вознесенскую ярмарку, то во времена Ильинской оно было еще благодѣтельнѣе; неудивительно поэтому, что квартальные надзиратели, какъ я еще помню въ пятидесятыхъ годахъ, получая жалованья 120 руб. ассигн. въ годъ, не ходили пѣшкомъ, какъ теперь помощники пристава, а. ѣздили на парѣ собственныхъ рысаковъ и строили въ городѣ дома, а за городомъ имѣли хутора съ крестьянами. Затѣмъ, по пріѣздѣ въ городъ, каждый торговецъ считалъ непремѣнною обязанностью явиться на домъ къ городскому головѣ и городничему, который у насъ до пятидесятыхъ годовъ назывался полицеймейстеромъ; являлись, не имѣя къ нимъ никакой просьбы и надобности, а такъ, съ поклономъ и, по русскому обычаю, съ хлѣбомъ солью; кромѣ хлѣба-соли, каждый приносилъ начатки своего труда: лучшій кусокъ сукна, холста, матеріи, однимъ словомъ—всѣхъ возможныхъ товаровъ, а кто преподносилъ и денежные подарки. И это дѣлали самые солидные и степенные московскіе богачи, фабриканты и торговцы, которые торговали съ чистою совѣстію и никакихъ тысячъ не взяли бы за оскверненіе своей чести. Они просто изстари привыкли дѣлать подарки начальствующимъ въ каждомъ городѣ, въ которомъ производили торговые обороты. По окончаніи ярмарки получали обыкновенно подарки и хозяева, у которыхъ купцы квартировали и нанимали лавки; дарили также горничныхъ, поваровъ, дворниковъ.

О размѣрахъ заработковъ тѣхъ роменцевъ, которые имѣли дворы вблизи ярмарочной площади, можно судить по слѣдующему: нѣкоторые домовладѣльцы помѣщали у себя отъ 50 до 80 душъ купеческихъ приказчиковъ и рабочихъ, за содержаніе

которыхъ хозяинъ ихъ платилъ по рублю въ день съ человѣка; это собственно за харчи, а квартира оплачивалась отдѣльно; Ильинская же ярмарка продолжалась мѣсяцъ и больше. Нечего и говорить о тѣхъ случаяхъ, когда подвыпившій приказчикъ или самъ купецъ накуралеситъ; тогда гости таровато заглаживали свои грѣхи.

Какъ служившіе въ роменской думѣ составляли себѣ состояніе, вотъ тому примѣры. Въ 1821 году былъ избранъ въ городскіе головы нѣкто Кириакъ Нестеренко, служившій предъ тѣмъ лѣтъ 15 гласнымъ въ думѣ и успѣвшій зарекомендовать себя обществу съ хорошей стороны. Прежде онъ былъ простой малограмотный мужичекъ, жилъ въ небольшой хаткѣ по Коржевской улицѣ, на углу Полтавской, и торговалъ тамъ-же изъ коморки веревками и „рептухами“, такъ что между сосѣдями его звали просто „веревникомъ“, не зная настоящей его фамиліи; когда же онъ, послуживъ 15 лѣтъ гласнымъ въ думѣ, сдѣлался 3 гильдіи купцомъ и затѣмъ городскимъ головою, его начали величать „панотцемъ“ „добродіемъ“ и Кириакомъ Тимофѣевичемъ! Въ то время, всѣ выборные отъ общества—голова, члены думы, магистрата и проч.—неполучали никакого жалованья, стыдились даже и думать объ этомъ; а между тѣмъ многіе съ немалыми затратами „на могорычи“ стремились къ общественнымъ должностямъ.

Не мало потратилъ труда и „кошту“ и Кириакъ Тимофеевичъ, чтобъ только удостоиться чести безплатно послужить головою. Служилъ онъ головою болѣе 20 лѣтъ и ни разу не былъ подъ судомъ; это обстоятельство должно служить доказательствомъ безукоризненности его служенія на пользу общества; а между тѣмъ въ теченіе этихъ 20 лѣтъ, Кириакъ Тимофеевичъ изъ бѣднаго торговца веревочками сдѣлался богатымъ купцомъ: завелъ обширную торговлю желѣзными и шорными товарами, купилъ порядочный дворъ на Полтавской улицѣ, выстроилъ довольно просторный домъ съ балкономъ и колоннами на улицу, устрашавшій впослѣдствіи всѣхъ прохожихъ своею древнею архитектурою; вывелъ старшаго сына своего Серапіона, черезъ занятія писарствомъ въ городской полиціи, въ губернскіе се-

кретари; и, когда въ 1856 году, будучи уже въ глубокой старости, отошелъ одновременно со своею старухою въ вѣчность, то говорятъ, что сыновья его (этотъ Серапіонъ и младшій Ѳеодосій, бывшій въ то время 50-лѣтнимъ „паничемъ") дѣлили между собою отцовскіе червонцы счетомъ, а карбованцы—мѣркою! Между прочимъ, относительно звонкой монеты, столь рѣдкой теперь, разсказывали тогда случаи, какъ она иногда разстраивала даже торговыя сдѣлки. Богатый помѣщикъ Кисель, жившій вблизи Ромна, въ одну Ильинскую ярмарку въ концѣ сороковыхъ годовъ, продалъ московскимъ купцамъ большую партію табаку и получилъ задатокъ. Пришелъ срокъ забора табаку. Купцы пріѣхали для разсчета и привезли нѣсколько тысячъ рублей золотомъ. Какъ увидѣлъ это Кисель,—сраскричался на купцовъ, что осмѣливаются къ нему являться безъ „билетовъ", бросилъ задатокъ и выгналъ купцовъ вонъ. Такъ сдѣлка и разстроилась.

Тогда, говорятъ, извóзчики, возившіе товары изъ Москвы до Ромна и Харькова, часто отдавали по три, по четыре тысячи карбованцевъ купцамъ на храненіе—„абы зъ нымы не возытьця, бо важко".

Въ бытность роменскимъ головою Кирíака Нестеренка, учрежденъ былъ у насъ ярмарочный комитетъ, установлена правильная повѣрка денежныхъ капиталовъ, и вошелъ въ силу особый способъ пріема въ Ромнѣ и чествованія генералъ-губернаторовъ, о чемъ будетъ сказано ниже; теперь же необходимо разсказать о другомъ разбогатѣвшемъ головѣ, при которомъ Роменцы лишились на всегда Ильинской ярмарки. Это былъ Иванъ Степановичъ Терновецъ, сынъ небогатаго Роменскаго мѣщанина, а послѣ купца 3 гильдіи, Степ. Ив. Терновца [1]). Онъ въ молодости служилъ по торговлѣ въ Крыму у какого то армянина; потомъ въ качествѣ приказчика служилъ въ лавкѣ и погребѣ своего будущаго тестя—купца роменскаго Павла Тромонина; въ то время не имѣлъ ничего, кромѣ части

[1]) Въ настоящее время есть въ городѣ Ромнѣ и Роменскомъ уѣздѣ почтенная фамилія Терновцовъ.

въ наслѣдственномъ отцовскомъ дворѣ (недалеко отъ стараго базара), оставшемся на пять братьевъ. Съ 1823 года, въ компаніи съ купцомъ Степаномъ Беромъ (бывшимъ роменскимъ головою), съ мѣщаниномъ Лесковскимъ и другими, Ив. Ст. Терновецъ началъ заниматься, съ разрѣшенія городской думы, подрядомъ устройства балагановъ для азіатскихъ торговцевъ на время Ильинской ярмарки. Будучи отъ природы человѣкомъ очень умнымъ, энергичнымъ и по своему времени довольно грамотнымъ, онъ скоро началъ наживать деньги. Затѣмъ въ 1828 году Ив. Ст. былъ избранъ маклеромъ; эта должность при тогдашнихъ огромныхъ ярмарочныхъ оборотахъ, была на столько прибыльна, что чрезъ два—три года Иванъ Степановичъ началъ уже самолично вступать въ болѣе значительные подряды; около этого времени онъ пріобрѣлъ большой дворъ противъ Московскаго ряда, гдѣ производили огромную оптовую торговлю Московскіе фабриканты мануфактуристы; здѣсь онъ выстроилъ нѣсколько домовъ, началъ принимать на время ярмарокъ квартирантовъ—торговцевъ, разбогатѣлъ, началъ давать въ ссуду деньги, накупилъ и забралъ за долги много лавокъ и дворовъ въ городѣ. Въ короткое время изъ бѣднаго мѣщанина Ив. Степ. сдѣлался милліонеромъ. Потомъ онъ ужъ покупалъ лавки не только при существованіи Ильинской ярмарки, но и послѣ перевода ея въ Полтаву, когда многіе лавковладѣльцы спѣшили въ отчаяніи сбывать ихъ за безцѣнокъ; Ив. Ст., пользуясь такою ихъ слабостью, покупалъ лавки по чемъ попало, такъ что къ 1860 году у него составилось 120 номеровъ лавокъ, т. е. чуть ли не половина всего гостиннаго двора. И это громадное, почти милліонное состояніе все-таки нажито не обманомъ, не какими-нибудь темными путями, а единственно благодаря природному уму и дальновидности Ивана Степановича. Въ 1848 году Терновецъ былъ выбранъ городскимъ головою и ненамѣренно послужилъ причиною, по общему убѣжденію, перевода изъ Ромна Ильинской ярмарки.

Прежде чѣмъ описать, какъ нашъ городъ потерялъ Ильинскую ярмарку, надо хоть коротко упомянуть о томъ, сколько она давала городу выгодъ. Хотя про доходы за старые годы

ничего въ точности неизвѣстно, но о размѣрахъ ихъ можетъ дать понятіе одна изъ доходныхъ статей. Когда на вновь отведенной для ярмарки гостинной площади устроилось 300 №№ частныхъ владѣльческихъ лавокъ, то по распоряженію малороссійскаго генералъ-губернатора назначено было каждому торговцу, кромѣ платы въ пользу хозяина лавки, взносить за каждую ярмарку въ городскую кассу по 1 руб. съ кв. сажени; на эти деньги предполагалось современемъ построить приличный каменный гостинный рядъ. Такого сбора, съ 1804 по 1852 годъ, т. е. ко времени перевода Ильинской ярмарки въ Полтаву, составилось съ процентами 340 тысячъ рублей. Кромѣ того, за лишніе 112 номеровъ, устроенные на городской площади, позади Суздальскаго и Еврейскаго рядовъ, собралось съ 1820 года болѣе 70 тысячъ; эти деньги считались спорными между городомъ и лавковладѣльцами до введенія новаго городового положенія, а затѣмъ употреблены на устройство мостовыхъ. Сверхъ всего этого собственно городского капитала собралось въ Ромнѣ до 1855 года болѣе 120,000 руб.; слѣдовательно, Роменъ имѣлъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, болѣе полумилліона, собственныхъ денегъ. А сколько ихъ пропало въ старые годы, когда не было никакихъ банковъ и никакого правильнаго контроля надъ городскимъ управленіемъ, объ этомъ никто ничего не знаетъ. Въ 1828 году было позаимствовано изъ роменскихъ городскихъ суммъ на устройство кузницъ въ Полтавѣ 30,000 руб. ассиг., которые и остались тамъ безъ возврата, да въ сороковыхъ годахъ пропало что-то много нашихъ денегъ въ полтавскомъ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія, которые (хотя, можетъ быть и не всѣ), взыскивались до 80 годовъ съ наслѣдниковъ бывшаго губернатора Могилевскаго и членовъ Приказа. Вотъ какіе доходы давала Ильинская ярмарка! По этому можно судить, сколько отъ нея понаживали и жители г. Ромна.

Но въ 1851 году послѣдній генералъ-губернаторъ Малороссіи—Кокошкинъ, нежданно и негаданно наказалъ Роменъ навсегда. Онъ захотѣлъ обогатить на счетъ Ильинской ярмарки Полтаву, которая считалась губернскимъ городомъ, но

устройствомъ была хуже многихъ уѣздныхъ городовъ. Какъ и за что стряслась надъ Ромномъ такая бѣда, достовѣрно неизвѣстно; но всѣ современники, бывшіе дѣятелями во время Ильинской армарки по разнымъ общественнымъ должностямъ и по нынѣ находящіеся въ живыхъ, передаютъ, что это печальное событіе есть результатъ оплошности бывшаго тогда головою Ив. Степанов. Терновца, вызвавшей личный гнѣвъ и месть Кокошкина. Разсказываютъ такъ: въ старые годы, во время бытности городскимъ головою Кіріака Нестеренка и почти до конца 40-хъ годовъ, когда пріѣзжали въ Ромень на время Ильинской ярмарки губернаторъ и генералъ-губернаторъ, то пріемъ со стороны городскаго управленія, особенно для послѣдняго, установился такой: помимо пышной, низкопоклонной встрѣчи генералъ-губернатора при въѣздѣ въ городъ, къ нему являлись на квартиру гласный думы и человѣка три-четыре изъ лучшихъ мѣщанъ и оставались тамъ на все время для разныхъ услугъ; они обмывали карету, заботились о лучшемъ убранствѣ квартиры и предупреждали всѣ малѣйшія его желанія. Какъ только услышатъ, что генералъ-губернаторъ приказалъ что-нибудь камердинеру (приготовить чай, закуску или обѣдъ), то гласный старался доставать все какъ можно скорѣе и лучше, на счетъ особой суммы, выдаваемой ему на этотъ расходъ изъ городскихъ доходовъ. Можетъ быть, генералъ-губернаторы и не знали объ этомъ, а всѣмъ пользовались ихъ лакеи; только такой порядокъ пріема неизмѣнно продолжался при генералъ-губернаторахъ: Репнинѣ, кн. Долгорукомъ, Строгоновѣ и на первыхъ порахъ—при Кокошкинѣ; но когда въ 1848 году сталъ городскимъ головою Ив. Степ. Терновецъ, то во второй или третій пріѣздъ Кокошкина въ Ромень на ярмарку отмѣнилъ этотъ гостепріимный порядокъ, сказавъ: „воны получають жалованье и на разъѣзды, нехай „самы себе содержуть тутъ, якъ знають!“ Кокошкинъ разумѣется, не могъ ничего сказать на это; даже не подалъ виду, что онъ остался чѣмъ-нибудь недоволенъ. На другой годъ случилось то же. Кокошкинъ опять промолчалъ. Но затѣмъ въ 1850 и 1851 годахъ онъ усиленно сталъ убѣждать всѣхъ

крупныхъ торговцовъ-фабрикантовъ, что въ Ромнѣ имъ неудобно, даже опасно торговать, что здѣсь лавки сдѣланы изъ досокъ, крыты дранью, рогожами и соломою,—въ случаѣ малѣйшей неосторожности съ огнемъ, они рискуютъ потерять все свое состояніе; а вотъ въ Полтавѣ будетъ для нихъ гораздо удобнѣе и безопаснѣе: тамъ уже есть каменныя лавки, кромѣ того онъ обѣщаетъ въ недалекомъ будущемъ устроить для всѣхъ такія же. Въ такомъ смыслѣ Кокошкинъ составилъ отъ имени торговцовъ прошеніе и, вмѣстѣ съ своимъ убѣдительнымъ представленіемъ о поддержаніи Ильинской ярмаркой губернскаго города, обратился къ Государю Императору. И вотъ въ 1852 году Ильинская ярмарка была переведена въ Полтаву.

Нѣкоторые же говорили еще такъ. Въ 1850 или 51 году Кокошкинъ, будучи у насъ на Ильинской ярмаркѣ, хотѣлъ купить для своей дочери, выходившей замужъ, серебряный сервизъ и нѣкоторыя золотыя вещи. Заѣхавъ въ магазинъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, онъ отобралъ, что ему понравилось, и, спросивъ о цѣнѣ, уѣхалъ. Потомъ онъ призываетъ Терновца и говоритъ: „Иванъ Степановичъ! тамъ въ одномъ магазинѣ я нашелъ для дочери сервизъ, но торговецъ съ меня проситъ очень дорого; нельзя ли вамъ поторгаваться съ нимъ? вамъ онъ навѣрно что-нибудь уступитъ“. И вотъ Иванъ Степановичъ, хотя и догадался, въ чемъ дѣло, но по скупости не рѣшился пожертвовать крупной суммой (сервизъ стоилъ что-то 8 или 10 тысячъ рублей), не заручившись предварительно согласіемъ гражданъ. Пока Иванъ Степановичъ успѣлъ освѣдомиться объ этомъ согласіи, Кокошкинъ разсердился и уѣхалъ изъ Ромна, сказавъ будто-бы кому-то при прощаньѣ: „будутъ же они меня помнить долго!“ Послѣ того всѣ, богатые и бѣдные, жители города ругали Терновца и упрекали до самой его смерти, что онъ главный виновникъ перевода Ильинской ярмарки [1]).

---

[1]) Что разсказанный авторомъ случай въ томъ или иномъ видѣ имѣлъ мѣсто, или по крайней мѣрѣ въ него свято вѣрили роменцы,—доказываютъ выдержки, которыя мы сейчасъ приведемъ. Онѣ взяты изъ статьи „Объ Ильинской ярмаркѣ“ нѣкоего Т. Балюры роменца родомъ, помѣщенной въ „Московскихъ вѣдомостяхъ“

Кокошкинъ, успѣвъ перевести Ильинскую ярмарку въ Полтаву, вздумалъ было отобрать отъ Ромна и всѣ капиталы, собранные за время существованія этой ярмарки, какъ предназначенныя на устройство каменнаго гостиннаго двора, который, по его мнѣнію, оказывался ненужнымъ въ Ромнѣ, послѣ уничтоженія здѣсь Ильинской ярмарки. Но его ходатайство по этому предмету не имѣло, однако, желаемаго успѣха. Правительствующій Сенатъ нашелъ, что капиталъ, собранный въ Ильинскую ярмарку на устройство лавокъ, есть частная собственность города, а не ярмарки, и долженъ быть употребленъ непремѣнно согласно первоначальному своему назначенію, т. е. на устройство гостиннаго двора въ г. Ромнѣ. Съ того времени

1862—1863 года (передъ нами лежитъ оттискъ этой статьи, въ которомъ къ сожалѣнію не указано точно, съ котораго именно нумера онъ сдѣланъ). Статья эта, служащая продолженіемъ прежнихъ статей того же автора и вызванная выраженіемъ какого-то анонимнаго сотрудника газеты „Акціонеръ“, доказываетъ, что полемика, о которой упоминаетъ И. С. Аксаковъ въ своемъ изслѣдованіи въ 50-хъ гг., не улеглась еще и черезъ десять лѣтъ послѣ перевода ярмарки. „Поводомъ къ переводу изъ Ромна Ильинской ярмарки, говоритъ г. Балюра, послужили вовсе не тѣ глубокія соображенія, которымъ считаетъ нужнымъ удивляться украинскій торговецъ (одинъ изъ оппонентовъ автора), а просто-на-просто—неудовольствіе покойнаго Кокошкина на жителей Ромна. Это фактъ, извѣстный всѣмъ торговцамъ“. Въ другомъ мѣстѣ говорится еще болѣе опредѣленно: „Такимъ то образомъ съ 1852 года Ильинская ярмарка перешла въ Полтаву. Усиленныя старанія Кокошкина увѣнчались успѣхомъ. Неумѣнье представителя роменцовъ обойтись съ начальникомъ какъ должно, наказано выше вины: притомъ своею тяжестію пало оно не на самого виновника, обладающаго большимъ состояніемъ, а на непричастныхъ его отношеніямъ къ генералъ-губернатору жителей города, да и на всѣхъ иногородныхъ торговцевъ“.

Говоря о положеніи ярмарки въ Полтавѣ въ первые годы, авторъ мимоходомъ упоминаетъ о какомъ-то несчастьѣ, постигшемъ и харьковскаго городскаго голову отъ того-же Кокошкина. Вотъ его слова: „Мы не станемъ разсказывать подробно, какія употреблены были средства при составленіи благодарственнаго адреса за переводъ Ильинской ярмарки въ Полтаву. Скажемъ однимъ словомъ, что сопротивленіе волѣ сильнаго начальника было тогда немыслимо. Недавно разразившійся гнѣвъ его надъ харьковскимъ градскимъ головою, человѣкомъ, котораго уважало все русское купечество, былъ въ то время свѣжимъ воспоминаньемъ. Харьковцы еще и теперь помнятъ картину выѣзда Рудакова изъ Харькова. За экипажами и народомъ нельзя было пройти улицы. Съ поникшими головами и со слезами на глазахъ сопровождали несчастливца за заставу города и купечество, которое теряло въ немъ достойнаго представителя, и бѣдный народъ, терявшій благодѣтеля“...

роменцы начали хлопотать объ устройствѣ каменныхъ лавокъ, которыя по Высочайше утвержденному плану и фасаду начались строиться въ 1863 году. И не смотря на то, что Ильинская ярмарка уже не существовала въ Ромнѣ болѣе 10 лѣтъ, торговля, насиженная здѣсь вѣками, все таки не упадала. Такъ, по переводѣ Ильинской ярмарки, усилилась Вознесенская и затѣмъ Маслянская, бывшая до того времени семидневною, незначительною ярмаркою. Еще въ 1867 году, когда былъ оконченъ существующій понынѣ новый каменный гостинный дворъ въ 300 номеровъ, гораздо просторнѣе прежняго деревяннаго, всѣ эти лавки были занимаемы торговцами во время ярмарокъ; много даже пристраивалось временныхъ балагановъ на площади. Въ первые годы по переводѣ этой ярмарки большая часть жителей г. Ромна, купцы и мѣщане, а евреи чуть ли не всѣ поголовно, отправлялись въ Полтаву въ концѣ іюня мѣсяца и проживали тамъ до августа, занимаясь торговлею и разными промыслами. Женщины и дѣвушки роменскія ѣздили и нанимались по дворамъ, въ которыхъ квартировали купцы и ихъ приказчики, за горничныхъ и кухарокъ и учили полтавскихъ хозяекъ печь хлѣбъ и варить кушанья ярмарочнымъ людямъ, а нѣкоторыя изъ нихъ самостоятельно на конной площади занимались печеніемъ хлѣба и приготовленіемъ обѣдовъ для простонародья; этимъ онѣ зарабатывали каждую ярмарку порядочныя деньжонки.

Такъ тянулись дѣла почти до начала семидесятыхъ годовъ. Ильинская ярмарка, хотя и не увеличивалась въ своихъ размѣрахъ, но по крайней мѣрѣ держалась въ прежнемъ, бывшемъ въ Ромнѣ, величіи и давала порядочные заработки, какъ жителямъ Полтавы, такъ и роменскимъ и другимъ промышленнымъ людямъ, особенно чумакамъ и извозчикамъ, содержавшимъ конныя и воловыя подводы для перевозки тяжестей. И хотя Полтава не обогатилась отъ нея, но по крайней мѣрѣ, устройствомъ лавокъ и домовъ украсилась до подобія любаго губернскаго города.

Но съ начала семидесятыхъ годовъ, съ устройствомъ Харьково-Николаевской желѣзной дороги, прошедшей мимо Пол-

тавы, Ильинская ярмарка начала быстро уменьшаться въ своихъ оборотахъ; потомъ она дошла до того, что всѣ крупные торговцы, московскіе и харьковскіе, просили было перевести ее въ Харьковъ; получивъ отъ министерства отказъ, послѣдовавшій по ходатайству полтавскаго земства и жителей, они все-таки рѣшили не ѣздить больше въ Полтаву, а учредили въ Харьковѣ пятую ярмарку, Казанскую. И теперь всѣ устроенныя для Ильинской ярмарки лавки въ Полтавѣ остаются никѣмъ не заняты, а ярмарка, хотя и не закрыта оффиціально, но не представляетъ и тѣни прежней Ильинской; теперь собирается только черная ярмарка на конной площади.

Нашъ-же городъ много потерялъ только въ первые годы послѣ перевода Ильинской ярмарки. Впослѣдствіи, хотя и остальныя наши ярмарки стали падать, но это было неизбѣжное явленіе, вызванное улучшеніемъ путей сообщенія. Зато выгодное для торговли положеніе Ромна стало сказываться постепенно другимъ образомъ. Теперь у насъ заводится все большее и большее количество постоянныхъ оптовыхъ складовъ различныхъ иногородныхъ товаровъ.

Ив. Куриловъ.

Волынское церковно-археологическое древлехранилище.

Волынь принадлежитъ къ числу мѣстностей, особенно богатыхъ памятниками старины. Мало есть у насъ областей, которыя могли бы поспорить съ нею въ этомъ отношеніи и, въ качествѣ побѣдителей, получить пальму первенства въ столь благородномъ соревнованіи. Здѣсь—что ни шагъ, то историческая достопримѣчательность; куда ни повернись, вездѣ наткнешься на какую нибудь интересную въ археологическомъ отношеніи древность. Причина этого легко выяснится, если мы вспомнимъ, что Волынь раньше другихъ областей выступила на историческое поприще. Здѣсь именно разыгралась легендарная исторія Ольгиной мести древлянамъ; на ея территоріи, далѣе, происходило столько княжескихъ усобицъ въ удѣльный періодъ, и вихремъ пронеслась буря татарскаго разгрома. Отсюда вышли многіе замѣчательные церковные дѣятели, какъ напр., московскій митрополитъ Петръ; здѣсь съ такимъ блескомъ развернулась просвѣтительная дѣятельность русскихъ магнатовъ, основывавшихъ школы, типографіи и монастыри, издававшихъ книги. Волынь видѣла и такого почтеннаго мужа, какъ Андрей Курбскій. Не тутъ ли опять, въ безвѣстной тиши, созрѣвали планы и идеи оставшагося навсегда загадкой для исторіи царевича Димитрія? Много страдало населеніе Волыни отъ набѣговъ крымской орды, но и козацкія возстанія не миновали ея; именно здѣсь съ особенною силою свирѣпствовалъ загонъ Максима Кривоноса. Въ это самое время прокатилась по Волыни и та широкая народная волна, которая

такъ неудержимо стремилась за своимъ великимъ предводителемъ, Богданомъ Хмельницкимъ; онъ шествовалъ тогда, какъ грозный мститель, и былъ наверху славы и могущества. Рядомъ съ этимъ нельзя умолчать, что наша земля была также свидѣтельницей того позора, какой нанесло козацкой славѣ пораженіе подъ Берестечкомъ. Безъ особенной гордости приходится вспомнить и отомъ, что здѣсь жили и дѣйствовали такія личности, какъ Кириллъ Терлецкій, Ипатій Потѣй, или столь прославившійся своею двусмысленною дипломатическою ролью Адамъ Кисель. Переживала Волынь и тяжелыя времена—гоненія, притѣсненія за вѣру; но вмѣстѣ съ тѣмъ тогда особенно развивалась дѣятельность братствъ, ратовавшихъ за права народа. Самъ народъ также заявлялъ о себѣ и въ эпоху коліивщины и снова подымалъ свою голову, но Стенпковскій долго и безпощадно рубилъ ее въ Коднѣ, пока наконецъ не достигъ своей цѣли... Вспоминать ли еще? Кажется, что и безъ того ясно видно, какъ много любопытнаго представляетъ прошлое Волыни. Не удивительно, что оно оставило по себѣ такой неизгладимый слѣдъ въ неисчерпаемомъ множествѣ памятниковъ.

Къ сожалѣнію, памятники эти разбросаны по разнымъ мѣстамъ и предоставлены всѣмъ капризамъ и полному произволу судьбы. Ихъ варварски истребляютъ, надъ ними безжалостно издѣваются, а они, нѣмые, молчатъ. Читатели не забыли напечатанной въ Кіевской Старинѣ, въ январьской книгѣ настоящаго года, корреспонденціи: „Какъ уважаютъ у насъ памятники прошедшаго“; здѣсь разсказывается, что типичная по архитектурѣ и достойная неприкосновенности по своимъ историческимъ воспоминаніямъ церковь, находящаяся въ с. Ржавцѣ прилуцкаго уѣзда полтавской губ., передѣлана по всѣмъ прихотямъ новомоднаго вкуса и, надо добавить, совершенно обезображена. И это дѣлается теперь, на нашихъ глазахъ, наперекоръ требованіямъ логики и здраваго смысла, а также вопреки прямымъ и категорическимъ распоряженіямъ правительства! Чтоже дѣлалось въ прежнее не столь давнее, время? По крайней мѣрѣ у насъ, на Волыни, подобныя исторіи случались сплошь и рядомъ. Еслибы нашелся изслѣдователь, кото-

рый пожелалъ бы разработать этотъ вопросъ, то къ его услугамъ явилась бы масса матеріала, онъ то и дѣло наталкивался бы на подобные случаи. Съ другой стороны, въ Кіевской же Старинѣ, еще за 1891 годъ, тоже въ январьской книгѣ, напечана замѣтка подъ заглавіемъ: „Расхищеніе церковныхъ древностей на Волыни". Замѣтка эта заимствована изъ „Кіевлян.", который получилъ свѣдѣнія, что многими археологами безвозвратно забраны изъ волынскихъ церквей цѣлыя массы весьма важныхъ въ археологическомъ отношеніи вещей и что консисторія предписала духовенству доставить свѣдѣнія по этому предмету. Авторъ замѣтки добавляетъ, что слухи объ этихъ расхищеніяхъ ходятъ уже давно и что даже „почаевская лавра потерпѣла значительные ущербы".. Хорошо еще, что въ настоящемъ случаѣ цѣнныя въ археологическомъ отношеніи вещи попали въ руки археологовъ, но и безъ археологовъ ихъ достаточно расхищали. Мы бы могли, опять въ той же Кіевской Старинѣ, найти указанія на ту беззастѣнчивую спекуляцію, предметомъ которой сдѣлались археологическія рѣдкости вишневецкаго имѣнія; но не станемъ утомлять вниманіе читателя,—общая картина и такъ довольно рельефно вырисовывается для насъ. Скажемъ только, что собраніе и охраненіе всѣхъ уцѣлѣвшихъ памятниковъ древности представляется одною изъ настоятельнѣйшихъ нуждъ времени.

Въ этомъ отношеніи сдѣлано немного. Существуетъ, правда, въ г. Владимірволынскѣ археологическій музей и общество при немъ, но они находятся, хотя въ древнемъ и нѣкогда славномъ, однако теперь слишкомъ захолустномъ уѣздномъ городѣ, а потому о существованіи ихъ мало кому извѣстно. Въ виду этого нельзя искреннѣйше не привѣтствовать учрежденія въ г. Житомирѣ церковно-археологическаго древлехранилища и такого-же общества при немъ, которыя возникаютъ исключительно по мысли и иниціативѣ высокопреосвящ. архіепископа Модеста. Будучи самъ уроженцемъ юго-западнаго края (родина его въ с. Зиновинцахъ подольской губерніи), архіеп. Модестъ является и глубокимъ знатокомъ нашей мѣстной исторіи, мѣстной старины и ея памятниковъ. Объ этомъ лучше всего сви-

дѣтельствуютъ изданныя имъ по этой отрасли сочиненія. Естественно, что онъ не могъ равнодушно видѣть того вандализма, съ какимъ относятся у насъ къ остаткамъ древности, и давно уже рѣшилъ положить этому предѣлъ учрежденіемъ музея.

Еще два года тому назадъ начали циркулировать подобнаго рода слухи, но разныя хлопоты мѣшали приступить къ осуществленію давно задуманнаго предпріятія, и только въ апрѣлѣ настоящаго года въ мѣстной газетѣ было напечатано оффиціальное заявленіе, что открытіе церковно-археологическаго древлехранилища съ такимъ-же обществомъ при немъ имѣетъ состояться предстоящимъ лѣтомъ. Однако оно послѣдовало раньше, чѣмъ можно было ожидать. Въ срединѣ первой половины мая стало извѣстно, что открытіе древлехранилища назначено на 15-е число того-же мѣсяца и что къ этому дню имѣетъ прибыть изъ Кіева генералъ-губернаторъ. И дѣйствительно, 15-го мая, около 3-хъ часовъ дня, въ присутствіи многочисленной публики, послѣ обычнаго молебна, совершеннаго архіеп. Модестомъ, состоялось, наконецъ, это открытіе.

Древлехранилище помѣщается въ бывшей домовой архіерейской церкви. Здѣсь, на престолѣ, лежитъ большой деревянный, въ мѣдной оправѣ, осьмиконечный крестъ XIII вѣка; весь онъ испещренъ по обѣимъ сторонамъ множествомъ рѣзныхъ миніатюрныхъ изображеній чрезвычайно тонкой и замѣчательно художественной работы; они представляютъ собою воспроизведеніе земной жизни І. Христа и особенно подробно воспроизводятъ его страданія; этимъ крестомъ [1]) высокопреосвященный архипастырь благословлялъ предстоящихъ послѣ молебна. Царскія врата взяты изъ какой-то старой сельской церкви и также очень интересны по своему стилю. На нихъ внизу, въ полулежачемъ положеніи изображенъ Іесей; изъ лѣваго бока его выростаетъ стволъ дерева, вѣтви котораго причудливо изгибаются по обѣимъ половинамъ царскихъ вратъ; на концахъ

[1]) Въ „Кіевл." было напечатано, будто онъ мѣдный, но это невѣрно. Очевидно, корреспондентъ видѣлъ только мѣдную его оправу и тѣмъ былъ введенъ въ заблужденіе.

вѣтвей расположены многочисленныя изображенія ветхозавѣтныхъ праведниковъ, сонмъ которыхъ достойнымъ образомъ увѣнчивается находящеюся на самомъ верху иконою Богоматери съ младенцемъ. Надъ царскими вратами помѣщаются три иконы, взятыя изъ Дубенской пустыни; по срединѣ виситъ изображеніе Воздвиженія Честнаго Креста, а по сторонамъ—иконы Спасителя и Божіей Матери; по преданію, онѣ находились въ Дубенской пустыни уже въ то время, когда тамъ настоятельствовалъ преп. Іовъ почаевскій. На обычномъ мѣстѣ виситъ старинное деревянное паникадило, доставленное г. Уваровымъ изъ с. Емильчина новоградволынскаго уѣзда; въ паникадилѣ красуются столь обыкновенныя въ нашихъ сельскихъ церквахъ, и лишь въ самую недавнюю пору, въ силу экономическихъ соображеній, вытѣсненныя изъ употребленія, самодѣльныя свѣчи изъ желтаго воска. Такимъ образомъ общепринятая церковная обстановка выдержана вполнѣ, но ей приданъ историко-археологическій характеръ.

На мѣстахъ клиросовъ стоятъ два стула, пожертвованные частнымъ лицемъ, которое утверждаетъ за несомнѣнное, что они принадлежали князьямъ Острожскимъ. На правой стѣнѣ развѣшено множество старинныхъ изображеній религіознаго характера, и среди нихъ скромно пріютился небольшой, всего до плечъ, прекрасный портретъ Ѳаддея Чацкаго, извѣстнаго визитатора школъ кіевскаго округа и основателя кременецкаго лицея; намъ кажется, что этотъ знаменитый дѣятель просвѣщенія заслуживалъ бы того, чтобы его портретъ помѣстить на болѣе видномъ мѣстѣ. У лѣвой стѣны поставлено два шкафа, изъ которыхъ въ одномъ хранятся остатки архива несуществующаго теперь Жидичинскаго монастыря,—одного изъ замѣчательнѣйшихъ монастырей Волыни, долго бывшаго епископской резиденціей; въ другомъ — между прочими предметами, обращаетъ на себя вниманіе мѣдная вызолоченная гетманская булава и такой-же перначъ; булава украшена разноцвѣтными камнями, изъ которыхъ особенно цѣннымъ, по свидѣтельству знатоковъ, признанъ одинъ, находящійся на самомъ верху ея; оба эти предмета доставлены изъ вишневецкаго

замка, при посредствѣ о. Соботовича. Здѣсь же находится старинная деревянная чаша. У задней стѣны, какъ разъ противъ алтаря, поставлено два ящика со стеклянными крышками. Одинъ изъ нихъ всецѣло заполненъ рукописными книгами, каковы: евангеліе 1628 года, ирмолой, писанный во Львовѣ, и др., здѣсь-же находится „Субботникъ или Помянникъ усопшихъ Православныхъ Христіанъ Благородныхъ Ктиторовъ Святыя Обители сея по Титуломъ Святаго Архистратига Христова Михаила такожде прочіихъ ихъ Милостей Пановъ нача писатися Р. Б. ѧѱпі — — при тойже обители Гойской". На первомъ мѣстѣ поставлено поминаніе „Панеи Ирины з Гойскихъ Соломѣрецкой"; далѣе „Архіепископовъ, Епископовъ, Митрополитовъ и Архимандритовъ"; „Пана Адама з Брусилова Киселя воеводы Кіевского"; „Епископа Аѳанасія Шумлянского"; „Пана Леонида Ленкіевича старосты Кременчуцкого" и множества другихъ малоизвѣстныхъ и совсѣмъ неизвѣстныхъ пановъ и іереевъ. Въ другомъ изъ ящиковъ болѣе заслуживаютъ вниманія слѣдующіе предметы: кусокъ камня изъ гробницы князей Острожскихъ, нижняя челюсть съ значительнымъ количествомъ уцѣлѣвшихъ зубовъ—оттуда-же, гербъ князей Вишневецкихъ, энколпіонъ XIII—XIV вѣка, описанный проф. Петровымъ въ Кіевской Старинѣ за 1888 годъ, деревянная чаша съ крышкой, серебряная привѣска съ изображеніемъ вола и слѣдующею оригинальною надписью на ней: „Року 1711. Бидло барзо здихало. Пріими оффѣру чистая дѣво Мати вола срибного. Ратуй остатокъ бидла у людей и у мене бидного", а также ручныя кандалы, въ которыя, по преданію, былъ закованъ одинъ почаевскій монахъ, попавшій въ турецкую неволю, но по молитвѣ, чудеснымъ образомъ восхищенный и перенесенный въ тѣхъ-же кандалахъ изъ неволи въ Почаевскую обитель [1]).

---

[1]) Что это подлинно тѣ самые кандалы, о которыхъ повѣствуетъ благочестивое преданіе,—авторъ никакимъ вѣскимъ аргументомъ не подтверждаетъ и невольно у всякаго раждается сомнѣніе, не служили-ли они просто тѣмъ орудіемъ, при помощи котораго въ старину настоятели усмиряли строптивыхъ монаховъ. Въ былое время это считалось вполнѣ дозволительнымъ и являлось однимъ изъ довольно обыкновен-

Цѣннѣйшимъ, выдающимся пріобрѣтеніемъ древлехранилища и истиннымъ его украшеніемъ должно признать два большіе портрета князей Вишневецкихъ, доставленные, при посредствѣ Д. С. Ѳеодорова, изъ вишневецкаго замка. Надпись на одномъ изъ нихъ гласитъ: Michael I—mus Ex Ducibus Wisniowieckie Rex Poloniae, Electus A-o 1660 Regnavit Annis 4 Mensibus 6. Obiit Leopoli, Conditus Cracoviae in Sepulchro Regum. Король изображенъ въ рыцарскомъ вооруженіи въ панцырѣ и латахъ, на головѣ—парикъ, въ правой рукѣ держитъ жезлъ, лѣвой опирается на саблю. Другой портретъ втрое больше перваго и также снабженъ надписью, въ которой читаемъ: Ianusz Korybut Xże Wisniowiecki Kasztelan Krakowski Starosta Krzemieniecki Syn Konstantego Woiewody Bełskiego umarł we Lwowie w roku 1742. Изображенный здѣсь князь Вишневецкій написанъ во весь ростъ, поверхъ длиннаго зеленаго кунтуша на немъ надѣтъ панцырь; изъ-подъ кунтуша выглядываютъ красные сафьяновые сапоги; на плечи накинута порфира; лѣвой рукой держится за саблю, правой опирается объ столъ, на которомъ лежитъ корона; открытая голова, по старопольскому обычаю, слегка подбрита и обрамлена короткими волосами.

Заканчивая обзоръ болѣе замѣчательныхъ памятниковъ старины, помѣщенныхъ въ волынскомъ древлехранилищѣ, нельзя не упомянуть о временно выставленной, въ особой витринѣ, коллекціи древностей изъ ивницкаго собранія барона де-Шодуара. Здѣсь, на ряду съ рѣдкостями изъ страны пирамидъ, каковы, напр., колосъ пшеницы, статуэтка муміи и т. п., находятся подлинникомъ посланія и воззванія львовскаго братства, автографы Богдана Хмельницкаго, Мазепы, Василія Кочубея и интересная рукопись XVII вѣка, подъ заглавіемъ: „Толочанова посольство въ Имеретію въ 1650 къ царю Александру".

Въ заключеніе остается пожелать древлехранилищу и имѣющему открыться обществу полнѣйшаго успѣха и процвѣ-

---

ныхъ средствъ, любопытныя указанія чего можно найти въ „Русск. Ст"., ст. проф. Лебедева „ Примѣненіе тѣлесн. нак"., 1892, февраль. Такъ или иначе, но указанный предметъ имѣетъ полное право быть помѣщеннымъ въ древлехранилищѣ. — Ред.

танія. Какъ мы узнали, открытіе общества замедлилось вслѣдствіе того, что пока еще не утвержденъ его уставъ, но слѣдуетъ надѣяться, что какъ только оно приступитъ къ своимъ дѣйствіямъ, то, во первыхъ, постарается собрать, описать и изучить различныя археологическія древности Волыни, а во-вторыхъ, позаботится объ охраненіи тѣхъ памятниковъ старины, какіе по необходимости должны оставаться на своихъ мѣстахъ.

В. Храневичъ.

ПОВѢРЬЯ И ОБРЯДНОСТИ РОДИНЪ И КРЕСТИНЪ.

Появленіе новаго человѣка въ міръ среди малороссовъ считается событіемъ важнымъ, исполненнымъ глубокаго, таинственнаго смысла, обставленнымъ предзнаменованіями, обрядами и извѣстнымъ религіознымъ торжествомъ.

О появленіи ребенка говорятъ, что *Богъ послалъ хлопчика* или *дивчину*, или же: дытына знайшлася... *Жинка привела дитя,—зляла, була въ пологахъ*; дѣтямъ, для избѣжанія тривіальности выраженія, объясняютъ, что *баба въ пелени принесла братика* (сестричку), или нашла его подъ капустнымъ листомъ, *на дуби пиняла, на верби.*

Безплодіе считается большимъ несчастьемъ; въ случаѣ нерожденія дѣтей, ходятъ по монастырямъ, бабамъ, монахамъ; служатъ акаѳисты Спасителю, Божіей Матери, — молебны Симеону Богопріимцу и Севастьяну, которые рисуются съ младенцемъ на рукахъ. Очень распространенъ также обычай ходить на богомолье въ Кіево-Печерскую лавру и *держать младенчика*, т. е. заказываютъ въ пещерахъ обѣдню за 3 рубля, и обыкновенно мужъ и жена въ продолженіе всей обѣдни держатъ на рукахъ гробикъ съ мощами младенца (одного изъ 14-ти тысячъ избіенныхъ Иродомъ). Иногда заказываютъ только молебенъ за 1 рубль и во время служенія держатъ на рукахъ мощи младенца.—Пьютъ изъ пупчика кровь, когда баба-повитуха отрѣзываетъ его, и это, говорятъ, приноситъ плодородіе.

Бываетъ, къ несчастію, и такъ, что желаютъ вытравить плодъ, въ особенности дивчата—плодъ незаконной любви; же-

лаютъ *потерять, стратить дитя* (имѣть выкидышъ); тогда *ходятъ по бабамъ и просятъ зилля*, обращаются къ знахарямъ, къ фельдшерамъ; чаще пьютъ настой цвѣта барвинка, *чупрунъ-зилля*; варятъ полову изъ гречихи и пьютъ настой; пьютъ смѣсь изъ пороха (который употребляется для ружья); двигаютъ тяжести, *перехиляюця въ кадубъ*, чтобы задавить зародышъ.

Существуютъ нѣкоторыя предосторожности для беременныхъ женщинъ: такая женщина въ нѣкоторые дни, какъ напримѣръ въ пятницу и праздники, не должна прясть и шить, иначе она имѣющему родиться ребенку зашьетъ глаза, и тотъ родится слѣпой (кіевск., волынск. и подольск. губ.).

Беременная женщина не должна смотрѣть на пожаръ, иначе ребенокъ родится весь красный, какъ вареный ракъ, и если беременная женщина во время пожара въ испугѣ хватится за какую-либо часть своего тѣла, напримѣръ, закроетъ руками лицо, то на томъ мѣстѣ лицо родившагося ребенка будетъ красное, какъ печеное.

Беременная женщина не должна закрывать руками носъ и сплевывать, когда проходитъ мимо падали и слышитъ вонь, иначе у дитяти будетъ дурно пахнуть изо рта. Не должна отворачиваться и выказывать брезгливость къ калѣкамъ, а то и дитя родится калѣкою.

Въ пограничныхъ селахъ подольской губерніи есть обычай, особенно усилившійся въ послѣднее время, что беременныя женщины носятъ при себѣ такъ называемые „*Божи лысты*“ („Лыстъ небесный“). По словамъ видѣвшихъ ихъ, *лысты* эти заграничнаго австрійскаго происхожденія, написаны на южнорусскомъ, галиційскомъ нарѣчіи. Вотъ что сказано въ этихъ *лыстахъ*: „Аще какая беременная жона сей листъ будетъ при себѣ носити, или часто слухати его, то безболезненно породитъ дитя“. (Сообщ. И. Бѣньковскій).

Бабу-повитуху крестьянки рѣдко зовутъ дня за два до родовъ, обыкновенно бѣгутъ за бабой въ моментъ болѣзни, такъ что часто баба приходитъ, когда дитя благополучно родилось. Бываетъ, что дитя почти безъ болѣзней рождается въ полѣ, во время *жнивъ*, и *родиля* его сама въ *пелени* относитъ домой.

Въ бабы-повитухи идутъ женщины лѣтъ подъ 50. Для этого берутъ благословеніе *у батюшки*, иногда говѣютъ, ходятъ по монастырямъ; учатся шептать; собираютъ *разны зилля*: пидойму, *вовчу стопу*, золотникъ и др.

Въ головахъ роженицы и въ головахъ новорожденнаго въ люльку ложатъ *свяченые* травы и цвѣты. Въ люльку къ ребенку ложатъ также ножъ (Волынь и Подол.).

Если трудные бываютъ роды, то обращаются къ священнику и просятъ растворить въ церкви Царскія врата; грамотный мужъ читаетъ дома акаѳистъ Божьей Матери; расплетаютъ косы, развязываютъ мѣшки и смотрятъ, чтобы дома ничего не было завязано. Водятъ больную три раза вокругъ стола и три раза заставляютъ бить порогъ пятами; водятъ черезъ токъ, гдѣ молотятъ жито, поятъ рожками изъ жита и цвѣтомъ жита;—*баба престриты змовляе и до матки примовляе.*

Роженицу сейчасъ же послѣ родовъ заставляютъ пить водку.

Если ребенокъ родится и сейчасъ кричитъ, то это служитъ признакомъ, что будетъ долго жить, а если молчитъ, то умретъ. Если родится въ *чепчику* сорочкѣ, то будетъ счастливый.

Новорожденнаго мальчика сейчасъ ложатъ *на покути, щобъ бувъ началникомъ.*—Шупъ мальчика рѣжутъ на сѣкирѣ или книгѣ (предзнаменованіе, что будетъ плотникомъ или *письменнымъ*), а дѣвочки на иголкѣ.—Перевязываютъ пупъ у новорожденныхъ *прядивомъ* изъ *матирки*, а не *плоскони*, чтобы человѣкъ не потерялъ потомъ способности плодиться, оплодотворенія (подольск. губ.).

Для новорожденнаго мальчика воду для купанья грѣютъ въ кувшинахъ, для дѣвочки въ горшкахъ (подольск. губ.). Въ кіевск. губ., наоборотъ, для дѣвочки воду грѣютъ въ высокихъ стройныхъ кувшинахъ (*гладущикахъ*), *щобъ станъ тоненькій бувъ.* При нагрѣваніи купеля (воды для купанья младенца), нельзя допускать, чтобы вода кипѣла, а то ребенокъ, купаемый въ такой водѣ, выросши, будетъ сердитымъ, злымъ и вспыльчивымъ.

Точно такъ-же будетъ, если ребенка по неосторожности положить въ довольно горячую воду (волынск. и подольск. губ.).

Когда новорожденнаго ребенка купаютъ, то трижды плюютъ въ купель, чтобы не было *плиснявки* (молочницы) или сглазу; затѣмъ, когда вынимаютъ изъ *купеля*, то на Волыни купающая ребенка повитуха или мать трижды лижетъ ребенку лицо и трижды сплевываетъ въ купель—*отъ престриту*. Въ первый *ку́пель* принято бросать деньги, чаще всего, серебряныя.

По захожденіи солнца, ку́пеля, т. е. воды, въ которой купали ребенка, на дворъ нельзя выливать (волынск. и подольск. губ.).

Въ день рожденія ребенка или на другой день справляются родины: созываются родные и близкіе, которые приносятъ *родилѣ* подарки, большею частью: борошно (муку), горохъ, *сушню*, яйца. Гостямъ предлагается закуска, и *частуютъ* водкой. Какихъ-либо символическихъ обрядовъ и кушаньевъ здѣсь теперь не замѣчается. Въ старину, въ 1723 году, читаемъ въ „Дневникѣ“ Я. Марковича, былъ обычай посылать отъ новорожденнаго *узваръ* [1]).

Если дитя родилось больное, то сейчасъ же избираютъ въ кумовья ближайшихъ сосѣдей или первыхъ встрѣчныхъ и посылаютъ къ священнику крестить. Если дитя здоровое, то обыкновенно на другой или третій день приглашаются кумовья. Въ кумовья стараются избирать людей зажиточныхъ, чтобы могли богатое *крыжмо* (покрывало) дать. Отказываться здѣсь не принято: отъ креста, говорятъ, грѣхъ отказываться. Дозволяется отказываться беременной женщинѣ.—Если дѣти умираютъ, то берутъ въ кумовья—мужъ своего родного брата, а жена свою сестру или наоборотъ.

Въ уманскомъ уѣздѣ (кіевск. губ.), кумовья, прежде чѣмъ нести крестить дитя, разстилаютъ кожухъ, ложатъ на него штаны отцовскіе, а если дѣвочка, то рубаху матери, кладутъ на это дитя и качаютъ нѣсколько, потомъ бросаютъ на кожухъ деньги и несутъ крестить. Кожухъ и деньги—предзнаменованіе счастья.

---

[1]) „Кіевск. Ст.“ 1891 г. № 5, Приложеніе. стр. 17.

Въ волынской и подольской губ., когда несутъ ребенка въ церковь крестить, то на порогѣ дома кладутъ топоръ и нѣсколько горячихъ угольевъ, и кумовья, выходя съ ребенкомъ изъ хаты, должны, переходя черезъ порогъ, ступать ногами какъ на уголья, такъ и на топоръ.—Повиваютъ дитя ко кресту непремѣнно въ отцовскую сорочку.—Кума, идя крестить, беретъ за пазуху *цьлушку* (горбушку) хлѣба и иголку.

Крестьяне весьма охотно, наперебой идутъ воспріемниками къ незаконнорожденному ребенку по существующему повѣрью, что если кто будетъ крестнымъ отцемъ незаконнорожденнаго, то у того отлично будетъ вестись *худоба* (скотъ) и вообще хозяйство (подольск. и кіевск. губ.).

Идя крестить такого ребенка, кумъ опоясывается обротью, чтобъ водился скотъ, а кума беретъ за пазуху перья, чтобъ дрибъ всякій (домашняя птица) водился. Иногда опоясываются веревкой, и веревку эту послѣ крестьбинъ прячутъ и берегутъ, какъ святыню, и употребляютъ въ разныхъ случаяхъ крестьянской жизни для лѣченія болѣзней, накуриваясь ею и нося при себѣ.

Если при крещеніи ребенокъ умочится—хорошій для него признакъ: будетъ жить и проживетъ счастливо (подольск. губ.); въ кіевск. губ. вѣрятъ наоборотъ: если ребенокъ во время крещенія умочится, или замарается, то знакъ, что *життя буде спаскудяне.*

Въ одной семьѣ, въ с. Молодецкомъ, уманск. уѣзда, умирали все дѣти, тогда, неся ко кресту, вынули двери и обнесли дитя подлѣ *бѣгуна*, а послѣ крещенія подали дитя въ хату, вынувъ стекло въ окнѣ, чтобы смерть не могла, такъ сказать, войти обычными путями за дитятей.

Баба даетъ кумовьямъ ребенка, говоря: „нате вамъ молитвованого, напр. Танаса, принесить намъ крещеного“. Возвращаясь послѣ крещенія, кумовья передаютъ бабѣ младенца со словами: „мы взяли у васъ молитвованого, теперь приносимъ крещеного Танаса“.

Крестины празднуются сейчасъ же послѣ крещенія ребенка или же черезъ недѣлю, а иногда и чрезъ полгода. Угощеніе

родныхъ и гостей и подарки отъ послѣднихъ роженицѣ бываютъ тѣ же, что и на родинахъ.—На крестинахъ существуетъ обычай „*вытаня*“, состоящій въ слѣдующемъ: повивальная бабка, надѣлавъ *квитокъ* (букетиковъ) изъ калины и васильковъ зимою (на Волыни зимою дѣлаются искусственные бумажные цвѣты), а весною и лѣтомъ изъ разныхъ цвѣтовъ, даетъ каждому изъ присутствующихъ на крестинахъ гостей такую *квитку* со словами: „просыть родиля на калачъ и на горилочку, а похрестныкъ на квиточку“. Гость, получившій квитку, даетъ по мѣрѣ средствъ и желанія деньгами бабкѣ на горилочку, а новорожденному на „*повывачъ*“.

По окончаніи крестиннаго угощенія, кумовья садятъ родителя *на покути*, подносятъ ему житяну *квитку* и водку и желаютъ, чтобы новорожденнный *великій рисъ та здоровый бувъ*. Жито въ обрядахъ является, какъ символъ житія добраго.

На другой день послѣ крещенія баба купаетъ дитя въ *квиткахъ*, которыя остались отъ раздачи гостямъ, и отецъ обязательно долженъ жертвовать бабѣ. Дальнѣйшее купанье производится или въ чистой водѣ, а чаще въ зилляхъ: *мандрѣ*, *любистку*, мятѣ, васильках.

Дитя первый разъ кормитъ грудью не мать, а обыкновенно другая женщина, которая беретъ *подъ паху* хлѣбъ и соль, а на другую руку ребенка. Точно также, когда мать отлучаетъ ребенка отъ груди, она даетъ ему цѣлушку хлѣба и соль, говоря: „*иди на свій хлибъ*!“—Когда мать отлучитъ ребенка, т. е. прекратитъ кормить его грудью, то низачто потомъ не возобновитъ вторично кормленія по тому повѣрью народному, что отъ этого ребенокъ будетъ слабопамятный и тупоумный (волынск. и подольск. губ.); „*буде поганый на переходъ, очи поганы будутъ для престриту и уроку*“, говорятъ въ кіевской губ. Отлучаютъ обыкновенно черезъ годъ послѣ рожденія, и чтобы дитя не бралось за грудь, мажутъ ее сажей, говоря: „бе, кака!“; но если дитя и послѣ этого все-таки тянется къ груди, то намазываютъ её дегтемъ, перцемъ—и тогда дитя попробуетъ, что противное, и отстаетъ *отъ цыцьки*.

Качаютъ ребенка въ люлькѣ довольно первобытной, сплетенной изъ толстой лозы въ видѣ челнока, или сдѣланной изъ ряднины, которой перетянутъ продолговатый четыреугольникъ изъ палокъ. Такого рода люльки, или колыски привязываются четырьмя веревочками къ потолку. Иногда закачиваютъ ребенка просто въ ночвахъ на землѣ. Когда качаютъ ребенка въ люлькѣ, то нельзя брать и сжимать вмѣстѣ всѣ четыре, даже три или двѣ *поворозки*, *вервички* вмѣстѣ, потому что у ребенка (по повѣрью) будутъ отъ этого „*стыски*“ (сжатіе, удушье въ горлѣ и груди).

Если дитя не спитъ, то накуриваютъ *маковинямъ*, паутиной, смолой, кладутъ подъ головы гребешокъ, кладутъ *митокъ изъ матирного прядива* (а не плоскони), берутъ отъ молодыхъ поросятъ берлогу и кладутъ въ люльку дитяти, или купаютъ въ берлогѣ, кладутъ подлѣ дитяти кота, поятъ *большой маковкой*, отваренной въ молокѣ.

Въ дѣтскихъ болѣзняхъ приглашается обыкновенно баба-знахарка, которая или нашептываетъ, или производитъ различныя дѣйствія. Обычныя дѣтскія болѣзни, по народному названію, слѣдующія: *стыски*, *бабыци*, *соняшныци*, *плаксивыци*, *перелякъ*, *престритъ*, *мимохидъ* (конвульсіи), *плиснявка* (молочница), *тимыныця*, *кошуля* (струпья на головѣ), *грызь* (отъ этой болѣзни загрызаютъ пупъ), *жовтяныци*; противъ послѣдней болѣзни купаютъ въ *петровыхъ батогахъ*, *паписткахъ*, *повнякахъ*, *шлюбныхъ перстеняхъ* и дорогомъ (красномъ-коралловомъ) монистѣ. Повняки берутся въ этой болѣзни, чтобы сообщить дитяти полноту, а красное монисто, чтобы придать ему красный, здоровый видъ. Отъ *сухотъ* купаютъ три раза въ салѣ, потомъ мажутъ тѣло ребенка саломъ съ мясомъ и отдаютъ его съѣсть собакѣ-кобелю, если это мальчикъ, и сучкѣ, если дѣвочка.

Первую рубашку ребенка мать старается передать отъ перваго своего дитяти и ко всѣмъ своимъ дѣтямъ, чтобы были единодушны, стояли одно за другое.—Рубахи новой до года не шьютъ и не надѣваютъ, а дѣлаютъ ее изъ чего-либо стараго; при чемъ передъ надѣваніемъ рубахи исполняютъ такую обрядность: берутъ дѣтскую рубаху воротникомъ вверхъ (какъ обы-

кновенно она надѣвается), одной рукой ее придерживаютъ, а другой бросаютъ черезъ воротникъ ножъ такъ, чтобы онъ остріемъ воткнулся въ столъ или полъ (подольск. губ.). Первые штаны мальчику стараются пошить, сидя на одномъ мѣстѣ, не вставая, *щобъ гарбузивъ* не волочивъ.

Ребенка не стригутъ до года, а если случается, что у дитяти длинные волосы и мѣшаютъ ему, то матери обкусываютъ и подгрызаютъ ихъ зубами (Подольск. губ.).

Привожу болѣе интересныя и рѣже встрѣчающіяся колыбельныя пѣсни.

Колыбельныя пѣсни.

1 А.

Ходыть дримота коло плота,
А сонъ коло виконъ.
Пытаеця сонъ дримоты:
А де будешъ ночуваты?
—А я буду ночуваты
Въ Иванови хатыни,
Де йе малая дытына.

Б.

(Варіантъ сходенъ до словъ: „Де будешъ ночуваты?“)

—Де хатына тепленька,
Де дытына маленька,
Туды пидемъ ночуваты
И дытыны колысаты.
(Волынск. и подольск. губ.).

В.

(Начало сходно до словъ: „Де дытына маленька...“)

Ты ляжешъ у нижкахъ,
А я ляжу въ головахъ;
Ты будешъ дриматы,
А я буду присыплаты,
Щобъ спало—не плакало,
Щобъ росло-не болило,
На головоньку, на все тило.

II.

Ээ—ээ! коты два,
Сири-били обыдва,
Та по лужку ходылы,
Та пташечки ловылы,
А пташечку на юшечку,
А пирьячко въ подушечку.
(с. Молодецк. уманск. уѣзд.).

III.

Аа, аа! коточокъ,
Заховався въ куточокъ,
Піймавъ соби мышку,
Тай взивъ у затышку.
Котыку сиренькій,
Котыку биленькій,
Котыку волохатый!
Не ходы по хати,

Не буды дытыны!
Аа—аа! котыно,
Засны, мала дытыно!
Ой на кота вуркота,
На дытыну дримота,
Котокъ буде вуркотаты,
А дытына буде спаты.
(подольск. губ.).

IV.

У кота—вуркота
Була мачиха лыха,
Была его, была,
Была, приговарювала:
—Не ходы по чужимъ хатамъ,
Не качай чужихъ дитокъ!
—Ой ты, котку-коточку,
Сиренькій лобочку!
Прійди Любочку качать.
Я тоби коту,
Заплачу за роботу,
Дамъ кувшинъ молока,
Ще й кусокъ пирога.
(с. Молчаны, Староконстант. узда, волынск. губ.).

V.

А впавъ кить изъ воритъ,
Забывъ плечи и живитъ.
Ото тоби котку,
Не лизь на колодку,
Бо забьешъ головку,
Та буде болиты,
Ничимъ загоиты,
Купить маты шовку,
Та загоить головку.
(с. Молодецкое, уманск. у. Вар. Чуб. IV, стр. 23, № 25 А.).

VI.

Пишла кица по водицю,
Та впала въ кирныцю.
Прійшовъ котокъ ратуваты,
Стала кица плакаты.—
—Не плачъ, кицю, будь весела,
Та пойдемо на село,
Та купимо баранчика.
А въ баранчика крути роги,
А въ дытыны чорны брови.
(с. Молодецкое, Вар. Чуб. IV, № 26 А.)

VII.

Ээ-ээ! коточокъ,
Та вкравъ въ бабы клубочокъ,
Та понисъ по-за лисъ.
Та до Гали прынисъ.
Стала Галя быты:
Не вчысь, котку, красты,
Та вчыся робыты –
Черевычки шыты,
А не дорогіи—
По пять золотыи.
А не попъ куповавъ,
А не дякъ торгувавъ,
Тилько той комисаръ,
Що дытыну колысавъ.
(с. Молодецкое. Вар. Чуб. IV, № 17. В.).

VIII.

Люлечки, шовковіи веревочки,
Малевани бильця,—
Колысала мама сына
Свого чорнобрывця.
(с. Молодецкое).

IX.

Ой, рида-рида-рида!
Колысала баба дида
Отъ вечира до обида.
Ой, спы, диду бо покину (2 раза)
Пиду въ лисъ по калыну (2 раза);
Калыноньки наломаю,
Та й тебе зкупаю.
(с. Нимировка, каменецк. у. подольск. г.).

X.

Сыны мои, соколы мои,
А дочки—голубочки!
Якъ я буду вмераты,
Зійдиться до купочки.
Сыны ходятъ—
Радоньку радятъ,
Якъ маты поховаты;
А невистки ходятъ,
Радоньку радятъ,
Щобъ скоро зъ хаты взяты;
Невистки плачутъ—
Невистки плачутъ,
Ажъ имъ очи сміются,
А дочки не плачутъ—
А дочки не плачутъ,
А сами слезы льюця.
(с. Молодецкое).

Хр. Ящуржинскій.

Нѣкоторыя черты сходства „Слова о Полку Игоревѣ“ съ южно-славянскими старинными пѣснями.

Ни одинъ памятникъ старинной русской литературы не вызвалъ столько изслѣдованій, комментаріевъ, переводовъ и изданій, какъ Слово о Полку Игоревѣ. Научную литературу памятника, безъ преувеличенія, можно назвать громадной, и такова уже привлекательность этого прекраснаго поэтическаго и патріотическяго произведенія, что не проходитъ года безъ новыхъ его обслѣдованій, безъ новыхъ попытокъ поставить его въ цѣломъ и въ частностяхъ въ связь съ современными запасами знаній о древнерусскомъ бытѣ и литературѣ. Объясняли Слово съ разныхъ сторонъ—миѳологической, историко-политической и бытовой, литературно-эстетической, филологической; сравнивали его съ письменными и устными произведеніями древне-греческими, византійскими, скандинавскими, древне-русскими, съ пѣснями великорусскими и малорусскими, и почти отъ всѣхъ сравненій оставалось что-нибудь пригодное для объясненія деталей, а нѣкоторыя сравненія, въ особенности произведенное Потебней въ широкихъ размѣрахъ объясненіе текста Слова данными малорусской народной поэзіи, дали блестящіе результаты и пролили большой свѣтъ на памятникъ. Въ этомъ обширномъ полѣ сравненій не все исчерпано, и я приведу здѣсь нѣсколько мелкихъ дополненій изъ области старинныхъ сербохорватскихъ пѣсенъ, какъ десятисложныхъ, такъ и длинносложныхъ (15—16) или такъ называемыхъ бугарштицъ. Въ русской научной литературѣ есть одна статья о бугарштицахъ—*М. Е. Халанскаго* въ Рус. Филол. Вѣстникѣ 1884 г., по дан-

нымъ, заключающимся въ цѣнномъ сборникѣ Богишича 1878 г., статья весьма интересная, но безъ отношенія къ русской литературѣ; въ этой статьѣ говорится исключительно о бугарштицахъ, какъ особомъ родѣ сербо-хорватскаго эпическаго творчества.

Наиболѣе старыя записи бугарштицъ находятся у сербо-хорватскихъ писателей XVI—XVIII в.—Хекторовича (1487+1572), Бараковича (1546+1628), Матеи (+1728), Бетондича (+1764) и нѣкот. др. *Богишичъ* собралъ длинносложныя сербо-хорватскія старинныя пѣсни и издалъ ихъ въ 1878 г. въ приложеніи къ X кн. Гласника подъ заглавіемъ „Народне пјесне из старијих највише приморских записа“, съ довольно обширнымъ введеніемъ, въ которомъ говоритъ о размѣрѣ бугарштицъ и связи ихъ съ старинными книжными памятниками. Наряду съ книжными довольно слабыми элементами въ бугарштицахъ сохранились мѣстами весьма древнія черты славянской народной поэзіи, и двѣ-три такихъ черты послужатъ намъ для подтвержденія мнѣнія о глубокой народности Слова о Полку Игоревѣ. А. А. Потебня сравнивалъ Слово съ малорусскими пѣснями. Несомнѣнно, что въ малорусскихъ пѣсняхъ удержалось много старинныхъ чертъ, но многое въ нихъ ново, тѣмъ болѣе, что весь малорусскій пѣсенный матеріалъ, за весьма немногими исключеніями, записанъ лишь въ текущемъ столѣтіи. Древняя южнорусская поэзія—доказацкая—могла имѣть и несомнѣнно имѣла своеобразный складъ, своеобразныя черты; въ отрывкахъ она сохранилась въ Словѣ о Полку Игоревѣ, въ передѣлкахъ и сокращеніяхъ въ нѣкоторыхъ преданіяхъ первоначальной лѣтописи. Довольно интересными по сравненію съ сербо-хорватскими пѣснями представляются слѣдующія мѣста Слова о Полку Игоревѣ:

Въ Словѣ буй-туръ Всеволодъ говоритъ Игорю: „Сѣдлай, брате, свои бръзыи кóмони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди. А мои ти Куряне свѣдоми къмети; подъ трубами повити, подъ шеломы възлѣлѣяни“...

Въ сербской пѣснѣ:

Устан гори господару!
Дружина те у лов зову,
Кони су ти оседлани,
Хрти ти су у ликтарим,

А соколи под прапорцим,
Пушти хрта за лисицом,
А сокола за грлицом (343).

Здѣсь одно только темное слово „ликтарим“, и Богишичъ затрудняется въ объясненіи его. Въ видѣ предположенія онъ производитъ это слово отъ ligare и все мѣсто переводитъ: „собаки уже связаны въ сворѣ“ (372). По тону и даже по нѣкоторымъ выраженіямъ сербская охотничья пѣсня отвѣчаетъ древней южнорусской военной похвальбѣ.

Народно-поэтическая основа Плача Ярославны удачно объясняется данными современной малорусской поэзіи. Такъ, обращеніе къ вѣтру встрѣчается и въ настоящее время въ малорусскихъ народныхъ пѣсняхъ. Въ одной пѣснѣ про дѣтоубійство мать (мѣстное пріуроченіе—Ковалева дочка Катерина), бросивъ ребенка въ колодезь,

За ворота выходыла
Зъ витромъ буйнымъ говорыла,
Да не вій, витре, да тыхенькій,
Да повій, витре, да буйненькій!
Да важены хмару чорнесеньку,
Да спусты дождыкъ дрибнесенькій,
Да залый стежки и дорожки,
Щобъ туды люды не ходылы (Чуб. V 363

По вопросу о степени распространенія поэтическаго мотива обращенія къ вѣтру въ древней славянской поэзіи не лишена интереса сербо-хорватская пѣсня „Тужба Вилслава Сѣнянина, кадар боравльаше у турскоj земльи на далеко од своje Льубовце“. Въ этой пѣснѣ роль жены Ярославны играетъ мужъ Вилславъ, который подобно Ярославнѣ „зегзицею незнаемь рано кичеть.

Ево Вилслав у турскоj крajини
И ронећи грозне сузе своje,
Овако je ријетром говорно.
Што ће рећи, мили ријетри моjи,
Што ће рећи да толико дана...
Ви, о витри, к мени долазите,
И на мjесто ријерне књиге моje,
Однесите къ Сењу бијелому,
Однесите грозне сузе моje,
Коje мени текућ напотоке
Низ жалосно лице упадаjу;
И кад, витри, къ Сењу долазите,
Ако ли нигдjе не нађете стана,
Къ моjоj милоj вили отвђите
И овако младоj говорите:
„Ми смо витри, вило приморкињо,
Ми смо витри ки роснимъ облаком
Супроћ силномъ бури воjуjемо
И носимо по морскоj пучини
Къ Сењу граду броде и поморце;
А сад смо се трудна подигнули
Из далека сунца на истоку
И ове ти ми носимо гласе:
Ниje ноћи, ни бијела данка,
У комъ Вилславъ сузе не пролjева,
Да не види своjу домовину

Да не чује гласа ни једнога,
Ки б њега мого утјешити
И његове сузе уставити.

Далѣе слѣдуетъ рядъ укоровъ, что Вилславъ въ турецкой неволѣ, а его милая въ Санѣ; онъ въ тюрьмѣ, она на свободѣ; онъ одинокъ въ печали, она живетъ съ отцомъ и матерью; ему кукушка кукуетъ, а ей поютъ веселыя птицы, и нѣтъ ему никакого утѣшенія (343).

Приведенная подлинными словами часть пѣсни составляетъ очень близкую параллель къ обращенію Ярославны къ вѣтру: „О вѣтре, вѣтрило, чему г-не насильно вѣеши?... Мало ли ти бяшеть горѣ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему господине, мое веселіе по ковылію развѣя“?

Обращенія къ солнцу и рѣкамъ—мотивы обычные въ народной поэзіи, встрѣчаются, напр., въ болгарскихъ пѣсняхъ, что указано уже *В. Ѳ. Миллеромъ* въ изслѣд. о Словѣ о П. И. 240.

При общеславянскомъ характерѣ этихъ мотивовъ, въ частности при существованіи въ сербо-хорватскомъ эпосѣ такихъ пѣсенъ, какъ „Тужба Вилслава“, нѣтъ надобности въ предположеніи *А. А. Потебни*, что авторъ Слова находился подъ вліяніемъ свадебныхъ пѣсенъ (137).

Въ Словѣ въ четырехъ мѣстахъ слава (слухъ) представляется звономъ. Объ этомъ мотивѣ, по сравненію его съ великорусскими и малорусскими народными пѣснями, см. *Потебню* 52—53, 129. Въ частности извѣстное мѣсто о Всеславѣ переводится у Потебни такъ: Ему (въ честь его) позвонили въ Полоцкѣ, и этотъ звонъ услышался въ Кіевѣ, т. е. слава его изъ Полоцка дошла до Кіева. Въ такомъ же значеніи встрѣчается звонъ и въ бугарштицахъ, въ видѣ заключительнаго припѣва, что говоритъ въ пользу большой древности и распространенности этого мотива. Въ бугарштицѣ, какъ воевода Янко принесъ въ Будимъ руку короля Владислава, убитаго въ бою, которую узналъ по золотому кольцу, мать и жена оплакиваютъ Владислава, „кога кральа звоньаше по всемъ свјету вјечна слава“ (80).

Окончаніе Слова—величаніе князей: „Пѣвши пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти: слава (придерживаюсь въ этомъ мѣстѣ чтенія В. Ѳ. Миллера, 248) Игорю Святославичу, буйтуру Всеволоду, Владиміру Игоревичу. Здрави князи и дружина“... П. А. Кулишъ и П. И. Житецкій уже сравнивали это величаніе съ заключительными словами малорусскихъ думъ, и Потебня призналъ (стр. 150) такое сравненіе вполнѣ основательнымъ. По вопросу о томъ, какъ широко было распространено такое величаніе, не лишено интереса то обстоятельство, что это величаніе встрѣчается и въ южнославянскихъ пѣсняхъ, между прочимъ, въ самой старой по записи бугарштицѣ о Маркѣ Кралевичѣ и братѣ его Андріяшѣ, вошедшей въ „Рибанье и рибарско приговараньe“ Хекторовича (р. 1487+1572). Первое изданіе этой книги въ 1556 г. (второе—1638 г., послѣдующія вышли въ текущемъ вѣкѣ). Бугариштица про убійство Андріяша братомъ Маркомъ Кралевичемъ оканчивается краткимъ величаньемъ:

Веселъ буди, господару, и весела ти дружина,
Нашъ господару!
Ова писанъ да буде твој милости на поштенье.

Въ этомъ краткомъ величаньѣ сохранены основные элементы болѣе обширнаго величанья старымъ и молодымъ князьямъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ.

Число сопоставленій можно было бы увеличить съ привлеченіемъ сборника Караджича и др. многочисленныхъ сборниковъ сербо-хорватскихъ пѣсенъ (обширная библіографія г. Цишевскаго въ „Вислѣ“ 1892 г.), но и приведенныхъ достаточно, чтобы прійти къ заключенію о близкомъ племенномъ родствѣ Слова о Полку Игоревѣ съ южно-славянскимъ эпосомъ. Авторъ Слова обѣими руками черпалъ изъ народной поэзіи, а поэзія эта была богата и почти одинакова во всемъ тогдашнемъ славянскомъ мірѣ по основнымъ поэтическимъ образамъ и пріемамъ творчества. Авторъ слова сокращалъ извѣстныя ему пѣсни, выбиралъ изъ богатыхъ запасовъ своей памяти соотвѣтствующіе

отрывки для выраженія чувства горести по случаю пораженія русскихъ половцами. Нѣкоторыя темныя мѣста Слова по всей вѣроятности, произошли уже при самомъ его возникновеніи оттого, что авторъ слова перепуталъ, переставилъ или исказилъ непрочно осѣвшія въ его памяти народныя пѣсни.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

ИЗЪ СЕМЕЙНЫХЪ АРХИВОВЪ.

(Выдержки изъ писемъ малороссійскихъ генер.-губернаторовъ кн. Лобанова-Ростовскаго и кн. Репнина. 1811—1819 г.).

Благодаря любезному содѣйствію В. Н. Бутовича, мы имѣли случай ознакомиться съ частной перепиской Алексѣя Петровича Бутовича, занимавшаго постъ вице-губернатора, затѣмъ гражданскаго губернатора въ Черниговѣ въ началѣ текущаго столѣтія и въ 1818 году переведеннаго на ту же должность въ Витебскъ. Въ четырехъ разсмотрѣнныхъ нами тетрадяхъ аккуратно подшиты въ хронологическомъ порядкѣ собственноручныя письма къ Бутовичу малороссійскихъ генералъ-губернаторовъ кн. Якова Ивановича Лобанова-Ростовскаго, обнимающія періодъ 1811—1819 г. и кн. Николая Григорьевича Репнина (1816—1818 г.), письма гр. Ильи Безбородко (1813 г.), гр. Ильи Вас. Завадовскаго (1814 г.), гр. Алексѣя Кирилловича Разумовскаго (1805 г.), министра полиціи А. Балашева (1813 г.), гр. Як. Румянцева (1813 г.), С. Беклемишева (1815 и 1816 г.), кн. Петра Лопухина (1811 и 1813 г.), О. Козодавлева (1816 г.), Г. Державина (1816 г.), кн. Барклая де Толли (1816 г.), герцога Александра Виртембергскаго (1818 г.), гр. Витгенштейна (1818 г.), маркиза Паулуччи (1819 г.), гр. Аракчеева (1819—1821 г.), гр. Дибича (1820 г.), гр. Кочубея (1822 г.), сенатора Д. Баранова (1822 г.), гр. Гурьева (1823 г.), гр. Л. Лебцельтурна (1823 г.), епископа полтавскаго Сильвестра, черниговскаго—Михаила (1803—1818 г.) и нѣкоторыхъ другихъ. Предметъ переписки—большею частью домашнія дѣла

названныхъ лицъ, не имѣющія особаго интереса для историческаго изданія: просьбы о содѣйствіи въ судебныхъ процессахъ, о заготовкѣ лошадей на почтовыхъ станціяхъ, рекомендаціи, денежные разсчеты, наемъ рабочихъ (для гр. Аракчеева въ с. Грузино) и т. п. Болѣе содержательны письма кн. Лобанова-Ростовскаго, съ которымъ Бутовичъ находился повидимому въ наилучшихъ отношеніяхъ, и кн. Н. Репнина.

Приводимъ болѣе интересныя выдержки изъ этихъ писемъ.

Въ виду приближенія непріятеля, возникъ вопросъ объ усиленной охранѣ арестантовъ въ г. Новозыбковѣ. Кн. Лобановъ-Ростовскій, письмомъ къ Бутовичу изъ Полтавы отъ 16 Іюля 1812 г., извѣщаетъ, что посылать въ Новозыбковъ 20 чел. изъ Чериговскаго баталіона нѣтъ нужды, ибо тамошнихъ колодниковъ можно перевести въ тотъ городъ, гдѣ есть устроенный острогъ. „Тому же, что командуетъ баталіономъ, разтолкуйте, что я требую, чтобъ онъ вѣдалъ Государеву волю, дабы той команды люди употреблялись по гражданской части вездѣ, гдѣ губернскія роты употребляемы были, а въ противномъ случае обойдусь какъ съ ослушникомъ, ибо и не въ ноничный часъ мѣстный начальникъ моего званія неможетъ никому послаблять, какъ и никто отбывать его предписанія. Уважить разкомандировку у него людей въ состояніи буду я, когда губернской городъ будетъ отъ земской полиціи имѣть то пособіе, кое нынѣ предписываю вамъ учредить, то есть, вытребовать съ четырехъ повѣтовъ по двадцати пяти конныхъ козаковъ и употреблять ихъ на пристаняхъ и разъездахъ въ городѣ, гдѣ потребно..... Пріежающій изъ Гродны или Минска, не имѣющій вида, долженъ представить по себѣ поручителя изъ тѣхъ, кто отъ толь съ видами пребываніе тутъ имѣютъ, дѣло полиціи всей имѣть скромное за ними наблюденіе, что дѣлаютъ, гдѣ бываютъ и что трезвой или піяной говоритъ. Въ продчемъ по прибытіи моемъ собственное всего обозреніе подастъ мнѣ лудчій способъ руководствовать васъ въ сію строгую минуту. Задержала меня нонѣ формировка полковъ, потребно оружіе, кое здѣсь добывать трудно“.

Отъ 13 Іюля того же года кн. Лобановъ-Ростовскій сообщаетъ Бутовичу изъ Полтавы:„..... уповать можно, что Богъ заставитъ непріятеля переменить театръ войны и укротитъ его. Тогда разпоряженія и возьмемъ иныя, но штафета изъ Могилева и тамошнія приуготовленія на щотъ отсылки суммъ и дѣлъ, сколь ни есть важныи, не позволяютъ отчаеватся, ибо одна минута наипачѣ въ войнѣ перемѣнить можетъ всіо; между тѣмъ наше дѣло не ослабѣвать духомъ и думать, какъ бы быть по всѣй мѣрѣ возможности нашей полезнымъ Царю и царству. Потрудитесъ внушить смыслъ вызова моего козакамъ, толкуя, что естли отъ сотни человѣкъ пять дадутъ, а когда потребно будетъ и большѣ, то обращены будутъ конечно въ прежнее состояніе, ибо ни рекрутъ, ни оклада требовать не станутъ, я въ томъ ходатай и порука.... Касательно милиціоннаго оружія нужно вамъ доставить мнѣ списокъ безъ замедленія, тогда по сей матеріи и займемса. Вы между тѣмъ нежелейтѣ екстраординарной суммы и извѣщайтѣ меня всякой разъ, естли что офиціяльное или письменно достоверное получитѣ. Колодники изъ повѣтовъ за Черниговымъ лежащихъ, гдѣ нетъ остроговъ, перевесть въ устроенныя можно. Нельзя полагать, чтобъ продолжалъ непріятель успѣвать, а естлибъ по нещастію и былъ онъ съ выгодой, тогда такжѣ полагать неможно, чтобъ стремленіе его было не на другой нежели Черниговъ путь; но вы однако по мѣрѣ основательности свѣдѣній можетѣ прежде тѣхъ повѣтовъ суммы забирать въ губернской городъ, дабы въ случае нужды можно было ихъ въ мѣстѣ съ губернской суммой отправить по назначенію, кое будетъ отъ меня“....

Годъ спустя (1 Іюля 1813 г., изъ Полтавы) кн. Лобановъ-Ростовскій пишетъ: „Вручите пожалайтѣ вложенныи двѣ французскія записки тѣмъ тремъ офицерамъ пленнымъ, что виделъ я въ Черниговѣ; онѣ просятъ моего согласія на временное ихъ въ Полтаву прибытіе, я объявляю имъ оное, а ваше пр-ство прошу снабдить ихъ подорожной до мѣста пребыванія моего или какимъ онѣ пожелаютъ видомъ; предложитѣ имъ провожатаго ундеръ офицера, прикажитѣ ему обходитса съ ними вѣжливо и путевыя потребности исполнять. Въ продчемъ мо-

гутъ естли пожелаютъ ехать и безъ него, тогда должно однако будетъ кому либо ехать въ назирку за ними, ибо нужно мнѣ не оскорбляя ихъ дѣлать свое дѣло"... 4 Іюля князь проситъ Бутовича выслать въ Полтаву механика „что изъ польскихъ пленныхъ въ Черниговѣ находитса". Съ этимъ механикомъ губернаторъ отправилъ князю книги, ружье и кучу кіевъ, „коими Агафья Васильевна (жена Бутовича) наградила и очень къ стати", за что князь и благодаритъ корреспондента. Извѣщая вмѣстѣ съ тѣмъ о прибытіи изъ Чернигова въ Полтаву плѣнаго генерала Заенчика („подержу его здесь, пока не увижу надобности потревожить его дальнѣйшимъ переселеніемъ"), князь добавляетъ: „о партіяхъ пленныхъ, что поступаютъ къ вамъ оборванными, не оставляйтѣ всѣгда сказывать о томъ въ то мѣсто, отъ куда онѣ къ вамъ поступаютъ; въ продчемъ лѣтнея еще время позволитъ и въ дальній ихъ путь слѣдовать безъ большихъ на одежду издержекъ, одѣвать же сказано по сезону".

26 сентября 1813 г. генералъ-губернаторъ проситъ Бутовича купить 60.000 аршинъ сѣраго сермяжнаго сукна, въ аршинъ или три четверти ширины, цѣною не менѣе 1 р. 10 коп. аршинъ, для обмундировальной рекрутской швальни въ Полтавѣ, и такое-же количество подкладочнаго холста: „больше всѣго сукна у васъ сказываютъ въ Воронцѣ что глуховского повѣта, но вамъ то лудчѣ извѣстно, а въ Козельцѣ нитокъ суровыхъ". Въ ноябрѣ того-же года новая просьба—закупить до 20.000 тулуповъ, цѣною 25 рублей за шубу, но чтобы изъ этой цѣны „можно было показать правительству трудъ и збереженіе; кажетса, что для сего удобно бы подъ какимъ либо предлогомъ отобрать отъ полиціи цены или человекамъ двумъ добрымъ сказать, чтобъ иєкупили изъ пяти или шести тысечъ барыша на всемъ наличествѣ, что выйдетъ четверть рубли отъ каждой или хотя и большѣ... Холстъ не надобенъ. Не одобряю и представленія вашего о суммѣ (въ) Министерство для поправки дома, что для васъ потребенъ, ибо употребленіе городской суммы по самой только необходимости не заграждало мнѣ разпорядитса, отвѣтъ можетъ быть не удовлетворительной, тогда какъ

безъ сего спроса оставалась вѣщъ на моей, а не на вашей ответственности. Такъ заключая, не могу скрыть, ибо действовать и обходится безъ всякихъ увертковъ свойственно и характеру моему и искренному уваженію, съ коимъ есть и буду вашъ вернѣйшій слуга"... Пять дней спустя новое письмо изъ Полтавы (24 ноября 1813 г.): „Сейчасъ извѣщаютъ изъ Петербурга, что о тулупахъ тамъ решено разпорядится самимъ помощію подряда, и потому оставайтесъ на щотъ сего безъ действія; но по матеріи отчетовъ Приказа изворотитесъ немедля ни минуты, дабы имѣлъ я способъ, поставя въ виду преждняго начальства оплошность, уклонить васъ отъ всякой непріятности; а колико оскорбляюсь я, что таковыми напаметованіями адресуютса ко мнѣ, сіе все судить и вѣрить можно по брежности моей не позволять никому надъ собой величатса, такжѣ и не послаблять закону" [1]).

По поводу сдачи съ торговъ почтовыхъ станцій въ 1814 г., князь ожидаетъ для казны большой пользы, если дѣло будетъ

---

[1]) Казенные подряды и поставки въ Черниговщинѣ вообще пользовались дурной славой въ Петербургѣ, какъ можно судить по рескрипту имп. Александра I мѣстному губернатору отъ 24 января 1802 года: „Господинъ д. с. с., Малороссійскій—Черниговскій гражданскій губернаторъ баронъ Фрейндорфъ. Съ крайнимъ неудовольствіемъ извѣстился я, что злоупотребленіи нѣкоторыми изъ провіантскихъ коммисіонеровъ и полковыхъ шефовъ въ закупкѣ потребностей высокими и обременительными казнѣ цѣнами, столь давно оглашенныя и толико очевидныя, пріемлютъ начало свое единственно въ ложномъ показаніи справочныхъ цѣнъ по послабленію, а можетъ быть и соучастію и вредной стачкѣ со стороны гражданскихъ начальствъ. и что земскіе исправники и суды нерѣдко дозволяли себѣ изъ сей казенной обязанности дѣлать постыдный торгъ и полагать условіи и цѣну въ нарушеніе ихъ должности и присяги. Признавая всѣхъ таковыхъ за истинныхъ казны похитителей тѣмъ горшихъ, чемъ болѣе правительство въ предмѣтѣ семъ полагается на добрую ихъ вѣру, я считаю нужнымъ предварить васъ симъ, что при малѣйшемъ открытіи таковыхъ злоупотребленій со стороны гражданскихъ начальствъ на будущее время, всѣ виновные въ ономъ не только преданы будутъ всеобщему поношенью, но какъ сами подпадутъ суду по всей строгости законовъ, такъ и начальниковъ губерній оному подвергнутъ, естьли по слабости ихъ смотрѣнія, а паче по снаровкѣ и участію (чего по важности ихъ званія и существу довѣрія моего ко нимъ и предположить въ нихъ безъ крайняго отвращенія я не могу) зло сіе допущено, терпимо или сокрываемо ими будетъ. Подтвердивъ о строгомъ за симъ наблюденіи всѣмъ гражданскимъ губернаторамъ, и вамъ о томъ же самомъ предписываю, пребывая въ прочемъ вамъ благосклонный. *Александръ*". (Подл. въ томъ же собраніи).

содержимо въ секретѣ, чтобы назначить на всѣхъ 30 пунктахъ торги одновременно, для устраненія стачки между рядчиками: „приложитѣ о всемъ томъ наилудчи трудъ, польза общаго дѣла, честь ваша и моя выиграютъ, а потерпятъ только промышленники не за свое хватающіяся, ибо не дворянское дѣло кнутомъ деньги заработывать. Судъ сей не всякъ похвалитъ, но дѣло не мое, а какъ бы лудче только выполнить обязанность свою“ (письмо изъ Полтавы, 20 февр. 1814 г.). Неизвѣстно, какъ прошли торги, но уже 15 мая того же года князь предложилъ Бутовичу отдать подъ судъ черниговскаго комисара за безпорядки на почтовомъ трактѣ между Черниговомъ и Нѣжиномъ, особенно въ Горбовѣ и Дремайловкѣ, и завести нѣчто въ родѣ книги жалобъ для проѣзжающихъ по подорожнымъ: „та мѣра лишъ огласитса, то скоро избавитесъ ужѣ и употреблять ея“.

29 Декабря 1814 г. князь извѣщаетъ Бутовича о своемъ отъѣздѣ въ Петербургъ, но не черезъ Черниговъ, а на Харьковъ, такъ какъ въ Черниговѣ скоро будутъ выборы, „въ коихъ не хочу чтобъ мыслили о каковомъ либо участіи моемъ“, и переписка обрывается до конца слѣдующаго года. Въ октябрѣ князь, получивши представленіе черниговскаго губернскаго маршала „нащетъ облегченія числа доводящегося съ 500 душъ рекрутъ, побежалъ къ регенту, взято на уваженіе, но по сей часъ ничего не сообщаютъ; между тѣмъ министры полиціи и военный даютъ вамъ свои отвѣты. Я, заглянувъ, нахожу одно канцелярское исполненіе и потому пускаюсъ паки хлопотать... Государя ожидаютъ 12 ноября, жаль, что не преждѣ, ибо преждѣ бы и настоящая помочъ къ вамъ поспела. Будьте благополучный и мужайтесъ, терьпеніе преодолеваетъ всіо“... Отъ 26 ноября 1815 г.: Бумаги ваши отъ 12 сего месеца получилъ, что по нихъ могу, о томъ печисъ буду при пріѣздѣ государя, коего завтра или тотъ часъ послѣ ожидаютъ. Дряни не дивитесъ: продолжатса она должна, пока дрянныя люди въ силѣ будутъ, но кажетса долго того ни царь, ни Богъ не потерпятъ.

Радъ бы я, чтобъ самому отъ всѣго освободитса, но и тогда не оставлю, чтобъ тѣ, коихъ люблю, остались бы безъ воздаянія. Вотъ всіо, что на сей часъ сказать могу, находясъ между

вѣжливостей, ласки и езуитства, коего остерегатса долженъ какъ чумы, но поелику и ту до границъ своихъ не допустилъ, надеюсь, что и оная со всѣмъ порожденіемъ погаснетъ"... Отъ 8 марта 1816 года: „Будьтѣ здоровъ и благополучный, вѣрьтѣ, что я вездѣ вашъ. Государь, уволя меня отъ губерніевъ, посадилъ меня въ Совѣтъ и департаментъ онаго, вопреки всѣхъ прозебъ моихъ о свободѣ. Хоша на канунѣ того дня после стола пригласилъ меня въ кабинетъ на преблагосклоннѣйшею аудіенцію и я, принявъ ея, устоялъ отъ пріему какого-либо дѣла, но назавтра онъ зделалъ посвоему, приказавъ лудчѣ полагатса на него; я инаго и не дѣлывалъ, а прочъ всіо таки хочитса. Обещалъ позволить мнѣ отлучитса, но что еще лудчѣ, позволилъ мнѣ подать записку о некоторыхъ сотрудникахъ моихъ,—не вы въ ней забыты будитѣ"...

Въ дальнѣйшей переписке звучитъ новая нота: просьба о протекціи съ одной стороны, туманныя обѣщанія—съ другой. Отъ 23 сентября 1818 г. князь сообщаетъ Бутовичу: „Я живу въ чести, но въ крайней скукѣ по разнообразности безъ прерывныхъ занятій, и потому пачѣ всѣго желалъ-бы дышать по свободнея; радѣть о томъ или успѣть бывъ две вещи розныя, не возбраняютъ однако уповать о достиженіи когда либо цѣли"... Наконецъ, послѣднее письмо князя, отъ 1819 года, вызвано просьбою камергера графа Хребтовича о содѣйствіи Витебскаго губернатора къ тому, чтобы мѣстные дворяне не вздумали при выборахъ „удостоить его каковаго—либо званія", о содѣйствіи, „коимъ-бы отклонитса могло всякое расположеніе дворянъ къ избранію его, ибо онъ, по званію своему принадлежа Высочайшему двору, находится и не безъ упованія употреблену быть внѣ губерніи, гдѣ щитаетъ себя временнымъ только жителемъ"...

Преемникомъ кн. Лобанова—Ростовскаго былъ зять гр. Алексѣя Разумовскаго, кн. Н. Репнинъ. Первое его письмо къ губернатору Бутовичу, отъ 16 октября 1816 г., послано еще изъ Москвы. Тесть жаловался ему на разныя притѣсненія черниговскихъ чиновниковъ, дѣлаемыя почепской экономіи его и крестьянамъ. „Сколько я ни желалъ-бы, писалъ кн. Репнинъ, сдѣлать угодное тестю моему по искренней моей къ нему при-

верженности, но поставивъ себѣ непремѣннымъ правиломъ не входить ни въ какое особое дѣйствіе по дѣламъ моихъ родныхъ, я поручаю какъ сіе, такъ и впредь могущія случиться законному покровительству вашего пр-ства... Впрочемъ, поставляя себѣ изъ первѣйшихъ моихъ обязанностей пещись о уменьшеніи тяжбъ и споровъ, легко возникающихъ въ малороссійскихъ губерніяхъ", князь проситъ Бутовича откровенно сообщать ему о кляузахъ, возбуждаемыхъ экономіею тестя, чтобы прекратить ихъ путемъ сношенія съ графомъ. Отъ 3 октября, благодаря Бутовича за приготовленіе квартиры въ Черниговѣ ко дню пріѣзда изъ Москвы, кн. Репнинъ выражаетъ увѣренность, что домъ кн. Прозоровской занятъ не по отводу, но по найму на его счетъ. 28 октября, князь пишетъ изъ Нѣжина, что прибудетъ въ Черниговъ только ночью, почему проситъ распорядиться, чтобы никто изъ чиновниковъ его не дожидался и никакихъ встрѣчъ не было: „естли же случится мнѣ пріехать очень рано, тогда я поставлю себѣ пріятнѣйшимъ долгомъ видѣться съ вами и побесѣдовать о дѣлахъ до насъ относящихся"... О характерѣ этихъ дѣлъ даетъ понятіе нижеслѣдующее собственноручное письмо князя изъ Москвы отъ 2 того-же октября, съ надписью „секретное", за № 2: „Милостивый государь мой, Алексѣй Петровичъ! Прежде еще всемилостивѣйшаго назначенія меня Малороссійскимъ военнымъ губернаторомъ, слышалъ я, что въ сихъ губерніяхъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, избираются иногда чиновники въ большую часть повѣтовыхъ должностей или изъ однофамильцевъ, или изъ людей, состоящихъ между собою въ ближнемъ родствѣ.—Списки о повѣтовыхъ чиновникахъ, доставленные мнѣ вашимъ пр-ствомъ, и новыя по сему собранныя свѣдѣнія увѣрили меня, что дѣйствительно сіе зло существуетъ въ Малороссійскихъ губерніяхъ, почему я и нахожу нужнымъ обратить на сіе особенное вниманіе ваше.—Великая Екатерина, даровавъ Россійскому дворянству право избирать изъ среды себя какъ судей своихъ, такъ и всѣхъ чиновниковъ земской полиціи, на коихъ основывается общее благосостояніе и тишина цѣлаго Государства, оказала довѣренность, которую оправдывать должно быть безпрестаннымъ стараніемъ каждаго изъ

насъ.—Но исполняетъ ли дворянство сію священную обязанность, отдавая такъ сказать на откупъ повѣтъ одной фамиліи?—Можемъ-ли мы, Милостивый Государь мой, какъ вышнія начальники, быть увѣрены, что каждый изъ чиновниковъ по повѣтамъ поспѣшитъ извѣстить насъ о безпорядкахъ и притѣсненіяхъ, когда они должны другъ другу потворствовать по родственническимъ своимъ связямъ?—Будетъ-ли повѣтовый Маршалъ защищать дворянскія имѣнія отъ притѣсненія земской полиціи, когда комисаръ—сынъ его? Станетъ-ли повѣтовый судья открывать незаконныя поступки брата своего, а въ судѣ самомъ когда сидятъ два или три родственника, то не разрушается-ли чрезъ то законная ограда подсудимому, происходящая отъ разныхъ мнѣній судей его?—Легко можно-бы распространить описаніе еще многихъ другихъ вредныхъ послѣдствій, существующихъ доселѣ въ Малороссіи отъ подобнаго избранія повѣтовыхъ чиновниковъ, но сего уже довольно, чтобы убѣдить Васъ, М. Г. мой, о необходимости, въ которой я нахожусь искать совокупно съ вашимъ пр-ствомъ способовъ искоренить сіе зло на будущее время, а теперь по крайней мѣрѣ стараться сколько силъ нашихъ будетъ и порядокъ дѣлъ и законъ то позволитъ положить препоны онымъ зловреднымъ послѣдствіямъ.—Ожидая въ свое время сообщенія въ откровенности мыслей вашихъ по сему предмету, я прошу покорнѣйше ваше пр-ство приступить предварительно къ двумъ мѣрамъ: 1-е) Составить списокъ чиновниковъ, служащихъ по выборамъ, съ отмѣткою родства между ими состоящаго. 2-е) Собрать въ тайнѣ свѣдѣнія о живущихъ въ повѣтахъ дворянахъ, дабы могли мы предназначить кого желательно-бы было, чтобы при будущихъ выборахъ избрали въ повѣтовыя мѣста.—Образъ, коимъ я пишу къ в. п. сіе мое отношеніе, доказываетъ, что какъ оно, такъ и послѣдствія должны остаться единственно между нами и не поступать къ дѣламъ вашей канцеляріи"... Полгода спустя, 29 мая 1817 г., кн. Репнинъ пишетъ Бутовичу изъ Почепа: „При теперешнемъ объѣздѣ моемъ Черниговской губерніи съ горестью замѣтилъ я, что не только ни въ которомъ повѣтѣ ходъ дѣлъ не поправился, но даже въ иныхъ сдѣлался и хуже, недоимки

нигдѣ не уменьшились, но напротивъ мѣстами и увѣличились, однимъ слозомъ, всѣ старанія в. п. и мои тщетны, предписаній нашихъ не слушаются, а указовъ Губернскаго Правленія и того болѣе, и я, поистинѣ теряя всю надежду къ исправленію столь закоренѣлаго зла, не знаю, какъ мнѣ послѣ сего объѣзда доносить Государю. Обязанность моя не сокрыть предъ нимъ правды, но сказавъ ее, строгое и справедливое правосудіе обратится на виновныхъ. Единственный способъ облегчить участь сихъ послѣднихъ есть удалить еще прежде донесенія моего тѣхъ людей отъ занимаемыхъ ими ко вреду общему должностей, дабы я могъ увѣрить Государя Императора, что подобные люди уже болѣе въ Черниговской губерніи и что мы съ в. пр-ствомъ совокупно приняли мѣры наидѣятельнѣйшія, видя, что угрозы наши ничтожны".

Сообщилъ **Н. М.**

Отрывки изъ записокъ Автонома Акимовича Солтановскаго.[1)]

1865. Варшава.

Когда я прибылъ часа въ четыре вечера въ Варшаву на почтовой повозкѣ, въ самой Варшавѣ ѣздили еще на саняхъ, хотя снѣгъ на улицахъ былъ грязенъ и представлялъ какую-то смѣсь снѣга и песка. Я пораженъ былъ движеніемъ на улицахъ: вездѣ, взадъ и впередъ, сновали сани съ сѣдоками, перевозили вещи, товаръ; омнибусы на колесахъ развозили пассажировъ по гостинницамъ; на тротуарахъ мало народа. Множество дамъ, и молодыхъ, и старыхъ, стройныхъ, легко и элегантно одѣтыхъ, виднѣлось всюду. На тротуарахъ въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга дежурили полиціанты. Такое оживленіе, послѣ недавнихъ безпорядковъ, ужасовъ ржонда, и при строгости настоящаго военнаго положенія, доказывали, что поляки очень живой народъ. Они страстно любятъ уличную жизнь; женщины любятъ показать себя, мужчины посмотрѣть хорошенькихъ. Мужчины большую часть дня проводятъ въ кондитерскихъ, пивныхъ, трактирахъ. Въ трактирахъ обѣдаютъ цѣлыя семейства. Варшава довольно опрятный городъ и небольшихъ размѣровъ, лежитъ на р. Вислѣ. Костеловъ и монастырей множество. Виднѣе другихъ Каѳедральный костелъ, недалеко отъ замка, на старомъ мѣстѣ, и костелъ св. Креста на Краковскомъ предмѣстьи. Въ нижнемъ этажѣ этого костела отпѣваютъ покойниковъ, и тамъ во всякое время дня и ночи виднѣется на катафалкахъ нѣсколько гробовъ, обставленныхъ

свѣчами и разноцвѣтными лампадками, а иногда и зеленью. Въ замкѣ живетъ намѣстникъ графъ Бергъ, а недалеко отъ замка высокая колонна и на верху король польскій Сигизмундъ, который въ одной рукѣ держитъ мечъ, а въ другой крестъ. На противоположномъ концѣ Краковскаго предмѣстья, противъ зданія русской гимназіи, поднимается памятникъ Копернику, а сейчасъ, недалено отъ костела св. Креста громадные дома графа Замойскаго, съ верхняго балкона которыхъ была брошена орсиніева бомба въ экипажъ графа Берга. Дома Замойскаго конфискованы въ военное вѣдомство. Въ нихъ квартируютъ военные чины, помѣщается русскій клубъ, а внизу русскій книжный магазинъ. На Краковскомъ предмѣстьи, кажется въ 1868 г., открытъ еще памятникъ фельдмаршалу свѣтлѣйшему князю Варшавскому Паскевичу Эриванскому, который окончилъ усмиреніе польскаго бунта 1831 года взятіемъ штурмомъ Варшавы. На Саксонской площади, примыкающей съ одной стороны къ Краковскому предмѣстью, а съ другой къ Саксонскому публичному саду стоитъ обнесенный желѣзною рѣшеткою памятникъ въ честь польскихъ генераловъ, павшихъ въ началѣ бунта, оставаясь вѣрными присягѣ Императору. Среди именъ, высѣченныхъ золотыми буквами, встрѣчаются имена Потоцкаго и другихъ. Саксонскій садъ—любимое гулянье варшавянъ, и лѣтомъ, и зимою. Онъ отлично содержится, имѣетъ два фонтана, кондитерскую, колодезь съ лучшею въ Варшавѣ водою, навѣсъ съ продажею сельтерской воды и лѣтній деревянный театръ. На Краковскомъ предмѣстьи находится лучшая въ Варшавѣ Европейская гостинница, бывшая тоже нѣкоторое время въ вѣдѣніи военнаго вѣдомства за то, что въ ней зарѣзанъ былъ кинжальщиками какой-то докторъ. Теперь она принадлежитъ бывшему повару графа Берга Васильеву, купившему ее у владѣльца за полмилліона. Въ ней помѣщается знаменитая кондитерская Люрса. Безспорно, Краковское предмѣстье одна изъ самыхъ лучшихъ улицъ Варшавы. Сенаторская, Медовая—улицы элегантныхъ магазиновъ, принадлежащихъ большею частью полякамъ. За *желѣзной брамой*, отдѣляющей Саксонскій садъ отъ города, идутъ исключительно еврейскія лавки и магазины, въ

которыхъ можно найти всевозможные товары отъ самыхъ цѣнныхъ до самыхъ копѣечныхъ, и сходнѣе можно ихъ пріобрѣсти, чѣмъ въ польскихъ магазинахъ. На площади, куда сходятся улицы Сенаторская и Медовая, помѣщается зданіе варшавскихъ театровъ. Зданіе внушительныхъ размѣровъ, но не блещетъ внутри роскошной отдѣлкой, и столько въ немъ дерева и узкихъ корридоровъ, что въ случаѣ пожара оно грозитъ публикѣ большою опасностью. Въ одномъ этомъ зданіи помѣщаются и большой театръ (оперы, драмы) и малый театръ (комедіи и водевили). На послѣднемъ заслуженною извѣстностью пользуется актеръ Жулковскій. Въ 1862, 1863 и даже въ 1864 году поляки, не смотря на любовь къ театру и развлеченіямъ, не смѣли посѣщать представленій, боясь запрещеній и угрозъ народоваго ржонда. Теперь одни аристократы избѣгаютъ посѣщать театръ, жалуясь на свое разореніе; но масса наполняетъ театръ въ каждое его представленіе. Противъ театра по другую сторону площади расположены громадныя магистратскія зданія съ помѣщеніемъ для пожарной команды. По серединѣ этой площади—небольшой скверъ. Въ Варшавѣ имѣется православный Каѳедральный соборъ и православная церковь на предмѣстьи Воля. Живетъ въ Варшавѣ архіепископъ Варшавскій и Холмскій (Іоанникій). Есть русскій клубъ, русская мужская и женская гимназіи и русское городское училище. Лютеране имѣютъ прекрасную церковь вблизи Саксонскаго сада въ сторонѣ гостинницы Викторія. Есть въ Варшавѣ много старыхъ улицъ и переулковъ, необыкновенно узкихъ, грязныхъ и темныхъ. Обветшалые дома старинныхъ аристократовъ теперь наполнены всевозможнымъ трудящимся людомъ; этажи въ нихъ соединяются узкими, ветхими деревянными лѣстницами; а дворы и внутренность пахнутъ тухлостью и даже просто воняютъ. Теперь аристократическіе палацы ѣысятся на Краковскомъ предмѣстьи и тянутся по направленію къ женскому институту, Бельведерскому и Лазенковскому загороднымъ дворцамъ. Евреи, кромѣ главной, имѣютъ въ Варшавѣ нѣсколько синагогъ; въ рукахъ евреевъ и нѣмцевъ главная торговля края, и банкиры всѣ—евреи. Варшава имѣетъ множество городскихъ училищъ, три гимназіи, прогим-

назіи, казенныя и частныя, и университетъ. Училище глухонѣмыхъ ведется прекрасно директоромъ Поплонскимъ. Великолѣпныя зданія принадлежатъ не одной польской аристократіи, но также богатымъ евреямъ: табачному монополисту Кронебергу, Бліоху, владѣльцу парохода, курсирующаго между Варшавой и Плоцкомъ, и другимъ. Много богатыхъ имѣній въ Царствѣ Польскомъ перешли въ руки евреевъ. Бельведеръ имѣетъ видъ снаружи не царскаго дворца, а огромнаго казеннаго зданія; Лазенки-же, не далеко отъ Бельведера книзу, среди какого-то парка и около пруда,—прелестная дворецъ-игрушка и снаружи, и внутри.

Ямщикъ подвезъ меня къ Римской гостинницѣ на углу Сенаторской улицы противъ почтамта. Въ гостинницѣ всѣ номера были заняты. Мнѣ отвели во дворѣ въ какомъ-то флигелькѣ двѣ неотопленныя комнаты по 1 р. 50 к. въ сутки. Свѣча, дрова, постель, прислуга и самоваръ за отдѣльную плату. Я былъ очень голоденъ. Мнѣ указали въ гостинницѣ ресторанъ. Подали мнѣ супъ изъ курицы съ миніатюрнымъ крылышкомъ курицы, съ двумя ломтиками хлѣба, однимъ—чернаго и другимъ бѣлаго. Затѣмъ слѣдовала изъ курицы миніатюрная котлетка и къ ней компотъ, т. е. расщепленный на нѣсколько частей сырой апельсинъ и въ заключеніе чашка кофе. Я остался совершенно голоднымъ послѣ такого обѣда, за который по счету пришлось уплатить 1 р. 20 к. сер. Въ счетѣ апельсинъ стоилъ 37½ к. Переодѣвшись послѣ обѣда я пошелъ посмотрѣть Варшаву. У воротъ гостинницы сидѣла еврейка съ корзиною апельсинъ, приглашая купить. Апельсины были такъ велики и такъ зрѣлы, что, судя по ресторанному счету, я цѣнилъ ихъ не менѣе, какъ по 50 к. штуку, и потому уклонился отъ покупки. Но еврейка продолжала заманивать, говоря: „апельсины очень дешевы“! Наконецъ я, сдѣлавши уже впередъ нѣсколько десятковъ шаговъ, оглянувшись, спросилъ: по чемъ же штука?—По 4 коп. серебромъ, отвѣчала еврейка. Я завелъ ее въ свой номеръ и купилъ 2 десятка апельсинъ за 80 коп. сер. Значитъ, въ Римскомъ ресторанѣ за то только, что ловко разрѣзали апельсинъ гораздо худшаго качества, чѣмъ тѣ, которыя

я купилъ у еврейки, взяли съ меня за свой трудъ 33½ коп. сер. На другой день я узналъ, что Римская и Англійская гостинницы самыя дорогія въ городѣ и въ нихъ закусываетъ одна знать для шику и платитъ сумасбродныя деньги. Я больше не пользовался въ этой гостинницѣ столомъ. Я въ другихъ мѣстахъ платилъ за обѣдъ, сытный и изъ свѣжей провизіи, состоявшій изъ 4-хъ блюдъ и чашки кофе, 50 к. сер. Я прошелся по Сенаторской, подлѣ театра, по Краковскому предмѣстью. Вотъ стали зажигать фонари; прохожіе тоже стали показываться съ фонарями въ рукахъ, и на тротуарахъ публика стала быстро рѣдѣть. Швейцаръ въ гостинницѣ объяснилъ мнѣ, что съ сумерокъ до выхода изъ театровъ никто не смѣетъ показываться на улицѣ безъ фонаря въ рукахъ. А послѣ 11 часовъ вечера имѣютъ право появляться на улицахъ только лица, снабженныя пропускными билетами за подписью генералъ-полиціймейстера царства польскаго генералъ-адъютанта Трепова. Запасшись фонарикомъ, вечеромъ я отправился въ большой театръ. Всѣ билеты въ кресла были разобраны, оставалось только два свободныхъ мѣста въ партерѣ. Не зная варшавскихъ театральныхъ порядковъ, я вошелъ въ партеръ въ шубѣ, боясь ее оставить въ корридорѣ. Въ партерѣ я нашелъ только дамъ и дѣвицъ. Духота была невѣроятная; я сбросилъ шубу подъ себя, но все-таки задыхался отъ жары. Нѣсколькимъ дамамъ сдѣлалось дурно; ихъ вывели; но скоро онѣ опять возвратились на свои мѣста. Я не могъ высидѣть до конца представленія и вышелъ въ подъѣздную переднюю. Охолонувши, я закутался въ шубу и хотѣлъ на дорогу закурить сигару. Но со мной не было спичекъ. Замѣтивъ это, одинъ изъ слѣдившихъ здѣсь полиціантовъ придвинулъ стулъ къ стѣнѣ, досталъ изъ кармана кусокъ бумаги, зажегъ ее надъ стѣнной лампой и пошелъ ко мнѣ съ предложеніемъ закурить сигару. Меня поразила такая вѣжливость варшавской полиціи. Вдругъ раскрываются входныя двери, быстро влетаетъ какой-то рыжеватый генералъ. Вскочившіе полиціанты приняли отъ него шинель. Генералъ пристально взглянулъ на меня и прошелъ въ корридоръ ложъ. Закуривавшій мнѣ сигару полиціантъ продолжалъ свое дѣло, держа при по-

явленіи генерала руку подъ козырекъ. Я спросилъ, указывая на уходящаго генерала: „кто это?“ Полиціантъ отвѣчалъ: генералъ-полиціймейстеръ. О значеніи должности генералъ-полиціймейстера долго я не имѣлъ надлежащаго понятія. Я полагалъ, что власть его простирается на городъ Варшаву и что онъ подчиненъ варшавскому губернатору.

На слѣдующій день въ 10 часовъ утра я явился къ главному директору коммиссіи Народнаго Просвѣщенія Ѳ. Ѳ. Витте. Онъ принялъ меня весьма милостиво; но тутъ я узналъ, что за два мѣсяца, которые я провелъ въ Каменцѣ, управляя по предложенію князя Ширинскаго дирекціею училищъ, я не получу жалованья, такъ какъ по законамъ царства есть двѣ степени опредѣленія на службу: nominalia и instolatia. Только со дня инстоляціи чиновникамъ считается жалованье. Тутъ же Витте распорядился объ инстолированіи меня въ тотъ же день. Затѣмъ я представился Осипу Григорьевичу Михневичу, директору коммиссіи народнаго просвѣщенія, и отправился въ помѣщеніе коммиссіи (мин. нар. просвѣщенія въ царствѣ). Прибывшіе Витте и Михневичъ ввели меня въ должность, т. е. торжественно прочтенъ былъ протоколъ моего введенія въ должность, подписанъ Витте и Михневичемъ, скрѣпленъ, подписанъ также мною, и одинъ экземпляръ этого протокола врученъ мнѣ подъ росписку. Протоколъ составленъ былъ на польскомъ языкѣ. Такимъ образомъ два мѣсяца моей службы въ Каменцѣ, послѣ моей номинаціи Начальникомъ Сувалкской учебной дирекціи, остались не оплаченными ни Кіевскимъ учебнымъ округомъ, ни Варшавскою коммиссіею. Подъемныя деньги мнѣ были отпущены тутъ въ коммиссіи, и я получилъ приглашеніе въ 7 часовъ вечера пожаловать въ засѣданіе коммиссіи по званію ея члена. Изъ рѣшенія дѣлъ въ коммиссіи я не могъ ознакомиться съ кругомъ моихъ обязанностей. Этого я не достигъ, бывая ежедневно въ коммиссіи и раза три въ ея засѣданіяхъ и у Витте. Мнѣ только вручили Высочайше утвержденный указъ о народномъ образованіи въ Царствѣ Польскомъ и вручили списокъ учебныхъ заведеній моего сувалкскаго округа. Витте, Михневичъ, коммиссія, университетъ, кабинеты университетскіе—все

это имѣло помѣщеніе въ такъ называемомъ Казиміровскомъ палацѣ, состоявшемъ изъ трехъ главныхъ корпусовъ и двухъ поменьше, и разныхъ служебныхъ зданій. По срединѣ двора разбитъ былъ круглый цвѣтникъ, а за помѣщеніемъ Витте находился садъ, спускавшійся по склону горъ къ Вислѣ. Витте все удерживалъ меня въ Варшавѣ, говоря, что тутъ я лучше ознакомлюсь съ своими обязанностями; но какъ я сказалъ, этого достигнуть не было возможности. Однажды мнѣ сообщили списокъ самыхъ высокопоставленныхъ въ Варшавѣ чиновъ съ указаніемъ времени, когда они принимаютъ, и предложили представиться имъ. Въ концѣ списка было приписано рукою Витте, что на слѣдующій день въ 8 часовъ утра онъ заѣдетъ за мной и повезетъ меня въ замокъ представлять графу Намѣстнику. Первымъ въ спискѣ значился Генералъ-Полиціймейстеръ, принимаетъ въ 5 часовъ утра. Не помню, котораго это было числа,—знаю, что въ февралѣ,—въ 5 часовъ утра я подъѣхалъ къ квартирѣ Трепова. Позвонилъ. Мнѣ отперъ жандармъ. Я объявилъ ему, кто я, и просилъ доложить. Черезъ минуту жандармъ пригласилъ меня въ кабинетъ Трепова. Кабинетъ помѣщался въ продолговатомъ залѣ. Во всю длину зала тянулся длиннѣйшій столъ, крытый краснымъ сукномъ и заставленный бумагами. На столѣ горѣло полъ—дюжины свѣчей, и въ креслѣ, крытомъ кожею, сидѣлъ за столомъ въ формѣ и эполетахъ генералъ. Онъ поднялся, привѣтливо встрѣтивъ меня. Просилъ садиться. Спросилъ, скоро ли я уѣзжаю въ Сувалки? Я сейчасъ же поднялся, видя сложность его занятій, и простился. Онъ провелъ меня до дверей. Треповъ рыжеватый широкоплечій мужчина, средняго роста, съ живыми проницательными глазами и живыми движеніями. Въ обхожденіи очень простъ. Послѣ этого визита я сталъ въ гостинницѣ поджидать главнаго директора Витте. Вотъ мнѣ подалъ номерной его карточку и пригласилъ ѣхать. Въ замкѣ вездѣ въ корридорахъ мы нашли караулы, и въ одномъ корридорѣ сидѣла цѣлая толпа черкесовъ. Въ комнатѣ передъ кабинетомъ графа Берга сидѣлъ за столомъ полковникъ Анучинъ, впослѣдствіи радомскій губернаторъ, и что-то писалъ; въ сторонѣ стоялъ адъютантъ графа, еще молодой офицеръ фонъ-Валь.

Витте поздравствовался съ ними. Они просили обождать, пока кончится докладъ генералъ-полиціймейстера Трепова. Минутъ черезъ пять изъ кабинета вышелъ Треповъ, поздоровался съ Витте и любезно подалъ мнѣ руку, какъ старому знакомому. Витте сейчасъ же былъ приглашенъ въ кабинетъ, а спустя минутъ пять пригласили и меня. Намѣстникъ спросилъ, владѣю ли я польскимъ языкомъ? На утвердительный отвѣтъ сказалъ: „вотъ и прекрасно; поѣзжайте, желаю успѣха Вамъ въ Вашей дѣятельности!“ и раскланялся со мною. Витте остался на минуту и затѣмъ отвезъ меня въ каретѣ въ гостинницу. Часовъ около 10 я былъ у главнаго директора коммиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ князя Владиміра Черкасскаго. При входѣ въ кабинетъ стоялъ часовой съ ружьемъ. Князь принималъ какую-то даму, которая объяснялась съ нимъ то по польски, то по французски. Князь отвѣчалъ ей по русски, а молодой переводчикъ чиновникъ переводилъ слова князя по польски. По уходѣ дамы князь взялъ меня подъ руку, и мы стали ходить по кабинету. Князь разспросилъ меня о моей службѣ и просилъ серьезно приняться за водвореніе русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ моего округа. Мы русскіе призваны сюда не за тѣмъ, чтобы вилять хвостами направо и налѣво, какъ нѣмцы (намекъ на графа Берга, Витте, Трепова и другихъ), и держа поляковъ въ заблужденіи, способствовать имъ подготовить новую революцію. Мы должны дѣйствовать такъ, чтобы поляки сразу поняли, что это ихъ послѣднее заблужденіе, что они навсегда должны составлять одно цѣлое съ Россіею и имѣть съ нею одну общую цѣль, общіе интересы. Ихъ обижать не слѣдуетъ; но преступно мирволить ихъ сепаратизму. Это не моя мысль, не мое желаніе, это—воля Государя и всей Россіи. Съ ксендзами, которые вѣчные мутители польскаго духа, вѣчные враги и поляковъ, и русскихъ,—не стѣсняйтесь. Пишите мнѣ о всякомъ случаѣ частное письмо. Я ихъ не пощажу! Они меня хорошо поняли!“ Я порывался нѣсколько разъ откланяться, но князь все удерживалъ меня. Вотъ гдѣ я наконецъ узналъ, въ чемъ заключается задача моей службы и дѣятельности въ Царствѣ Польскомъ! Вотъ посредствомъ кого я узналъ волю Государя Императора!

Членъ учредительнаго комитета и помощникъ Намѣстника по гражданскимъ дѣламъ полякъ Арцымовичъ принялъ меня весьма любезно и дружелюбно. Я забылъ описать наружность князя. Онъ мужчина средняго роста, широкоплечій, брюнетъ съ черными глазами и черными усами. Манеры повелительныя, гордыя. Характеръ, какъ я узналъ послѣ, твердый, настойчивый, неспособный къ компромиссамъ и уступкамъ. Статсъ-секретаря поляка Заборовскаго я не засталъ. Но на слѣдующій день у себя въ номерѣ я нашелъ его карточку. Членовъ учредительнаго комитета Брауншвейга, Соловьева и генерала Заболоцкаго я не видѣлъ. Они еще спали, когда я заѣзжалъ къ нимъ, хотя уже было 11½ часовъ.

Я забылъ еще одинъ случай. Послѣ пріѣзда моего въ Варшаву на слѣдующій день я былъ въ засѣданіи коммиссіи, которое продолжалось часовъ до 3 ночи. Кога мы расходились, Витте спросилъ меня, присланъ ли мнѣ билетъ за подписью генералъ-полиціймейстера на свободное хожденіе ночью по улицамъ. Правитель канцеляріи отвѣчалъ, что еще билетъ не полученъ, что завтра онъ повторитъ требованіе. Но однако безъ билета Вамъ итти нельзя. Васъ еще схватятъ въ участкѣ сумасшедшаго маіора, и вамъ прійдется ночевать съ арестантами и выслушать его дерзости. Правитель канцеляріи далъ мнѣ свой билетъ. Представлялся я Архіепископу Іоанникію и вручилъ ему письмо отъ епископа Подольскаго и Брацлавскаго Леонтія. Старикъ благословилъ меня, но не высказалъ, на что именно онъ меня благословляетъ. Онъ доволенъ своимъ бытомъ и почетомъ и входитъ во всякіе компромиссы съ нѣмцами, преклоняясь передъ ихъ силою и властью. Былъ у главнаго директора финансовъ и казначействъ, и не засталъ его дома. Членъ учредительнаго комитета, богачъ Фундуклей, принялъ меня весьма ласково. Я засталъ его сильно занятымъ приготовленіемъ своего великолѣпнаго помѣщенія для бала, который онъ намѣренъ былъ дать на дняхъ. Въ передней и въ одной изъ гостинныхъ были цѣлыя рощи большихъ оранжерейныхъ деревьевъ, обставленныя рододендронами, камеліями, азаліями, цинеродіями, лиціями, гіацинтами, тюльпанами, нарцизами и

другими кустарниками и луковицами въ полномъ цвѣту и вмѣстѣ съ рощицей розъ распространяли по всѣмъ апартаментамъ Фундуклея весеннее благоуханіе. Поляки весьма любили Фундуклея за его щедрость бѣднымъ, за воспитаніе въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ сиротъ на его счетъ, особенно сиротъ женскаго пола. Почтдиректоръ нѣмецъ Шмидтъ объяснялся со́ мною на польскомъ языкѣ, такъ какъ ни слова не понималъ по русски.

Послѣ окончанія представленій въ театрѣ улицы Варшавскія совсѣмъ пустѣли. Я нѣсколько разъ возвращался изъ коммиссіи, изъ Казимировскаго дворца въ Римскую гостинницу поздней ночью, и на Краковскомъ предмѣстьи не встрѣчалъ ни души. Только то здѣсь, то тамъ выступаетъ изъ подъѣзда изъ тѣни на свѣтъ фонаря фигура полиціанта и опять скроется. Разъ только часа въ три я встрѣтилъ Черкасскаго, Соловьева и Брауншвейга, возвращавшихся пѣшкомъ изъ замка изъ засѣданія учредительнаго комитета. Снѣгъ начиналъ таять, дорога портилась, а Витте, не сообщая мнѣ никакихъ инструкцій, все-таки держалъ меня въ Варшавѣ, гдѣ мнѣ приходилось скучать и напрасно издерживаться. Боясь, что распутица помѣшаетъ мнѣ попасть въ свою дирекцію, о которой говорили, что́ она вся состоитъ изъ лѣсовъ, горъ, озеръ и болотъ, и не зная, что Сувалки соединены съ Варшавой перворазряднымъ государственнымъ шоссе, я сталъ просить Витте отпустить меня. Онъ, тоже вѣроятно не зная о существованіи шоссе, изъявилъ свое согласіе. Итакъ я наконецъ оставилъ Варшаву послѣ десятидневнаго въ ней пребыванія.

Варшавяне чрезвычайно хвастаютъ своимъ кладбищемъ на powązkach. Я на немъ не былъ, но говорятъ, что оно дѣйствительно содержится въ образцовомъ порядкѣ и имѣетъ катакомбы. Варшавяне лѣтомъ любятъ гулять по праздникамъ въ Швейцарской долинѣ, гдѣ обыкновенно играетъ оркестръ музыки подъ управленіемъ извѣстнаго какого-нибудь капельмейстера. Существуетъ въ Варшавѣ общество поощренія изящныхъ искусствъ съ постоянною выставкою картинъ, статуй и пр. польскихъ художниковъ, и консерваторія подъ управленіемъ извѣстнаго артиста.

Сувалки.

Перваго марта я прибылъ въ Сувалки. Сувалкская губернія сѣвернѣе всѣхъ другихъ губерній Царства Польскаго, и потому я засталъ въ ней настоящую еще зиму. Въ свѣтлые дни пригрѣвало весеннее солнце; но по ночамъ поднимался морозъ до 6, 8 и даже 10 градусовъ. На поляхъ, горахъ и въ лѣсахъ лежало еще столько снѣгу, что не было возможности свернуть съ наѣзженной дороги въ сторону. Лошади проваливались выше брюха, и сани совсѣмъ уходили въ снѣгъ. Изъ Маріамполя въ Сувалки было расчищено отъ снѣгу шоссе и представляло безконечный корридоръ со стѣнами по обѣ его стороны, поднимавшимися до высоты телеграфной проволоки. Жена писала мнѣ изъ Каменца, что тамъ уже цвѣтутъ абрикосы на воздухѣ, а здѣсь царила еще вполнѣ зима. Въ спискѣ, сообщенномъ мнѣ изъ коммиссіи, въ Сувалкскомъ округѣ считалась одна мужская гимназія изъ 7 классовъ въ Сувалкахъ; одна пятиклассная прогимназія въ уѣздномъ городѣ Маріамполѣ, 34 разнаго рода училищъ, и сверхъ того мнѣ поручено было визитировать духовную семинарію въ уѣздномъ городѣ Сейнахъ. Я не имѣлъ права дѣлать въ ней какія-либо распоряженія или перемѣны, но о всемъ, несогласномъ съ видами правительства, долженъ былъ доносить коммиссіи народнаго просвѣщенія. Семинарія управлялась регентомъ, прелатомъ и настоятелемъ богатаго Ломжинскаго прихода Андрушкевичемъ, очень пожилымъ ксендзомъ, и состояла въ главномъ вѣдѣніи епископа, графа Лубенскаго, имѣвшаго въ Сейнахъ свой епископскій дворецъ. Пообѣдавъ, по пріѣздѣ въ Сувалки въ кондитерской Райскаго, я приказалъ приготовить въ гостинницѣ, гдѣ я остановился, самоваръ. Комнаты не были отоплены; но, боясь угара, я не велѣлъ топить до утра. Стемнѣло; подали свѣчи и самоваръ. Покуривши и выпивши нѣсколько стакановъ чаю, я сталъ раздѣваться, желая отдохнуть послѣ утомительнаго пути. Вдругъ какая-то бѣготня и шумъ въ гостинницѣ и крики на улицѣ. Я подбѣжалъ къ окну, выходившему на улицу и въ публичный садъ, и увидѣлъ сперва, что весь садъ освѣ-

щенъ заревомъ, а затѣмъ разсмотрѣлъ, что масса искръ сыпалась на улицу съ гостинницы. Я моментально одѣлся, схватилъ меньшій чемоданъ, въ которомъ хранилась моя мундирная, сюртучная и фрачная пары, а также подъемныя деньги, и потащилъ его въ корридоръ. Здѣсь царствовала совершенная тьма и ни души прислуги. Не зная хорошо расположенія корридора, я метался во всѣ стороны и какъ-то случайно отыскалъ лѣстницу, которая вела внизъ. Я звалъ корридорнаго, но онъ не являлся. Вдругъ внизу что-то громоздкое вытащили изъ номера. Я спросилъ, можно ли здѣсь выбраться на улицу. Мнѣ отвѣчали: можно, сходите внизъ. Оказалось, что какой-то проѣзжій господинъ тащилъ на улицу свой чемоданъ. Весь вспотѣвши, въ шубѣ, я едва-едва перетянулъ черезъ улицу чемоданъ въ публичный садъ. Нужно было на улицѣ пробиваться сквозь толпу сбѣжавшагося на пожаръ народа. Въ большемъ чемоданѣ, оставшемся въ гостинницѣ, было все мое бѣлье, постель, шуба большая, книги. Что тутъ дѣлать? Я потянулъ свой чемоданъ въ глубь сада, желая его запрятать въ снѣгъ межъ кустами и идти спасать большой чемоданъ. Вдругъ мимо меня проходитъ взрослый ученикъ гимназіи. Я его останавливаю, объявляю кто я, и прошу покараулить мой чемоданъ, пока я схожу за другимъ. Онъ охотно согласился. Между тѣмъ пожаръ сталъ притихать. Оказалось, что во дворѣ гостинницы горѣлъ небольшой деревянный флигелекъ, въ которомъ помѣщался складъ бумаги купца Марксона, торговавшаго письменными принадлежностями и содержавшаго частную типографію. Скоро огонь былъ совсѣмъ залитъ. Оказалось ненужнымъ выносить другой чемоданъ. Я поспѣшилъ въ садъ и поблагодарилъ караульщика. Явившійся корридорный удивился, что я выносилъ чемоданъ. Мы пожара не боимся! У насъ дома каменные. Вотъ изъ магазиновъ никто и не думалъ спасать товаръ! Такіе пожары пустякъ! Я легъ спать не раздѣваясь, и не столько спалъ, сколько тревожно дремалъ, просыпаясь каждую минуту и посматривая въ окно, не горитъ ли опять. При деревянной лѣстницѣ и неосвѣщенныхъ корридорахъ въ случаѣ пожара въ зданіи легко можно было сгорѣть. На слѣду-

ющій день я потребовалъ къ себѣ инспектора гимназіи, старика Лышковскаго. Онъ извѣстенъ въ польской литературѣ, какъ составитель очень порядочной въ 3-хъ частяхъ хрестоматіи.

До учрежденія коммиссіи народнаго просвѣщенія съ директоромъ и главнымъ директоромъ во главѣ, а также училищныхъ округовъ или учебныхъ дирекцій, гимназіи и прогимназіи подчинялись попечителю Варшавскаго учебнаго округа. Гимназіи управлялись директорами и ихъ помощниками префектами; послѣднюю должность исполняли исключительно гимназическіе капелланы. Прогимназіи управлялись инспекторами и то же префектами. Начальныя училища въ учебномъ отношеніи подчинялись директорамъ гимназій и инспекторамъ прогимназій и сверхъ того еще ревизовались особыми визитаторами изъ Варшавы; въ матеріальномъ отношеніи подчинены были губернскому правленію, гдѣ существовала для нихъ особая секція (отдѣленіе). Съ учрежденіемъ коммиссіи всѣ учебныя заведенія подчинены были непосредственно во всѣхъ отношеніяхъ начальникамъ учебныхъ дирекцій въ ихъ округахъ, а инспектора и директора устранены отъ заботъ и ревизій по низшимъ училищамъ. Притомъ директора гимназій переименованы въ инспекторовъ гимназіи, хотя продолжали управлять ими на прежнихъ основаніяхъ, а префекты названы помощниками инспекторовъ. Осмотрѣвъ всѣ классы и все помѣщеніе Сувалкской гимназіи и два начальныя училища въ городѣ, я отправился съ визитами къ губернскимъ властямъ. Въ учебныхъ заведеніяхъ всѣ служащіе и ученики на вопросы мои на русскомъ языкѣ отвѣчали по польски, не смотря на то, что нѣкоторые чиновники, окончивъ университеты въ Россіи, хорошо владѣли русскимъ языкомъ. Изъ бесѣды съ Лышковскимъ я узналъ, что высшая власть въ губерніи принадлежитъ начальнику военнаго отдѣла генералъ-лейтенанту начальнику 3-й гренадерской дивизіи Николаю Степановичу Ганецкому; затѣмъ слѣдуютъ: губернаторъ Петръ Карловичъ Жерве; жандармскій штабъ-офицеръ полковникъ Василій Никитичъ Бѣлановскій; предсѣдатель коммиссіи по крестьянскимъ дѣламъ князь Петръ Александровичъ Урусовъ; комендантъ Сувалокъ генералъ-маіоръ Андрей

Николаевичъ Кобра; помощникъ начальника дивизіи генералъ-маіоръ Померанцевъ, начальникъ штаба дивизіи полковникъ Ѳедоръ Васильевичъ Тарасенко; начальникъ артиллеріи 3-й гренадерской дивизіи генералъ-маіоръ Михаилъ Степановичъ Максимовичъ. Всѣ они возвратили мнѣ визиты, исключая Ганецкаго, который гордился своимъ высокимъ положеніемъ, всѣхъ прибывающихъ русскихъ считалъ себѣ подчиненными и недовѣрчиво смотрѣлъ на нихъ. Впрочемъ, это былъ прекрасный, умный и гуманный истинно-русскій человѣкъ; съ нимъ я скоро отлично сошелся, и онъ все время оказывалъ мнѣ всевозможныя содѣйствія въ моихъ служебныхъ дѣйствіяхъ, а семейства наши вошли въ дружескія отношенія. Губернаторъ Жерве принялъ меня съ высоты своего величія. Назначенъ онъ былъ губернаторомъ въ Сувалки какъ разъ въ то время, когда сувалкская губернія, въ которой въ лѣсистой мѣстности скрывались банды, постоянно безпокоившія раіонъ Муравьева, временно присоединена была къ Зѣверо-Западному краю. Мѣстность въ ней была чрезвычайно удобная для укрывательства бандъ и усиленія ихъ изъ Познани. Сувалкская губернія врѣзывалась клиномъ въ Сѣверо-Западный край и съ одной стороны прилегала къ прусской Польшѣ. Муравьевъ, сейчасъ по присоединеніи сувалкской губерніи къ его раіону, удалилъ поляка губернатора и на его мѣсто назначилъ Жерве. Положеніе его современемъ упрочилось, и онъ сталъ держать себя особенно самоувѣренно. Обласканный намѣстникомъ Жерве сдѣлался страшно самоувѣреннымъ, сталъ держать себя холодно и гордо съ русскими чиновниками, управлявшими отдѣльными частями, считать ихъ какими-то красными, и обыкновенно при прибытіи новаго лица говорилъ окружавшимъ его совѣтникамъ губернскаго правленія: „Вотъ будемъ имѣть дѣло еще съ однимъ спасителемъ отечества“. Это все болѣе и болѣе разверзало пропасть между русскими и губернаторомъ. Въ виду борьбы съ русскими Жерве частыми поѣздками въ Варшаву старался сыскать тамъ надежныхъ защитниковъ въ

лагерѣ графа Берга, боровшагося весьма умно и искусно съ русскою партіею, во главѣ которой стояли главный директоръ коммиссіи Внутреннихъ и Духовныхъ Дѣлъ князь Владиміръ Черкасскій, членъ учредительнаго комитета Соловьевъ и статсъ-секретарь по дѣламъ Царства, братъ военнаго министра, Милютинъ. Жерве покровительствовали: Ѳедоръ Ѳедоровичъ Витте, который, будучи инспекторомъ школы правовѣдѣнія, помнилъ Жерве, какъ воспитанника этой школы и нѣкоторые нѣмцы генералы. Особенно поддерживалъ Жерве баронъ Фридериксъ, начальникъ жандармовъ. Во время пріѣзда Государя въ Варшаву всѣ эти защитники успѣли выхлопотать Жерве маіоратъ. Жерве былъ приписанъ весь успѣхъ учебнаго дѣла и водвореніе русскаго языка въ Сувалкскомъ округѣ. Впослѣдствіи онъ былъ назначенъ попечителемъ сначала Дерптскаго, а потомъ Харьковскаго учебнаго округа и наконецъ—сенаторомъ. Князь Петръ Александровичъ Урусовъбылъ вполнѣ аристократъ, по привычкамъ, но не по состоянію. Занимая должность предсѣдателя коммиссіи по крестьянскимъ дѣламъ въ Сувалкской губерніи, онъ содержалъ себя на одно свое жалованье, потому что болѣе ничего не имѣлъ. Жалованье въ было солидное, но аристократическія привычки требовали годъ десятковъ тысячъ, почему князь былъ въ долгу, какъ въ пуху. Онъ не могъ напр. обойтись безъ ананаса во всякое время года. Онъ употреблялъ ихъ ежедневно и иногда за штуку платилъ отъ 6 до 15 руб. сер. и даже 25 р. Прійдетъ князь Урусовъ въ лавку и купитъ вещь, стоющую коп. 50. Лавочникъ запроситъ за нее 1 руб. сер. Князь Петръ сильно заволнуется—обидится: „дуракъ ты, кругомъ дуракъ! запросилъ рубль! Развѣ ты меня не знаешь? Не знаешь, что тебѣ дѣлаетъ честь, покупая у тебя осла, князь Петръ Урусовъ! Мнѣ деньги плевое дѣло! Возьми 3 рубля! Другой разъ будь умнѣе: знатнаго всегда надо уважить надбавкою цѣны!“ Въ коммиссіи князь иногда засыпалъ. При своемъ аристократическомъ высокомѣріи, онъ былъ человѣкъ все-таки добрый и умышленно не въ состояніи

былъ никому вредить. Въ коммиссіи онъ игралъ роль манекена. Онъ подписывалъ все, что ему ни предлагали, князь Петръ Урусовъ былъ женатъ на сестрѣ нашего знаменитаго канцлера свѣтл. князя Горчакова. Семейство его, состоящее изъ двухъ сыновей—старшему было уже лѣтъ 18,—ч. етырехъ дочерей, изъ которыхъ двѣ были красавицы невѣсты, и пожилой, но еще бодрой, красивой и важной жены,—проживало постоянно въ Дрезденѣ. Въ Дрезденѣ тогда была дешева жизнь, и недорого стоило воспитаніе дѣтей. Разъ семейство князя жило мѣсяца два въ Сувалкахъ, и оттуда мать возила двухъ дочерей невѣстъ въ Петербургъ на придворные балы. У княгини осталось весьма небольшое имѣніе изъ ея приданнаго. Доходами съ этого имѣнія и помощью брата мать содержала все свое семейство въ Дрезденѣ. Старшій сынъ прекрасно говорилъ по-французски и по-нѣмецки; но по-русски плохо объяснялся, плохо читалъ и еще плоше писалъ. Въ Сувалкахъ онъ упражнялся въ русскомъ языкѣ, готовясь куда-то опредѣлиться въ Петербургѣ. Молодой князь былъ стройный, высокаго роста, юноша красавецъ; и ростомъ, и чертами лица напоминалъ отца. Старикъ князь, имѣя лѣтъ за 60, отличался чрезвычайно благородной, красивой и симпатичной наружностью. Разсказывали мнѣ исторію прежней жизни князя. Лѣтъ тридцати онъ былъ гвардейскій полковникъ, всѣхъ поражалъ своею молодцеватостью, граціею, мужественною красотою и болѣе всего громадными имѣніями и милліонами наличнаго капитала, доставшимися ему въ наслѣдство. Въ турецкую войну князь состоялъ въ штабѣ главнокомандующаго Дибича Забалканскаго. Онъ присланъ былъ въ Петербургъ съ золотыми ключами крѣпости Варны и множествомъ турецкихъ знаменъ. Императоръ Николай такъ былъ радъ успѣхамъ русскаго оружія, что обнялъ, расцѣловалъ князя Урусова, поздравивъ его своимъ флигель-адъютантомъ и пригласивъ его въ тотъ же день къ себѣ на вечеръ въ свой тѣсный кружокъ. Такія милости Николая заставили придворныхъ видѣть въ Урусовѣ новую восходящую

звѣзду. При выходѣ изъ кабинета Государя Урусовъ былъ атакованъ цѣлою толпою самыхъ знатныхъ и высокопоставленныхъ лицъ: всѣ желали съ нимъ познакомиться и поздравляли его съ царскою милостью. На вечеръ къ Государю Урусовъ запоздалъ. Но это не разсердило Николая. Запозданіе извинялось утомленіемъ боевою жизнью и тяжелымъ путемъ на фельдъегерскихъ. Но вотъ въ дверяхъ показался Урусовъ. Николай поднялся къ нему на встрѣчу; всѣ моментально встали, пораженные такимъ милостивымъ къ Урусову вниманіемъ Царя. Николай подалъ Урусову руку. Князь, крѣпко пожимая царскую руку, съ важной фамильярностью спросилъ Николая: „какъ здоровье В. Величества?...“ Послѣ этого пассажа карьера князя Петра Урусова погибла навсегда. На слѣдующій день онъ подалъ въ отставку и, выхлопотавъ заграничный паспортъ, уѣхалъ въ Парижъ. Кажется, за границей онъ сошелся съ княжной Горчаковой и тамъ съ нею обвѣнчался. Супруги жили во всѣхъ замѣчательныхъ мѣстахъ Европы и во всѣхъ ея столицахъ въ самомъ высшемъ кругу, разсыпая кругомъ себя деньги безъ счета. Но это ихъ не могло разорить: они были очень богаты. Дороже всего имъ стоило держаться въ интимномъ придворномъ кругу Наполеона и его супруги. Но вотъ Николай скончался. На престолъ вступилъ новый Государь Александръ II. Урусовы поспѣшили возвратиться въ Петербургъ. Зажили широко, завязали множество связей, сошлись съ сильною роднею, и князь Петръ Александровичъ пожалованъ былъ въ камергеры. Настала коронація. На балу у французскаго посла князь Петръ сталъ бранить Наполеона за его нищенскую скупость, которая роняла такую богатую страну, какъ Франція, роняла самого Наполеона. „Конечно, Наполеонъ такимъ нищенскимъ баломъ хотѣлъ намѣренно выказать Великому Государю недостаточное уваженіе! Но князь Урусовъ дастъ балъ богаче французскаго въ честь коронаціи! князь Урусовъ пристыдитъ и Наполеона, и Францію!“ Дѣйствительно, князь Петръ Александровичъ далъ чудовищно роскошный балъ и пристыдилъ Наполеона и Фран-

цію; но мѣсяцъ спустя послѣ бала князь оказался нищимъ. Между тѣмъ балъ, данный Франціею, признавался всѣми однимъ изъ блестящихъ. Перещеголять этотъ балъ могъ только такой человѣкъ, какъ князь Петръ Александровичъ Урусовъ. Пришлось на женины средства жить то въ Россіи, то за границей. Но и эти средства стали истощаться. Пришлось искать мѣста и довольствоваться скромнымъ жалованьемъ. Ему дали мѣсто предсѣдателя палаты государств. имуществъ въ Кіевѣ. И вотъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ открылся какой-то недочетъ. Князя уволили; уволили и совѣтниковъ палаты; но это не помѣшало князю получить мѣсто предсѣдателя коммиссіи по крестьянскимъ дѣламъ. Изъ Сувалокъ князь перешелъ въ Вильно. Онъ говорилъ мнѣ, что ему настойчиво предлагаютъ мѣсто попечителя Виленскаго Учебнаго округа; но ему не нравится служба по ученой части; онъ колеблется. Но если онъ приметъ эту должность, то непремѣнно пригласитъ меня въ свои помощники.

Жандармскій штабъ-офицеръ полковникъ Василій Никитичъ Бѣлановскій, старикъ высокаго роста лѣтъ 70-ти. Онъ все свое время служилъ въ Царствѣ Польскомъ. По происхожденію малороссъ, онъ хорошо владѣлъ польскимъ языкомъ и женатъ былъ на полькѣ. Онъ ее строго держалъ, а она его не могла терпѣть и упорно продолжала говорить по-польски. Она ни съ кѣмъ изъ русскихъ дамъ не знакомилась, отговариваясь болѣзнью, и во время вечеровъ и обѣдовъ, которые иногда дѣлалъ Бѣлановскій своимъ подчиненнымъ и оффиціально знакомымъ, Бѣлановская не присутствовала. Бѣлановскій былъ страшно крутъ съ подчиненными, но справедливъ, не позволялъ дѣлать неосновательные доносы и тщательно провѣрялъ доносы своихъ подчиненныхъ. Подчиненные его боялись, но любили. Бѣлановскій зорко слѣдилъ за всѣми вѣдомствами, что имъ крайне не нравилось, а на поляковъ наводилъ трепетъ. Впрочемъ, прежде чѣмъ доносить, онъ предупреждалъ то или другое вѣдомство, что если оно не измѣнитъ своего неправиль-

наго дѣйствія, то онъ вынужденъ будетъ донести. По этой причинѣ всѣ кричали, что Бѣлановскій смѣетъ вмѣшиваться не въ свои дѣла. Замѣтивъ, что я энергически и правильно сталъ осуществлять предначертанія правительства, онъ почувствовалъ ко мнѣ особое расположеніе и довѣріе и все время своего служенія въ Сувалкахъ всѣми зависящими мѣрами содѣйствовалъ мнѣ. Упраздненіе власти начальника военнаго отдѣла и сосредоточеніе всей административно-политической власти въ лицѣ губернатора Жерве,—отозвалось сейчасъ же скандаломъ съ политической подкладкой въ сувалкской гимназіи. Зданіе магистрата помѣщалось вблизи зданія сувалкской гимназіи. Президентъ Ильцевичъ жилъ въ зданіи магистрата. У него квартировалъ сынъ помѣщика маріампольскаго уѣзда ученикъ VI класса Г—ръ. Къ нему собирались товарищи, которые ухаживали за m-lle Ильцевичъ, отчаянной патріоткой. Во время возстанія было въ обычаѣ посредствомъ учащейся молодежи оплевывать русскихъ и дѣлать скандалы полякамъ и особенно полькамъ, водившимъ знакомство съ русскими. Дѣвушка, которой на улицѣ поклонился русскій, навѣрное могла ожидать скандала. Если ей поклонился офицеръ, то ей не давали уже ученики нигдѣ проходу; даже она не смѣла показаться въ костелѣ, и тамъ ее ругали и портили платье. Moskiewska skura! раздавалось со всѣхъ сторонъ. Съ усмиреніемъ мятежа учащіеся были прибраны въ руки и поставлены въ надлежащіе предѣлы. Но теперь совѣтники губернскаго правленія, надѣясь на слабохарактерность Жерве рѣшили пустить опять въ ходъ учащуюся молодежь. M-lle Ильцевичъ ихъ возбуждала и ручалась имъ за безнаказанность. Стали носиться слухи будто оплевываютъ на улицахъ ученики гимназіи русскихъ и даже офицеровъ, а въ публичномъ саду ученики женщинамъ не даютъ проходу. Я строго подтвердилъ инспектору, чтобы этого не было. Онъ оправдывалъ учениковъ,говоря, что это на нихъ по старой памяти выдумываютъ. Если бы были случаи, то кто-нибудь пожаловался бы; а то всѣ болтаютъ

объ оскорбленіяхъ, а никто не жалуется. Воротившись ночью изъ дирекціи, я раннимъ утромъ занимался въ своемъ кабинетѣ. Вдругъ колокольчикъ. Я самъ нажалъ пружину, чтобы отперлась входная дверь. Слышу на лѣстницѣ торопливые шаги, открывается дверь, и въ кабинетъ вбѣгаетъ очень красивая молоденькая дѣвушка, небольшого роста, лѣтъ 18-ти, прилично одѣтая, но растрепанная. „Я такая-то“—отрекомендовалась она съ слезами—„я пью воды и ходила по предписанію врача въ публичномъ саду. Меня окружили такіе-то три ученика VI класса, стали на мнѣ рвать платье, оплевывать и называть московской шкурой, московской проституткой!“ Я предложилъ ей обратиться къ инспектору гимназіи Лышковскому. Она съ истерическими рыданіями отвѣчала, что Лышковскій ее еще самъ оскорбитъ, и упала на землю безъ чувствъ. На мой зовъ явился курьеръ и чиновники моей канцеляріи. Ее привели въ чувство. Я ее успокоилъ, отправилъ домой и потребовалъ къ себѣ Лышковскаго. Явившійся Лышковскій заговорилъ, что это еврейка; что ее подозрѣваютъ въ интимныхъ связяхъ и пр. и пр. Но я его сейчасъ оборвалъ, сказавши, что я не допущу съ его стороны больше вилянія; что на него, его помощника и весь гимназическій штатъ возлагаю подъ ихъ личною отвѣтственностью поведеніе гимназистовъ, что особенно взыщу съ гимназическаго капелана, который имѣетъ на учениковъ неоспоримое вліяніе, какъ ихъ духовникъ и какъ преподаватель религіи и нравственности христіанской. Я заключилъ свое внушеніе тѣмъ, что Лышковскій виновныхъ трехъ учениковъ долженъ немедленно удалить изъ класса и объявить имъ, что если они не испросятъ прощенія у этой дѣвушки, то дѣло ихъ въ тотъ же день будетъ рѣшено педагогическимъ совѣтомъ. Удаленные изъ класса ученики не пожелали просить прощенія, а подняли въ городѣ, и особенно въ губернскомъ правленіи, тревогу. Поляки, мужчины и женщины, а также чиновники губернскаго правленія шныряли около гимназіи. Сейчасъ же обо всемъ доложено было губернатору Жерве и внушено ему, что я

своими дѣйствіями взбунтую всю гимназію, и опять начнется потѣха. Губернаторъ письмомъ пригласилъ меня къ себѣ и требовалъ съ меня слова, что я никого не исключу изъ гимназіи. Я объяснилъ ему, что дѣло будетъ рѣшено педагогическимъ совѣтомъ, и хотя мнѣ по Высочайше утвержденному указу принадлежитъ право утверждать или не утверждать постановленія педагогическаго совѣта, но въ виду важности дѣла и вмѣшательства въ это дѣло г. губернатора, я рѣшеніе совѣта съ желаніемъ г. губернатора представлю на благоусмотрѣніе господина главнаго директора коммиссіи народнаго просвѣщенія. „По моему—сказалъ Жерве—не стоитъ безпокоить высшую власть. Все это дѣло ребяческое. Сдѣлать виновнымъ выговоръ—и довольно". Между тѣмъ ученики отпущены на завтракъ во время большой перемѣны между уроками. Пани и паненки стали убѣждать дѣтей сдѣлать общій протестъ противъ моего своеволія и самодурства. Учителя испугались послѣдствій такой манифестаціи. Требовалось ни болѣе, ни менѣе, чтобы всѣ классы перестали посѣщать гимназію и не посѣщали ее до тѣхъ поръ, пока я публично не извинюсь передъ удаленными изъ класса тремя учениками и не возвращу ихъ безъ всякаго взысканія обратно въ классы. Учителямъ удалось уговорить всѣ классы явиться въ гимназію. Но въ видѣ уступки общественному мнѣнію VI классъ, изъ котораго были удалены 3 ученика, долженъ былъ по праву протестовать неявкою своею въ гимназію. Но и тутъ произошелъ расколъ: болѣе робкіе и болѣе благоразумные все-таки пришли послѣ перемѣны. Ученикъ, квартировавшій у Ильцевича, тоже явился, но съ тѣмъ, чтобы разгонять являющихся. Все это дѣлалось на глазахъ Лышковскаго. Устроивши манифестацію, Лышковскій явился ко мнѣ съ рапортомъ к вопросомъ, что дѣлать? Я, по возвращеніи отъ губернатора, засталъ его у себя. Пробравъ его безъ церемоніи, я тутъ же вручилъ ему предписаніе: 1) объявить ученикамъ VI класса каждому отдѣльно повѣсткой, чтобы немедленно яви-

лись въ гимназію на уроки, и если кто изъ нихъ не явится, тотъ долженъ считать себя навсегда исключеннымъ изъ гимназіи. 2) По истеченіи двухъ часовъ представить мнѣ опредѣленіе педагогическаго совѣта на счетъ виновныхъ трехъ учениковъ въ оскорбленіи дѣвушки и 3) Лышковскому совмѣстно съ педагогическимъ совѣтомъ разыскать безотлагательно зачинщиковъ между учениками устроенной VI классомъ манифестаціи, о ихъ проступкѣ составить опредѣленіе и тоже черезъ два часа его мнѣ представить. Совѣтъ опредѣлилъ исключить изъ гимназіи оскорбителей дѣвушки и ученика, квартировавшаго у Ильцевича, какъ зачинщика манифестаціи. Главный директоръ утвердилъ опредѣленіе совѣта и безотлагательно приказалъ означенныхъ учениковъ съ нарочными отправить къ ихъ родителямъ и сдать подъ росписки съ обязательствомъ не пускать ихъ въ Сувалки. Мнѣ указано было въ подобныхъ важныхъ случаяхъ дѣйствовать самостоятельно и энергично, такъ какъ отвѣтственность по моей должности лежитъ на мнѣ. О распоряженіи Витте относительно исключенныхъ учениковъ былъ извѣщенъ и губернаторъ, и уѣздные начальники. Но еще до извѣщенія, когда вдругъ исключенные съ нарочными были высланы изъ города, губернское правленіе подняло вопль, что начальникъ дирекціи ссылаетъ учениковъ въ Сибирь. Жерве пригласилъ меня для объясненій, говорилъ, что Витте никогда не распорядился бы такъ необдуманно, что онъ это сдѣлалъ по моему представленію, но тѣмъ хуже для учебнаго вѣдомства. Спустя мѣсяцъ квартиранту Ильцевича разрѣшено было возвратиться въ Сувалки. Встревоженный Лышковскій прибѣжалъ ко мнѣ, говоря, что означенный ученикъ расположился въ публичномъ саду противъ гимназіи и волнуетъ учениковъ; что послѣдніе, не смотря на призывъ колокольчика, не идутъ въ классъ. Я самъ отправился въ публичный садъ и на дорогѣ встрѣтилъ Бѣлановскаго. Узнавъ, въ чемъ дѣло, Бѣлановскій потребовалъ двухъ жандармовъ и вмѣстѣ со мною отправился въ садъ. При нашемъ приближеніи ученики поспѣ-

шили въ гимназію, а исключенный, дымя папироской, развалясь на скамьѣ, высокомѣрно съ улыбкой окидывалъ насъ глазами. Когда мы приблизились, онъ не поднялся и не раскланялся. „Ты кто-такой?!—гаркнулъ Бѣлановскій.—Мальчишка! шапку долой! Какъ ты смѣлъ сюда явиться и бунтовать учениковъ?“ Исключенный моментально выпрямился, снялъ шапку и дрожа, прошепталъ, что онъ здѣсь съ разрѣшенія губернатора. „Жандармы! ведите его на почту, потребуйте перекладную и отвезите Маріампольскому уѣздному жандармскому начальнику и сдайте подъ росписку. Подъѣдете къ управленію и получите бумагу“. Обращаясь къ исключенному, онъ прибавилъ: „теперь тебя, голубчикъ, ни на шагъ не отпустятъ изъ имѣнія твоего отца! маршъ!“ голубчика повели. Все это происшестіе повело къ нѣкоторымъ объясненіямъ между Жерве и Бѣлановскимъ. Вскорѣ послѣ этого пріѣхалъ баронъ Фридериксъ. На жалобы Жерве онъ объяснилъ, что Бѣлановскій правъ и что произойди безпорядки въ гимназіи, Жерве рисковалъ имѣть противъ себя и графа Берга, и Витте. Тогда дѣло было бы весьма плохо. Бѣлановскій самый опытный и честный изъ жандармскихъ штабъ-офицеровъ. Фридериксъ согласенъ, что Бѣлановскій грубъ и дерзокъ, но распоряженія его правильны. Впрочемъ Фридериксъ представитъ Бѣлановскаго штабъ-офицеромъ въ новообразуемую Ломжинскую губернію, гдѣ требуется, особенно на первыхъ порахъ, опытный и энергическій человѣкъ. Дѣйствительно, съ образованіемъ Ломжинской губерніи, Бѣлановскій былъ переведенъ штабъ-офицеромъ въ Ломжу, а на его мѣсто въ Сувалки опредѣленъ полковникъ Ваккеръ.

Еще въ 1865 году Жерве, объѣзжая губернію, посѣтилъ Сейны, обѣдалъ у епископа графа Лубенскаго, который жаловался, что отъ монаховъ въ селеніи Смоляны начальникъ дирекціи отнялъ домъ со всѣмъ училищнымъ приспособленіемъ.

Въ этомъ домѣ прежде монахи обучали дѣтей. Училище процвѣтало, было много учащихся. Теперь же и дѣтей нѣтъ, и учатъ дурно. Жерве покатилъ въ Смоляны лично осмотрѣть училище. Было вакаціонное время—іюль мѣсяцъ, и школа стояла пустою. Учитель оказался на мѣстѣ, показалъ школу губернатору. Явился настоятель и просилъ посѣтить монастырь и его келью. Въ кельѣ за закуской настоятель сообщилъ, что народъ ропщетъ и не будетъ посылать въ школу дѣтей, что домъ и все обзаведеніе сдѣланы на монастырскія средства; что монахи съ любовью занимались обученіемъ мальчиковъ и дѣвушекъ. Школа была многолюдная, шла успѣшно, пользовалась довѣріемъ народа, и вдругъ ее забрали, разстроили. Въ ней нѣтъ ни порядка, ни ученія. Въ отчетѣ Жерве написалъ, что съ переходомъ школы отъ католическихъ монаховъ во власть начальника дирекціи, школа эта, находившаяся дотолѣ въ цвѣтущемъ состояніи, пришла въ совершенный упадокъ, въ чемъ Жерве лично удостовѣрился, ревизуя губернію. Князь Черкасскій сообщилъ объ этомъ Витте, а послѣдній потребовалъ отъ меня объясненій. Жерве, не наводя никакихъ справокъ, вѣрилъ на слово полякамъ и графу Лубенскому, будто школа присоединена къ дирекціи по произволу ея начальника, который не счелъ даже нужнымъ войти въ соглашеніе по этому дѣлу съ губернаторомъ. Поэтому то онъ такъ смѣло обвинилъ въ своемъ отчетѣ начальника дирекціи. Я отвѣтилъ, что школа на основаніи Высочайшаго повелѣнія принята отъ монаховъ лично мною въ концѣ марта мѣсяца, что монахи дѣлаютъ все возможное, чтобы помѣшать посылкѣ въ школу дѣтей; что въ виду этого я долженъ былъ допустить на первыхъ порахъ въ школу не совсѣмъ компетентнаго учителя, но за то пользующагося довѣріемъ гмины, бывшаго органиста, который знаетъ нѣсколько русскій языкъ и далъ подписку, въ своемъ интересѣ, дер-

жать школу внѣ вліянія монаховъ и разсѣять въ народѣ предубѣжденіе противъ школы, такъ какъ народъ монахи страшно смущаютъ, увѣряя, что, кто будетъ посѣщать школу, того окрестятъ въ православіе и отдадутъ въ солдаты. Я полагалъ, что это, безъ сомнѣнія, не безъизвѣстно губернатору, и что желательно было бы, чтобы администрація понаблюдала за дѣйствіемъ смолянскихъ монаховъ. При такихъ обстоятельствахъ и въ короткій промежутокъ, съ 1-го апрѣля по 1-е мая, школа дѣйствительно не успѣла устроиться надлежащимъ образомъ. Съ мая въ сельскихъ школахъ и до 1-го сентября дѣти не учатся, такъ какъ родители забираютъ ихъ къ сельскимъ работамъ и пасти скотъ. И потому меня крайне удивляетъ, какъ г. губернаторъ, посѣтивъ школу въ іюлѣ и не нашедши въ ней ни одного ученика, могъ о ходѣ ученія въ ней составить такое положительное заключеніе. Щадя Жерве, Витте не сообщилъ князю Черкасскому моего объясненія, но отъ себя сдѣлалъ губернатору замѣчаніе. Впослѣдствіи, безъ помощи Жерве, я успѣлъ отвадить отъ школы монаховъ, и школа пошла недурно. Но учитель старикъ вдругъ заболѣлъ и умеръ. Я назначилъ въ Смоляны отличнаго учителя, воспитанника II курса Кіевскаго университета. Школа начала процвѣтать, и народъ относился къ ней съ полнымъ довѣріемъ. Но монахи не дремали. Низенькій заборъ отдѣлялъ школу отъ монастыря и кладбища. Монахи въ саванахъ, съ кинжалами въ рукахъ, поднимаясь съ могилъ, окружали ночью училище. Одинокій молодой человѣкъ, видя въ окнахъ каждую ночь мертвецовъ съ кинжалами, слыша ихъ проклятія и угрозы,—не выдержалъ и сошелъ съ ума. Напрасно я обращался къ Жерве за помощью: онъ не только самъ и пальцемъ не кивнулъ, но еще и начальнику уѣзда капитану Полянскому посовѣтовалъ повести дѣло

такъ, что монахи остались въ сторонѣ, а съумасшествіе приписано наслѣдственному къ этой болѣзни расположенію субъекта.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Загадочное происшествіе на печерскомъ форштатѣ (1776 г.) [1]. Въ 1776 году 14 октября позднимъ вечеромъ проходилъ присутствующій въ кіевской губернской Канцеляріи коллежскій совѣтникъ Василій Федоровичъ Флееровъ мимо двора доктора Полетики. Дворъ этотъ, находившійся въ Печерскомъ форштатѣ, стоялъ въ это время пустымъ, въ домѣ никто не жилъ. Вдругъ изъ этого двора выскочили четыре человѣка и, напавъ на Флеерова, учинили надъ нимъ «смертный бой, увѣчье и грабительство». Это были слуги поручика Кузьмина и провизора Веделя—«великороссійской породы Филиппъ Гуковъ и нѣмцы Антонъ Пилгеръ и Крестянъ Лошонцовъ». Избитый и ограбленный Флееровъ поднялъ тревогу, и къ мѣсту происшествія прибыли съ командою: исправлявшій должность полиціймейстера поручикъ Якушинъ, прапорщикъ Изотовъ и бывшій въ ночномъ разъѣздѣ съ козачею командою поручикъ Леухинъ. Оказалось, что въ домѣ находится довольно многолюдное общество. На требованіе Якушина, стоявшаго съ другими передъ запертыми воротами, выйти, сначала никто не отозвался, «а потомъ внутрѣ покоевъ и на дворѣ съ бранью стали кричать, чтобъ всѣ команды прочь шли, грозя ихъ бить и стрѣлять, для чего изъ двора въ калитку толпою и выбѣгали, имѣя въ рукахъ обнаженныя шпаги, гдѣ предводительствовалъ шпагой Кіев. Губ. Канц. секретарь Яковъ Жиловичъ, крича жъ, чтобъ отступили всѣ прочь, и грозя колоть». Когда Якушинъ приказалъ командѣ приблизиться ко двору и «поступить съ ними, какъ съ противниками», вся толпа ушла во дворъ и заперлась.

[1]) Матеріаломъ для настоящей замѣтки послужили три протокола Кіев. Губ. Канц. и одно доношеніе кіев. магистрата, найденные въ разрозненныхъ дѣлахъ Центр. архива, а также одинъ документъ, напечатанный въ 1-мъ вып. моихъ „Ист. маг. изъ архива Кіев. Губ. Пр.“.

Было ли мало команды у осаждавшихъ властей или по чему либо другому, но рѣшительныхъ дѣйствій они не проявили и послали за плацъ-маіоромъ Траскинымъ. Послѣдній узнавъ о происшествіи, счелъ нужнымъ доложить прежде о немъ оберъ-коменданту Я. В. Ельчанинову и, пришедши во дворъ, именемъ оберъ-коменданта потребовалъ выдачи названныхъ выше лицъ, нападавшихъ на Флеерова. Не впуская и Траскина въ самый домъ, поручикъ Кузьминъ и провизоръ Ведель увѣряли его, что не только здѣсь, но и у нихъ во дворѣ такихъ служителей нѣтъ, и что за своихъ слугъ они сами будутъ отвѣчать. Присутствіе въ собравшейся кампаніи секретаря Жиловича тоже отрицали. Тогда Траскинъ пригрозилъ имъ принять «иныя мѣры», и они выдали Гукова, Цилгера и Лошонцова. Траскинъ потребовалъ затѣмъ, чтобы всѣ находившіяся въ домѣ лица вышли, и выходившихъ по одному записалъ. Оказалось въ собраніи 12 человѣкъ, если только дѣйствительно всѣ собравшіеся были переписаны. Это были: поручикъ Кузьминъ, провизоръ Ведель, кіево-подольскій портной Михайло Захтъ, коммисаріатскій цолмейстеръ Герасимъ Бѣляевъ, секретарь Жиловичъ, артилерійскаго 2-го фузилернаго полка аудиторъ Шляхинъ, отставной капитанъ Гернигъ, кіевскій земскій комисаръ бунчуковый товарищъ Михайло Гудимъ, нѣжинскій житель бывшій васильковскій трактирщикъ Данило Голіонка, 6-го баталіона лѣкарь Прохоръ Никитниковъ и его превосходительства музыкантъ Леонтій (фамилія не показана).

Дѣло объ этомъ «злодѣйскомъ почномъ нападеніи» на Флеерова производилось особо назначенною военно-судною коммиссіей, рѣшеніе которой въ декабрѣ отправлено было на конфирмацію графу П. А. Румянцеву.

Флееровъ, какъ видно, былъ недоволенъ производствомъ этого дѣла въ коммиссіи, въ которую, хотя и былъ назначенъ депутатъ отъ Губ. Канц. пограничный коммиссаръ Анучинъ, но самого Флеерова ни разу не приглашали, а о ходѣ слѣдствія Анучинъ не сообщалъ. Графъ Румянцевъ, возвративъ дѣло, предписалъ произвести его гражданскомъ судомъ. Никакихъ слѣдовъ этого производства не удалось мнѣ найти, а изъ одного заявленія Флеерова видно, что онъ усматривалъ въ дѣйствіяхъ мѣстной власти, главнымъ образомъ Ельчанинова, желаніе, что называется, «замять дѣло».

Только лишь 9 генваря 1777 года, почти три мѣсяца спустя послѣ «злодѣйскаго на него нападенія», явился Флееровъ въ при-

сутствіе и заявилъ, что онъ былъ «донынѣ боленъ, о чемъ лѣкарь Бланкъ, который его пользовалъ, знаетъ, какіе съ нимъ опасные до жизни припадки отъ такого злодѣйскаго приключенія происходили, отчего и донынѣ головою и внутренностію и всѣмъ корпусомъ страждетъ, однако елико послѣднихъ его силъ есть ко исправленію опредѣленной его должности сего числа выѣхалъ и продолжать оную будетъ». А въ протоколѣ Губ. Канц. 16 генваря занесено заявленіе Флеерова, что онъ не желаетъ имѣть у себя въ подчиненіи секретаря Жиловича, какъ «паче на него злобствующаго», объ «огорчительныхъ же по должности къ нему поступкахъ» этого секретаря онъ сообщитъ «въ точности въ потребное время». «Изъясненіе» Флеерова препровождено было къ Ельчанинову, который, возвращая «ту піесу», какъ никакой формы не имѣющую, сдѣлалъ замѣчаніе Губ. Канц. за самое принятіе отъ Флеерова такого «изъясненія». Хотя это изъясненіе «клонилось единственно ко отрѣшенію отъ должности секретаря Жиловича», но въ немъ Флееровъ помѣстилъ «ненадлежаще многія дѣла, къ разбору Кіев. Губ. Канц. отнюдь не принадлежащія, какъ то изъясняя нѣкоторые, по мнѣнію его, непорядки учрежденнаго здѣсь военнаго суда, понося оной непристойно и наполня разнаго рода случившимися яко бы ему, г. Флеерову, приключеніями и огорченіями». При этомъ предписано было потребовать отъ Флеерова «формальнаго доношенія, какіе именно и когда отъ Жиловича обманы по должности происходили и о томъ, было ль въ свое время доносимо и для чего такіе непорядки были терпимы».

Изъ весьма нескладнаго и туманнаго заявленія Флеерова, занесеннаго въ протоколъ Губ. Канц. 1 февраля очевидно, что «главная команда», т. е. оберъ-комендантъ Ельчаниновъ, не благоволила къ нему и не раздѣляла его взгляда на «злодѣйское покушеніе», жертвою котораго онъ былъ въ злополучную ночь съ 14-го на 15-ое октября. По заявленію Флеерова, презусъ военнаго суда, послѣ того какъ сентенція суда не была утверждена и дѣло передано въ судъ гражданскій т. е. самого Ельчанинова, по призыву къ главной командѣ принужденъ уже отходить со слезами, и въ чемъ состоялъ злодѣямъ переспросъ и какое приказаніе было презусу и о чемъ онъ плакалъ, того въ точности не открылъ, да и онъ, к. с. Флееровъ, о семъ отъ него не домогался». Все производство дѣла «въ обоихъ мѣстахъ, въ судѣ и у главной здѣшней команды, отъ него скрытое», Флееровъ подвергалъ «крайнему сумнѣнію», а потому «не только огорченный *по неблагосклонности*, но злодѣями и изувѣчен-

ный», видя «всякіе подъиски, почти къ обвиненію его *по здѣшнимъ наклонностямъ*, а не защищеніе и помощь», онъ принужденъ былъ «о избавленіи отъ такого *здѣшняго утѣсненія* горестное прошеніе высшему начальству принесть».

Неизвѣстно, чѣмъ дѣло кончилось въ гражданскомъ судѣ. Въ явочной же челобитной, занесенной въ Губ. Канц. 26-го мая [1]), Флееровъ писалъ, что де «по неизвѣстнымъ мнѣ обстоятельствамъ донынѣ не только удовольствія какого, но и начала не вижу; *а компанія нощная неоднократно и затѣмъ свои потаенныя сборища въ томъ же пустомъ дворѣ производитъ*, какъ въ одно время для утѣшенія ихъ или какова содѣйстія и несомы въ тотъ дворъ, по сборѣ ихъ, надутыхъ коровыхъ пузырей немалое количество взявъ къ нимъ было внесено, гдѣ тутъ же и секретарь Жиловичъ той же компаніи соучаствующій бываетъ, къ соблазну не малому о такомъ сборищѣ всему здѣшнему въ согражданствѣ благосовѣстному и честному обществу; котораго сборища членъ есть и комисаръ Гудимъ».

Челобитная эта и подана была собственно по поводу обиды, нанесенной Флеерову Гудимомъ 20-го мая на Подолѣ: Гудимъ «при многихъ людяхъ азартнымъ образомъ крича называлъ разбойниками» Флеерова и полицмейстера Якушина. По этому поводуФлееровъ вновь упоминаетъ о бывшемъ на него нападеніи «злодѣевъ, коими разбитъ, обезображенъ, умученъ и ограбленъ», и между прочимъ сообщаетъ, что де эти злодѣи при дознаніи «открыли, *какое то сборище титло или названіе имѣетъ*». Въ послѣднемъ пунктѣ своей челобитной Флееровъ писалъ такъ: «Итакъ будучи сему потаенному сборищному обществу онъ прилѣпленъ, *а уйму въ томъ наблюденія не видя*, въ дерзость явно входитъ и непристойно ругаетъ и порицаетъ честно и въ благопристойности себя содержащихъ людей; въ таковомъ его неистовствѣ формальной просьбы здѣсь съ точнымъ объясненіемъ происшествія, въ ночь отъ него Гудима причиненнаго, какъ законами установлено, *произвесть мнѣ нынѣ*, *по обстоятельствамъ извѣстнымъ*, *сего дѣла некому* до воспослѣдованія впредь высшаго отъ Его Высокографскаго повелѣнія».

А между тѣмъ Высокографское повелѣніе состоялось уже 22-го мая и, надо думать, было оно не особенно пріятно Флеерову, такъ какъ этимъ повелѣніемъ ему предоставлялось, «если онъ искать хочетъ окончанія своей претенсіи, то онъ жалобы свои можетъ *взнесть*

[1]) См. Ист. мат. изъ архива Кіев. Губ. Пр.“ вып. 1-й, стр. 151.

въ кіевскомъ магистратѣ, и если окажутся виновными подлежащіе воинскому суду и начальству, то таковые тогда могутъ быть къ оному и отосланы».

Такое направленіе дѣла указываетъ, думается мнѣ, на то, что графъ Румянцевъ, вѣроятно, по представленію Ельчанинова, желалъ отдѣлить личную обиду, нанесенную Флеерову тремя служителями, отъ дѣла о «потаенномъ сборищѣ», о которомъ доносилъ Флееровъ. Тѣмъ не менѣе въ магистратъ было препровождено все дѣло, производившееся въ военномъ судѣ, и содержавшіеся все время подъ арестомъ три служителя Кузьмина и Веделя. Изъ имѣвшагося у меня доношенія кіев. магистрата въ Малороссійскую Коллегію отъ 27-го іюля видно, что на 21-ое августа вызывался въ магистратъ по этому дѣлу Михайло Гудимъ: «какъ оной по званію своему единственно подъ командою оной Малороссійской Коллегіи состоитъ», то магистратъ и проситъ Коллегію указомъ подтвердить Гудиму, чтобы онъ явился къ назначенному сроку непремѣнно. «О другихъ же, въ помянутой кампаніи бывшихъ чинахъ, куда о комъ надлежало, отъ магистрата сообщено». Такимъ образомъ магистрату предоставлялось разслѣдовать дѣло о лицахъ служилаго, привиллегированнаго класса, притомъ дѣло такого щекотливаго свойства, какъ «потаенное сборище» этихъ лицъ,—прямо относящееся къ вѣдомству полиціи, тѣмъ болѣе, что и происходило оно, какъ и причиненное Флеерову «злодѣйство» на Печерскомъ форштадтѣ, который ни въ какомъ отношеніи вѣдѣнію магистрата не подлежалъ.

Къ сожалѣнію, кромѣ упомянутаго доношенія магистрата въ Мал. Коллегію, никакого документа по этому дѣлу мнѣ больше не встрѣчалось.

Оставляя въ сторонѣ приключенное Флеерову «злодѣйство», совершенное слугами поручика Кузьмина и провизора Веделя едва ли безъ вѣдома своихъ господъ, а вѣроятнѣе всего по приказанію ихъ, остается загадочнымъ самый фактъ существованія «потаенныхъ сборищъ», личный составъ которыхъ болѣе или менѣе опредѣляется вышеприведеннымъ спискомъ лицъ, выходившихъ изъ калитки дома Полетики въ ночь 14-го октября. Едва ли Флееровъ фантазировалъ, когда утверждалъ въ своемъ заявленіи, поданномъ спустя 7 мѣсяцевъ послѣ совершеннаго надъ нимъ насилія, что «кампанія нощная неоднократно и затѣмъ свои потаенныя сборища въ томъ же пустомъ дворѣ производитъ». Не могъ онъ выдумать и написать безъ вся-

каго основанія, что побившіе его слуги открыли на судѣ, «какое то сборище титло или названіе имѣетъ».

Что же это было за общество? Для какого «утѣшенія» себя оно собиралось? Не послало ли оно прислугу побить Флеерова просто за подсматриваніе?

А Флееровъ былъ человѣкъ безпокойный и по полицейской части ретивый, какъ видно, не одобрявшій «здѣшняго» слабаго смотрѣнія.

Изъ попадавшихся мнѣ въ разное время архивныхъ документовъ, касающихся личнаго состава Кіев. Губ. Канц., видно, что Василій Федоровичъ Флееровъ, которому въ описываемое время было 54 года, происходилъ изъ приказныхъ, службу свою началъ копіистомъ въ Пр. Сенатѣ, гдѣ и продолжалъ ее до назначенія своего, въ чинѣ коллежскаго совѣтника, въ Кіевъ губернаторскимъ товарищемъ въ генварѣ 1767 года. Имѣлъ въ Петербургской губерніи 11 душъ крестьянъ. Женатъ и имѣлъ сына, о которомъ въ документѣ 1773 года сказано: «россійской грамотѣ и писать обученъ, а за неимѣніемъ въ Кіевѣ другихъ училищъ и способныхъ учителей учится одного латинскаго языка».

Когда Губ. Канцелярія доживала уже послѣдніе дни свои, графъ Румянцевъ уволилъ Флеерова отъ должности по представленію Ельчанинова, который нѣсколько разъ жаловался на то, что Флееровъ «по нѣкоторымъ только дѣламъ присутствуетъ, по инымъ безъ всякихъ правильныхъ резоновъ отъ присутствія отказывается, а по многимъ, за послѣдовавшими на него подозрѣніями, вступать въ разсмотрѣніе не долженъ». Это было въ 1777 году въ декабрѣ мѣсяцѣ, когда графъ Румянцевъ нашелъ его «далѣе не надобнымъ», предписавъ ему явиться въ Пр. Сенатъ. А. А.

Къ исторіи бывшей волынской гимназіи въ г. Кременцѣ.— Помѣщаемъ не безъинтересную въ бытовомъ отношеніи записку, касающуюся внѣшняго быта учениковъ бывшей волынской гимназіи— лицея, которая сохранилась у насъ, къ сожалѣнію, въ неполномъ отрывкѣ. Записка касается росписанія блюдъ столовой кременецкой гимназіи, денежныхъ взносовъ и нѣкоторыхъ мелкихъ статей ученическаго хозяйства. По всей вѣроятности это *отрывочный списокъ части устава кременецкой гимназіи,* сдѣланный кѣмъ либо для памяти. Прилагаемъ этотъ списокъ въ такомъ порядкѣ, въ какомъ онъ данъ въ отрывкѣ.

Wygody są następuiącé:

Na śniadaniè: chlèb z masłem, powidłami, sèrèm, albo kluski.

Na obiad mięsny: Barscz, legumina, pięczènia lub rósół, sztuka mięsa, iarzyna.

Podwieczorek: jak śniadaniè z odmianą.

Na wieczerzą: krupnik z mięsem, lazanki, lub zrazy, kasza, i iarzyna.

Na obid postny: barscz z rybą, lub kapustniak, albo téż rosòl z ryby; świèżà ryba lub więdła, łazanki i iarzyna.

Na wieczerzą: krupnik, kluski lub kesza; albo iarzyna z leguminą odmięnną.

Odezwa każdègo obywatela o przyięcie ucznia od 1 czerwca do 1 września tylko przyięta bydź może: wczesnie bowièm przed zaczęciem roku szkolnédo urządzèniè gospodarskie powinną bydź uczynione.

Wszystkich nauk w Wołyńskiém gimnazium dawanych, będą się ciż uczniowie w porządku i stopńiu przepisańym uczyc, s talèntów rysować i śpiewać (którzy zechcą) darmo maią wolność; potrzeby tylko szkolnè, iako to: kreda, ołówki, papiér, nóty do śpiéwania i t. p. opatrywać powinnî. Za lekcyie zaś tańców, fechtowańia, konnégo ieżdżénia, iest tà samá mierná opłata iaka od innych uczniów została oznaczonà.

Każdy s takowych uczniów koniecznie przed 15 września przyiechać powinién; reiestr rzeczy, iakie przywiezie, ma bydź pokazanym Prefektowi Gimnaziialnému.

W drukowańem 20 maia 1810 roku obwieszczeniu wyrazilem, iz u Prefecta znayduie się specyfikacyja rzeczy, dla takiego ucznia, koniecnie potrzebnych. Aby zaś do każdego wiadomości doszło, umieszczam ten reiestr portrzeb z wyrażéniém cény; zostawuiąc wolność złożénia u Prefekta pieniędzy ńa raz iedeń przy oddawaniu ucznia i ieżeliby wymienionych rzeczy oddadż nie miał chęci.

Następuiącé rzeczy powinień mieć uczéń przy weysciu do konwiktu.

Papieru liber 10, po zł. 1 gr. 6	złł	12	
Atramentu butelek kwartowych 2, po zł 2, gr 15	złł	5	
Scyzoryk 1.	—	2	
Ołuwków tuzin 1½	—	3	gr. 18
Pior gęsich kop 4	—	2	— —
Papieru na rysunki liber 4.	—	20	— —
Rávsfeder do rysunkow 1.	—	5	— —
Raysbrat 1.	—	4	— —

Kredy na rysunki, lotow 20, a fl. 1	—	4	—	—
Lubryki lotów 12, gr. 10	—	4	—	—
Rayszkulow kop 3	—	6	—	—
Gumy elestyczney lotow 2, 1 gr. 20	—	3	gr.	10
Kałamarz i piaseczniczka	—	—	—	20
Liniia 1	—	—	—	20
Teka 1	—	2	—	—
Mydła ok 3	—	7	—	24
Sczotek do butow 2	—	—	—	20
Sczotka do sukień 1	—	—	—	20
Grzebień gęsty i rzadki 2	—	2	—	20
Szuwaxu kwart 4	—	12	—	—
Igiel rózney wielkości 4	—	—	—	6
Nici białych i farby uniformu	—	2	—	—
Serwet ma bydź danych z domu	—	6	—	—
Obrus ma bydź dany z domu	—	1	—	—
Talérzow 4	złł	2	gr.	20
Sztućcow para 1	—	1	—	20
Łużka cynowa 1	—	1	—	20
Lichtarz ze sczypcemi 1	—	4	—	—
Szklańek 2	—	—	—	20
Karafinka 1	—	1	—	—

Zbior złłch 127 gr. 18

Точное, педантическое (съ обозначеніемъ цѣнъ до грошей) росписаніе мелкихъ ученическихъ принадлежностей, разсчитанное на возможный для ученика комфортъ, показываетъ, до какой степени было предусмотрительно временецкое начальство въ отношеніи къ внѣшнему быту своихъ питомцевъ. Неизвѣстно только, въ какой степени исполнялись такія «obwieszczenija».

Ѳ. Куринскій.

Спорные вопросы въ исторіи г. Золотоноши. Въ «Географическо-Статистическомъ Словарѣ Россійской Имперіи» П. Семенова (II, 286) говорится, что Золотоноша «упоминается въ первый разъ въ исторіи Руссовъ Конисскаго въ 1647 г.» Затѣмъ объяснено, что нѣкоторые производятъ названіе отъ существовавшаго во времена кн. Іеремія Вишневецкаго укрѣпленнаго замка, служившаго сборнымъ мѣстомъ взимаемыхъ съ Украины податей золотою монетою; другіе

же производятъ названіе отъ рѣки, размывающей сланецъ, имѣющій золотистый блескъ (отъ примѣси слюды или колчедана). Составитель словаря не пользовался Архивомъ Юго-Зап. Рос., а между тѣмъ именно здѣсь и встрѣчаются данныя, относящіяся къ Золотоношѣ, которыя не были извѣстны и знаменитому М. А. Максимовичу, помѣстившему свое «Воспоминаніе о Золотоношѣ» (вошедшее въ собраніе сочиненій, т. II. 365). Дѣло въ томъ, что уже около 1570 г. *Золотьная* иначе *Глинщина*, послѣ бездѣтной смерти князя Богдана Путивльскаго досталась его родственникамъ изъ рода князей Жижемскихъ (Арх. Ю. З. Рос. I. I 108.) Въ 1616 г. Золотоноша была мѣстечкомъ, недавно основаннымъ на земляхъ м. Домонтова и принадлежала кн. Полоніи Тышанкѣ Домонтовой (ibid. VII. I 315). Въ 1631 г. была «містомъ». Принадлежала Богуфалу Олексичу и Андрею Халаиму. Было дымовъ 10, огородниковъ 5, млынъ. (ibid. VII, I. 366, 377). Въ 1640 г. Золотоноша значится Королевскимъ имѣніемъ и находилась въ державѣ Самуила Лаща, но милиція кн. Іеремія Вишневецкаго ограбила Золотоношу и перебила слугъ и подданныхъ Лаща. (ibid. VI. I, 521). Между тѣмъ найденная мною въ Золотоношѣ книга мѣстнаго цеховаго братства, заключающая между прочимъ копію фундаціи, выданной въ 1627 г. тогдашнимъ владѣльцемъ кн. Іереміею Вишневецкимъ ремесленникамъ шевскаго, кравецкаго и кушнирскаго цеховъ, представляетъ не мало данныхъ въ пользу того, что уже въ 1627 г. Золотоноша была довольно значительнымъ населеннымъ мѣстомъ. [1]) Въ самомъ дѣлѣ въ фундаціи говорится, что братчикамъ «вольно будетъ въ каждый рокъ два кануны меду».... «з которыхъ то кануновъ... свѣчи ставить въ храмѣхъ Божественныхъ въ мѣстѣ Золотоноши, въ церкви Успенія Пр. Богородицы и въ церкви св. отца Николая». Безъ сомнѣнія, братство существовало ранѣе 1627 г., и наличность двухъ церквей свидѣтельствуетъ о многолюдствѣ, и ужь никакъ не вяжется съ тѣмъ, чтобы въ 1631 г. могло быть только 10 дымовъ, огородниковъ 5 и млынъ, принадлежавшіе Богуфалу Олексичу и Андрею Халаиму. Послѣдніе могли быть мѣлкопомѣстными владѣльцами окрестныхъ хуторовъ, тяготѣвшихъ къ Золотоношѣ, гдѣ владычествовалъ

---

[1]) Эта интересная рукопись съ записями цеховыхъ братчиковъ начиная съ 1700 по 1852 г. включительно доставлена мною высоко уважаемому В. Б. Антоновичу. По рукописи могутъ быть исправлены редакціонныя измѣненія, сдѣланныя покойнымъ Ѳ. Г. Лебединцевымъ при напечатаніи моей замѣтки „Остатки братства и цеховъ въ Полтавщинѣ“ (Кіев. Стар. 1885. Сент. 159 и дал.).

могущественный Іеремія Вишневецкій, съ которымъ нѣсколько позднѣе—въ 1640 г. не могъ справиться Самуилъ Лащъ, такъ какъ въ слѣдующемъ 1641 г. Золотоноша, въ числѣ многихъ другихъ, включена въ инвентарь Вишневеччины и заключала 273 господарей, которые за освобожденіе отъ панщины, должны были платить въ княжескую казну каждый ежегодно по 5 талярей [1]). А коль скорр это такъ, то княжеская милиція дѣйствительно могла перебить слугъ и подданныхъ Лаща, но едва-ли стала бы грабить помѣстье своего же повелителя. Предоставляемъ компетентнымъ историкамъ выяснить вопросъ о принадлежности Золотоноши въ 1640 г. къ числу Королевскихъ имѣній. Что касается наименованія поселенія, то основаніемъ служатъ мѣстныя преданія, которыми пользовались и М. А Максимовичъ, и извѣстный авторъ записокъ о Полтав. губ. Н. Арандаренко. По словамъ перваго, названіе Золотоноша приписывается преданіемъ тому, что «подать сюда *приносима* была всегда *золотою* монетою». Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ, что замковое укрѣпленіе въ Золотоношѣ расположено было на островѣ, вокругъ котораго былъ высокій земляной валъ, памятный еще мѣстнымъ старожиламъ (въ 1859 г.). И вотъ авторъ «даетъ правдоподобіе этому преданію, что украинское золото стекалось сперва на замковый островъ, и отсюда уже, р. Золотоношкою плыло въ заднѣпровскій городъ, который въ книгѣ Большаго Чертежа называется «Мошною Вишневецкаго». А золота въ эту мошну, восклицаетъ авторъ, входило тогда не мало». [2]) По словамъ же Арандаренко рѣка Золотоношка названа, по преданію, «отъ бывшаго на ея берегахъ мѣднаго шифера, коего блескъ уподобляется блеску золота. Такой шиферъ въ этомъ уѣздѣ попадается нынѣ по р. Крапивнѣ у м. Крапивны» [3]).

Итакъ преданіе, укрѣпленный замокъ и книга Большаго Чертежа служили М. А. Максимовичу источниками для опредѣленія названія Золотоноши. Въ особенности, по видимому, книга имѣла значеніе, ибо, по выраженію автора, объ Золотоношѣ «не говорятъ наши древнія лѣтописи; не встрѣчается она даже въ книгѣ Большаго Чертежа, гдѣ находите еще *городами* нѣкоторыя мѣстечки, нынѣ подчиненныя Золотоношѣ». Но вотъ теперь извѣстенъ источникъ, указывающій на время около 1570 г. съ названіемъ «Золотьная». Въ связи

---

[1]) Максимовичъ, Собр. сочин. II, 366, 369.

[2]) Ibid 366, 370.

[3]) Запис. о Полтав. губ. ч. III. 324.

со вторымъ преданіемъ не слѣдуетъ ли иначе отнестись къ книгѣ Большаго Чертежа, тѣмъ болѣе, что начертаніе Заднѣпровскаго города не вполнѣ тождественно съ народнымъ произношеніемъ—а съ перестановкой ударенія измѣняется представленіе. Такъ Максимовичъ объясняетъ, что подать была отправляема водою... въ прибережный городъ *Мошну*. Мнѣ неоднократно приходилось слышать изъ устъ простонародья и интеллигенціи, что названіе заднѣпровскаго нынѣшняго мѣстечка произносится въ именительномъ падежѣ не иначе какъ «*Мо́шны*», а не «Мошна́». Предоставляя гг. филологамъ объяснить происхожденіе и значеніе слова «Мошны», позволимъ себѣ замѣтить, что великороссійская мошна (хранилище для денегъ) имѣетъ украинскія синонимы: «кашу́къ», «калы́тка». Во всякомъ же случаѣ намъ становится очевиднымъ, что Золотоноша обязана своимъ названіемъ не тѣмъ сокровищамъ, которыя переходили чрезъ укрѣпленный замокъ въ казну могущественнаго въ свое время ренегата, а блистающимъ золотистымъ блескомъ размывамъ скромной рѣченки, теперь маловодной, которые ранѣе возведенія замковыхъ укрѣпленій были замѣчены и послужили для поселенія названіемъ, впослѣдствіи измѣненнымъ въ окончаніи.

В. Василенко.

Открытіе въ Кіевѣ главнаго народнаго училища въ 1789 году. 1788 и 1789 г.г. имѣютъ очень важное значеніе въ исторіи народнаго просвѣщенія въ Юго-Западномъ краѣ, какъ годы, которыми начинается новая эра въ этой исторіи.

До указаннаго времени дѣло народнаго просвѣщенія въ Юго-Западномъ краѣ, и именно просвѣщенія въ духѣ православной церкви, находилось довольно въ плачевномъ положеніи. Гнетъ поляковъ, давившій на всѣ стороны жизни православнаго южно-русскаго народа, происки іезуитовъ, матеріальная недостаточность—все это въ большей или меньшей степени мѣшало развитію и распространенію народнаго просвѣщенія въ краѣ. Чисто русскихъ школъ, которыя могли бы служить дѣлу народнаго образованія, на Юго-Западѣ было весьма мало, да и существовавшія далеко не всѣ удовлетворяли своему назначенію; а между тѣмъ возможно большее открытіе такихъ школъ являлось существенною необходимостью, съ одной стороны, какъ противовѣсъ размножавшимся іезуитскимъ школамъ, съ ихъ антирус-

скимъ и антиправославнымъ направленіемъ, а съ другой—въ силу неприглядnаго состоянія просвѣщенія среди народной массы.

Вполнѣ, поэтому, естественно, что имп. Екатерина II, въ своихъ заботахъ о подъемѣ образованія въ Россіи, обратила особенное вниманіе на эту сторону жизни Юго-Западнаднаго края и издала повелѣніе относительно открытія народныхъ училищъ въ болѣе значительныхъ городахъ и мѣстечкахъ Бѣлоруссіи и южно-русскихъ губерній. По этому поводу учреждена была, «Коммиссія объ установленіи народныхъ училищъ», подъ предсѣдательствомъ гр. П. В. Завадовскаго, которая дѣятельно и энергично занялась разработкой вопроса относительно открытія народныхъ школъ. Въ самомъ непродолжительномъ времени выработаны были уставъ народныхъ училищъ и программа обученія въ нихъ, выбраны учебники и пособія и даже предназначены нѣкоторыя лица въ качествѣ директоровъ и учителей для училищъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Коммиссія разослала начальникамъ бѣлорусскихъ и южныхъ губерній повелѣніе императрицы касательно открытія народныхъ училищъ, съ предписаніемъ: «пріуготовить открытіе и изыскать средства къ содержанію училищъ безъ отягощенія казны и безъ оскудѣнія другихъ полезныхъ заведеній».

Благодаря такой энергичной дѣятельности Коммиссіи, при не менѣе энергичномъ содѣйствіи со стороны начальниковъ губерній, во всѣхъ почти значительныхъ городахъ и многихъ мѣстечкахъ Юго-Западнаго края въ сравнительно небольшой промежутокъ времени возникли народныя училища. Было между прочимъ «установлено» главное народное училище и въ Кіевѣ въ 1789 году, при С. Е. Ширковѣ.

Изъ донесенія послѣдняго гр. П. В. Завадовскому видно, что открытіе этого училища состоялось 1-го мая 1789 года.

Къ торжественному дню открытія стеклось болѣе трехъ тысячъ человѣкъ, такъ что училищное зданіе не могло вмѣстить всѣхъ желавшихъ присутствовать на торжествѣ и во всѣхъ комнатахъ училища размѣстились только «отцы и матери учащихся и тѣ, которые были поименитѣе». Торжество открытія училища началось молебствіемъ, которое совершалъ Кіевскій митрополитъ Самуилъ Мисланскій съ протоіереемъ Кіево-софійскаго собора Іоанномъ Левандой и другимъ духовенствомъ Кіева. Послѣ молебствія говорены были рѣчи [1]) прото-

[1]) Этихъ рѣчей мы здѣсь не помѣщаемъ, потому что они скоро будутъ цѣликомъ напечатаны въ издаваемыхъ Минист. Н. Просв. „Матеріалахъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи“.

іеремъ Левандой, учителемъ Карбановскимъ и одинъ изъ учениковъ «*осмильтній* сынъ надворнаго совѣтника Калиновскаго», произнесшій свою рѣчь, по словамъ Ширкова, «порядочно и съ пристойнымъ видомъ».

Н. Р.

Ко дню открытія въ ново-учреждаемомъ училищѣ насчитывалось уже 58 учениковъ и 18 учениць. Всѣ они, по приказанію Ширкова, еще за двѣ недѣли до оффиціальнаго открытія собирались въ училище и здѣсь имъ преподавалось «знаніе о буквахъ», чтобы они въ день открытія могли уже показать это свое знаніе въ присутствіи отцовъ и матерей и именитыхъ посѣтителей. Этимъ Ширковъ, очевидно, хотѣлъ возвысить авторитетъ училища предъ родителями учащихся и вообще предъ кіевскими гражданами и привлечь большее количество учениковъ. Цѣль была достигнута: когда, по окончаніи молебна и рѣчей, учитель началъ дѣлать поступившимъ въ училище вопросы «о сихъ буквахъ», то они, говоритъ Ширковъ въ своемъ донесеніи, «ко удовольствію зрителей весьма порядочно на нихъ отвѣчали, и этимъ подвигнули отцовъ и матерей къ пролитію слезъ съ восклицаніями о Высочайшемъ здравіи Ея Императорскаго Величества и многихъ зрителей пріохотили отдавать своихъ дѣтей, коихъ черезъ одинъ день до десяти человѣкъ уже явилось, и надежду имѣю, что и еще умножаться будутъ».

На донесеніе С. Е. Ширкова объ открытіи въ Кіевѣ главнаго народнаго училища П. В. Завадовскій отвѣтилъ письмомъ, гдѣ высказывалъ Ширкову благодарность за его энергичную и успѣшную дѣятельность въ данномъ случаѣ, и прислалъ уставъ училища, программу «наукъ» для преподаванія въ немъ, списокъ учебниковъ и учителей, предназначенныхъ Коммиссіей для новооткрытаго училища, кромѣ названнаго Карбановскаго.

Какъ видно изъ устава, курсъ училища былъ четырехъ-годичный, причемъ первый классъ вмѣстѣ съ тѣмъ являлся и приготовительнымъ. Въ программу преподаванія, кромѣ первоначальнаго обученія письму и чтенію, входили еще слѣдующіе предметы: законъ Божій, грамматика, ариѳметика, геометрія, физика, механика, архитектура гражданская, всеобщая географія, исторія политическая и естественная, языки латинскій и польскій и рисованіе.

Н. Рыжковъ.

Стихотвореніе—пѣсня про рекрутчину. Приводимое ниже стихотвореніе—пѣсня писано на двухъ четверткахъ бумаги, при чемъ лицевая сторона первой четвертки занята--перечеркнутымъ и писаннымъ вдоль страницы--началомъ прошенія. Прошеніе—отъ имени одного священника заславскаго у. волынской г... Имѣть мѣсто могло оно въ 1861—6 годахъ, а слѣдовательно около этого времени написано (или списано) и стихотвореніе.—Послѣднее должно представлять интересъ въ украинской обличительной литературѣ. Всемогущій Писарь, ему же дань и «карбованцямы» и «корчыкамы»; повидимому, наперсница его—Тодося, задабриваемая горшкомъ масла; скромный Старшина, которому все-таки надо дать «тее сее въ кишени»...—лица все живыя и типичныя.

Якъ въ рекруты въ сели бралы,
Батько й маты зарыдалы:
Ей, гой, гой, гой, гопъ—
Данылови буде лобъ.
Ой не плачте, не рыдайте:
Карбованцивъ не ховайте,—
Ей гой, гой, гой, гопъ,—
То не буде ему лобъ. („Ей... лобъ“ и далѣе).
Карбованцивъ не ховайте,
Три корчиковъ вивса дайте,—
Ей, гой...
Три корчики вивса дайте,
Горшокъ масла наскладайте,—
Ей, гой...
У Волости на таблыци
Приклеяны три гостынци...
Ей, гой...
Писарови рублыки,
Коныкови корчики,—
Ей, гой...
А Тодоси горшокъ масла,—
Щобъ Писаря добре пасла,—
Ей, гой...
Волостному Старшини
Тее сее въ кишени,—
Ей, гой, гой, гой, гопъ—
То не буде ему лобъ.

Сообщ. **Ю. Тиховскій.**

Переписка атамана Петра Кальнышевскаго съ кіевскимъ митрополитомъ Арсеніемъ Могилянскимъ. «Ясне въ Богу преосвященнѣйшій киръ Арсеній Могилянскій, архіепископъ, митрополитъ кіевскій, галицкій и Малыя Россіи:

Милостивый архипастырь и отецъ!

Что ваше преосвященство въ 1763 году изволили мнѣ архипастырски преподать въ знакъ вашего архипастырскаго благословенія икону, на коей изображеніе Успенія Пресвятой Богоматери и въ оной упрятаны были вашимъ святительствомъ мощи святые; то прошедшаго декабря въ 26 день между произшедшимъ здѣсь сумазброднымъ и богопротивнымъ бунтомъ сія икона съ прочими, имѣвшимися въ моемъ покоѣ иконами, была предана неисчетному руганію и сума-

збродцы скверными ихъ ногами такъ потоптали иконы, что, по усмиреніи сихъ сумазбродцевъ, съ тѣхъ святыхъ мощей ни единой частицы сыскать не могли. Я, при теперишнемъ моемъ разореніи, полагаясь, что ваше преосвященство святое, будучи ко мнѣ архипастырски благосклонны, не пропустите случая сего, чтобъ паки прислать мнѣ икону таковую-жъ со святыми мощами, за что обовязуясь кромѣ должнаго моего вашему преосвященству отблагодаренія сыновняго во всемъ, что надлежатиметъ, служить. А нынѣ препоручивъ себе навсегда вашего преосвященства архипастырскимъ молитвамъ и милости при нижайшемъ моемъ уклонѣ есмь вашего преосвященства милостиваго архипастыря и отца всепокорнѣйшій слуга Петръ Кальнышевскій.

Какіе мощи будутъ мнѣ предложены, то зъ написаніемъ именъ святыхъ тѣхъ прошу удостоить мене письмомъ вашего преосвященства».

Сѣчь Запорожская.
1769 года
генваря 22 дня.

Высокородный господинъ войска низоваго запорожскаго атаманъ кошовый, нашъ зичливый пріятель!

Съ писанія вашего высокородія, отпущеннаго генваря 22 дня сего 1769 года, съ сожалѣніемъ увѣдомились мы, что при послѣдовавшихъ вашему высокородію отъ азартниковъ неистовствахъ по безумствованію ихъ же причинено и поруганіе святымъ иконамъ. Усердно желая, чтобъ Господь Богъ вашему высокородію даровалъ впредъ благополучнѣйшую и спокойнѣйшую жизнь, мы въ знакъ всегдашней нашей къ вашему высокородію благосклонности для многолѣтняго охраненія жизни вашей посылаемъ при семъ икону Успенія Пресвятыя Богородицы такову, какова и прежде отъ насъ была дана въ серебряной шатѣ и съ вложенными въ нее святыми мощами, о коихъ и реестръ при семъ включается. Какъ же нынѣ Катедральнаго нашего монастыря іеросхимонахъ Онисимъ и монахъ Іонаѳанъ на мѣсто находящагося въ Сѣчи Запорожской іеромонаха Макарія отправлены туда для испрошенія отъ доброхотныхъ дателей на возобновленіе Катедральной нашей обители первопрестольной каменной церкви, которая вспомоществованіемъ доброхотныхъ дателей, а особливо милостинными войска Низоваго Запорожскаго подаяніями нѣсколько уже и возобновлена, только для приведенія къ окончанію того начатаго церковнаго дѣла и для устроенія подобающаго благо-

лѣпія оная обитель наша не имѣетъ достатка. Для того, полагаясь на обыкновенную вашего высокородія и всего войска запорожскаго въ таковыхъ случаяхъ благотворительность и на оказанное уже самимъ дѣломъ катедрѣ нашей доброхотство и усердіе вашего высокородія, просимъ васъ и нынѣ тоя нашея обители монашествующимъ іеросхимонаху Онисиму и монаху Іонаѳану, отправленнымъ для испрошенія означеннаго отъ доброхотныхъ дателей милостиннаго подаянія и вспомоществованія, въ ономъ начатомъ церковномъ дѣлѣ милостивое свое благопризрительство оказывать и свое благодѣтельское пособіе къ пользѣ оныя обители нашея являть. Богъ же богатъ сый въ милости да воздастъ за то вашему высокородію и всему войску запорожскому сторицею и въ будущемъ вѣкѣ нетлѣнными благами, о чемъ оная наша обитель и мы не приминемъ всегда возсылать наши неусыпныя молитвы. вашего высокородія зичливаго нашего пріятеля вседоброжелательный богомолецъ смиренный митрополитъ кіевскій Арсеній.

1769 года
іюля 3-го дня
№ 287.

Реестръ частицъ мощей, вложенныхъ въ икону
Успенія Пресвятой Богородицы:
Мученика Харлампія,
Святаго великомученика Пантелеимона
и святаго Іоанна Златоустаго.

Ясне въ Богу высокопреосвященнѣйшій владыко милостивый отецъ и архипастырю мой!

При многомощномъ архипастырскомъ вашего высокопреосвященства письмѣ, которое я въ походѣ еще августа 31 дня получилъ, присланную Успенія Пресвятыя Богородицы икону, а въ оной и положенныя частицы мощей святаго мученика Харлампія, святаго великомученика Пантелеимона и святаго Іоанна Златоустаго, по прибытіи моемъ съ походу, имѣлъ я щастіе и честь благоговѣйнѣйше держать и разсматривать; чего непосредственно удостоеніемъ будучи всячески доволенъ, всенижайшую мою вашему высокопреосвященству благодарность приношу.

При чемъ вашему высокопреосвященству имѣю донесть: извѣстился я, что бывшій лейбъ-гвардіи при Семеновскомъ полку протоіерей Петръ Якубовскій, пріѣхавшій съ Санктпетербурга, находясь

теперь въ Кіевѣ съ фамиліею, много очень бѣдствуетъ. И что онъ мнѣ весьма знакомъ и человѣкъ честенъ, потому ваше высокопреощенство покорно прошу, посредствовавъ въ томъ для меня, сдѣлать отеческое надъ нимъ милосердіе повелѣть ему дать такое мѣсто, чтобъ онъ съ фамиліею могъ имѣть себѣ пропитаніе, и подъ особымъ вашего высокопреосвященства знаніемъ и респектомъ содержать и отъ дальныхъ бѣдствъ и утѣсненій избавить не оставить,— какову доброучинность я, аки самому мнѣ оказанную, сочтивъ и предавъ себе богоугоднымъ вашего высокопреосвященства молитвамъ и многомощному архипастырскому благословенію, имѣю долгъ пребыть благопочтительнѣйше вашего ясне въ Богу высокопреосвященства милостивѣйшаго отца и архипастыря моего нижайшій слуга атаманъ кошовый Петръ Кальнышевскій.

1769 года
декабря 7 дня.
Запорожская Сѣчь.

Письма эти хранятся въ архивѣ Кіевской Духовной Консисторіи по описи подъ № 59 за 1770 годъ.

Сообщ. протоіерей **Петръ Орловскій**.

Указъ кіевской митрополіи о чинѣ поминанія въ богослуженіяхъ гетмана Кирилла Разумовскаго. «Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы всероссійской изъ Канцеляріи Митрополіи Кіевской преподобнѣйшимъ архимандритамъ Пустыннно-Николаевскому Назарію, Златоверхомихайловскому Модесту, Братскоучилищному Сильвестру, честнымъ игуменамъ Петропавловскому Антонію, Греческому Евгенію, Кіево-Выдубецкаго монастыря правителю іеросхимонаху Василію, всечестнымъ протопопамъ нижняго града Кіева Роману, вышняго града Кіева Гавріилу, Трипольскому Іоанну, честнымъ намѣстнику крестовому кіево-подольскому Павлу, да кіевскихъ дѣвичьихъ монастырей игуменіямъ—вознесенскаго Еленѣ, іорданскаго Серафимѣ, богословскаго Ксаніи. Прошлаго 1750 г., августа 8 дня по указу Ея Императорскаго Величества и по опредѣленію его преосвященства Киръ Тимофея Щербацкаго архіепископа, митрополита кіевскаго, галицкаго и Малыя Россіи архипастыря нашего отпущенному съ каѳедральной митрополіи кіевскія канцеляріи, между прочимъ велѣно вамъ, ясне вельможнаго Господина Малыя Россіи обѣихъ сторонъ

Днѣпра и войскъ запорожскихъ Гетмана, Ея Императорскаго Величества дѣйствительнаго Камергера, Императорской Санктпетербургской академіи наукъ президента, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подполковника, и орденовъ св. Александра Невскаго, такожъ польского Бѣлаго Орла и Голстинского Св. Анны кавалера, россійской имперіи графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, въ церковныхъ священнослуженіяхъ на обыкновенныхъ мѣстахъ воспоминать тако: «*благороднаго Кирилла Гетмана*», а понеже таковое воспоминаніе показалось не во удовольствіе, того ради во удовольствіе за отличность особливѣйшихъ его ясновельможности показанныхъ предъ всѣми прежними Гетманами предикатовъ съ полученія сего Ея Императорскаго Величество указа вамъ и всѣмъ вѣдомству вашему подсудственнымъ приказать воспоминать тако: «*высоко и благоурожденнаго сіятельнаго графа Кирилла Григорьевича Гетмана малыя россіи*», — о семъ вамъ вѣдать и читать по сему Ея Императорксаго Величества указу, полученіе же сего, во мѣсто репорта подъ симъ самимъ вамъ подписавъ, съ послѣдняго мѣста прислать обратно въ Катедральную Канцелярію. 1751 г., августа 27 дня.

Катедральный писарь іеромонахъ Досиѳей. Митрополіи Кіевской архидіаконъ Манассія. Катедральной канцеляріи регентъ іеродіаконъ Лука. Канцеляристъ Мопсей Клювѣнскій.

Указъ сей хранится въ Арх. Кіев. Конс. по описи № 130 за 1751 годъ.

Протоіерей **П.Орловскій.**

Приказъ 1788 г. объ обязательномъ ношеніи длинныхъ волосъ дѣтьми священно-и церковнослужительскими. «Духовной Кіевской Дикастеріи. Весьма часто являются у меня священно и церковнослужительскія дѣти, найпаче изъ уѣзду Голтвянскаго, Хорольскаго и Лубенскаго, съ обстриженными волосами и обритыми головами: а какъ уже неоднократно указами, по моимъ резолюціямъ, предписано, дабы оные священно и церковнослужительскіе дѣти всѣ имѣли на головахъ своихъ отращенные волосы, свойственные людямъ духовнаго чина и соотвѣтствующіе церковнымъ узаконеніямъ; того ради подтвердить въ послѣдній разъ всѣмъ духовнымъ правленіямъ, а гдѣ оныхъ нѣтъ, благочиннымъ, чтобъ по посланнымъ указамъ, о отращеніи волосовъ на головахъ вездѣ и всегда непремѣнное исполненіе чинено было съ тѣмъ, что естли кто изъ священно и церковнослу-

жительскихъ дѣтей и за симъ явится у меня, или въ дому окажется въ такомъ странномъ видѣ, таковый, по исключеніи изъ духовнаго причта, отосланъ быть имѣетъ въ свѣцкую команду, а присутствующіе въ духовныхъ правленіяхъ, равномѣрно благочинные и десятоначальники, за нерадѣніе о исполненіи по посланнымъ указамъ не только отъ своихъ должностей отрѣшены, но и подъ началъ въ монастыри посланы быть имѣютъ. Самуилъ митрополитъ Кіевскій".

По полученіи сего приказа Кіевская духовная дикастерія объ исполненіи его разослала указы во всѣ духовныя правленія. (Архивъ Кіевской Духовной Консисторіи дѣло подъ № 23 за 1788 годъ.).

Библіографія.

Живая старина пер. изданіе отдѣленія Этнографіи Имп. Русскаго Географич. Общества, подъ ред. В. И. Ламанскаго. Спб. 1892 г. Вып. I, II, III и IV.

Изданіе это, уже неразъ подвергавшееся разсмотрѣнію въ нашемъ журналѣ, продолжаетъ держаться тѣхъ же особенностей, какія были указаны въ этихъ разсмотрѣніяхъ раньше: въ немъ замѣчается предпочтеніе «народописанія» въ собственномъ смыслѣ «народовѣдѣнію», или «фольклору» и обиліе разныхъ статей по славяновѣдѣнію. Отсюда проистекаетъ съ одной стороны неудобочитаемость множества страницъ изданія, наполненныхъ совершенно не обработаннымъ, сырымъ матеріаломъ иногда даже безъ всякихъ объясненій и примѣчаній—таковы, наприм., болгарскія народныя сказки и пѣсни изъ Прилѣпа, приведенныя безъ перевода, даже безъ объясненія отдѣльныхъ словъ, обликовъ и выраженій, а также малорусскіе разсказы и повѣрья екатеринославской губ. записанные г. Манжурою (въ 3 разсказѣ отмѣтимъ кстати крупный недосмотръ: въ 6 строкѣ снизу на 79 стр. напечатано, вм. *подавъ*,—*подивъ*, что совершенно измѣняетъ смыслъ),—а съ другой—нѣкоторая, такъ сказать, заслоненность русскаго матеріала инославянскимъ или, по крайней мѣрѣ, извѣстное излишество этого послѣдняго въ *русскомъ народописательномъ изданіи*. Мы лично, правда, не посѣтуемъ за это на почтенную редакцію, но такъ ли отнесутся и всѣ другіе читатели, позволительно усомниться...

Изъ статей, на которыхъ слѣдуетъ остановить вниманіе нашихъ читателей, отмѣтимъ вопервыхъ чрезвычайно любопытныя «Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Е. И. Срезневской» (1839—1842 г.). Въ 1839 г. молодой Измаилъ Ивановичъ Срезневскій (27 лѣтъ), впослѣдствіи знаменитый славяновѣдъ, отправился изъ Харь-

кова, въ которомъ до того времени сосредоточивалась его общественная и научная дѣятельность, за границу, именно въ славянскія земли для подготовки къ занятію одной изъ только что открытыхъ тогда въ русскихъ университетахъ каѳедръ славяновѣдѣнія. Еще живя въ Харьковѣ, онъ полюбилъ украинскій народъ, съ любовью изучалъ его жизнь, записывалъ его безыскусственныя творенія и т. д.; эту же живую и сознательную любовь къ народности онъ перенесъ и въ свои славянскія изученія, и съ этой стороны его письма представляютъ громадный, выдающійся интересъ и не только для славяновѣдовъ, но и просто для тѣхъ образованныхъ русскихъ людей, кто отдаетъ должную дань и цѣну народоописательнымъ изученіямъ. Посмотрите, съ какою жадностію ловитъ онъ всякій случай сойтись съ какимъ нибудь непосредственнымъ представителемъ той или другой славянской народности, въ особенности изъ наиболѣе забитыхъ и мало извѣстныхъ, проникнуть въ тайники народной души, прослѣдить біеніе народной жизни. Письма написаны бойко, живо и непринужденно съ тѣми обычными стилистическими и другими неправильностями, которыя такъ свойственны этого рода литературѣ, создаваемой часто при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ: карандашомъ, на постояломъ дворѣ или на почтовой станціи, въ промежуткѣ времени между откладываніемъ и закладываніемъ лошадей, въ грязной комнаткѣ жалкой провинціальной гостинницы или заѣзжаго дома, нерѣдко на клочкахъ бумаги и т. д. При бойкости и остроуміи, дѣлающихъ эти письма чрезвычайно удобочитаемыми даже для широкой публики, читатель встрѣчаетъ сплошь да рядомъ, среди иногда мелкихъ и, казалось бы, пустенькихъ картинокъ, случаевъ и т. д., описываемыхъ авторомъ, обстоятельства и факты глубокаго историческаго значенія или такіе, отъ которыхъ невольно и съ негодованіемъ отвращается душа чуткаго и впечатлительнаго читателя. Вотъ, наприм. маленькая картинка, на первый взглядъ меленькая и сѣренькая, а между тѣмъ глубоко задѣвающая читателя и справедливо возмущающая его до глубины души (изъ XXXIV письма, Ополье въ Слезіи, 10 авг.): Путешественникъ взялъ себѣ до Стрѣлена проводника и спрашиваетъ его: Ты Слезакъ?—А то-жъ! былъ отвѣтъ. Ночевали у зятя этого проводника; зять оказался человѣкомъ очень незажиточнымъ, но за молоко и хлѣбъ съ солью, отпущенные имъ путешественнику на ужинъ, не захотѣлъ взять денегъ, а напротивъ «былъ очень радъ (продолжаемъ далѣе словами Срезневскаго), что принимаетъ дорогаго гостя—«Чеха» (я игралъ ролю Чеха) и, видно, уче-

наго.—Пишите, пишите, пôне (=господинъ), да не забудьте написать, что молиться велятъ, а читать не учатъ. Дали намъ какого то «затраценего нѣмца» учителемъ: мы его не разумѣемъ, а онъ насъ. Вотъ мой сынишка и твердитъ «Фатеръ унзеръ» вмѣсто «Ойче нашъ». Ну что это за моленье? Этакъ больше согрѣшишь. Ну что это «Фатеръ унзеръ»? До одиннадцати мы проболтали. Юзефа, жена зятя, легла спать, оставивши намъ огарокъ плошки, и подъ слабый свѣтъ ея я записалъ прекрасную думку о семилѣтней войнѣ и многое другое. Потомъ—въ сосѣди къ коровѣ... (путникъ спалъ на дворѣ подлѣ коровы). Фактъ, разсказанный Срезневскимъ—а такихъ въ его письмахъ вы встрѣтите немало,—чрезвычайно важенъ: въ немъ вы видите безхитростное, но глубоко справедливое осужденіе славянскимъ народомъ той политики онѣмеченія, которая уже тогда предпринималась Австріей и Пруссіей. Великолѣпны по своему простосердечію и вмѣстѣ по глубинѣ осужденія эти слова простаго, безграмотнаго слезскаго селянина: «Ну что это Фатеръ унзеръ»? Повторяю, въ письмахъ Срезневскаго читатель, даже современный, найдетъ массу любопытнѣйшихъ подробностей, характеризующихъ состояніе тогдашнихъ общественныхъ и политическихъ отношеній той или другой славянской народности, и мы горячо рекомендуемъ ихъ нашимъ читателямъ.

Изъ другихъ статей, которыя могутъ быть любопытны для читателей «Кіевской Старины», укажемъ еще слѣдующія: горячій и прочувствованный некрологъ А. А. Потебни, написанный самимъ редакторомъ В. И. Ламанскимъ (Вып. I, 126—136 стр.) и двѣ статьи, посвященныя воспоминаніямъ о Потебнѣ: Б. Ляпунова: «Памяти А. А. Потебни» (Вып. I, 136—149 стр.—статья довольно дѣльная и обстоятельная, недурно характеризующая научные труды покойнаго исполина науки) и маленькая замѣтка г. М. Халанскаго подъ такимъ же заглавіемъ; затѣмъ: трудолюбиво составленный «Очеркъ Русской діалектологіи» г. А. Соболевскаго (Малорусское нарѣчіе разсмотрѣно въ IV вып. «Живой Старины»), и («Бытовыя черты русинки Холмскаго края», очеркъ г. К. Яроцкаго—довольно живая бытовая картинка.

А. Степовичъ.

Матеріалы для исторіи минской епархіи. I. Письма къ разнымъ лицамъ преосвященнаго Виктора Садковскаго, перваго минскаго архіепископа (1–CL). Собраны и объяснены С. Г. Рункевичемъ, Минскъ 1892. Стр. 201+XVI.

13 апрѣля 1893 года исполнилось сто лѣтъ со времени учрежденія минской епархіи. Этимъ и объясняется появленіе въ печати писемъ перваго минскаго архіепископа.

Викторъ Садковкій былъ воспитанникомъ Кіевской академіи, гдѣ его узналъ Георгій Конисскій, бывшій въ то время профессоромъ философіи и богословія, а затѣмъ архіепископомъ бѣлорусскимъ. Вызванный по окончаніи курса въ академіи въ Польшу, Садковскій, въ разныхъ должностяхъ, ревностно старался по части водворенія православія въ Польшѣ и былъ первымъ минскимъ епископомъ, по открытіи этой кафедры. Умеръ онъ въ 1803 году архіепископомъ Черниговскимъ.

Изданныя г. Рункевичемъ письма извлечены изъ архивовъ: Святѣйшаго Синода, минской, могилевской и черниговской консисторій и касаются почти исключительно официальной переписки Виктора Садковскаго и, при всей своей краткости, не лишены значенія для характеристики внутренняго строя церкви и положенія православнаго духовенства въ Польшѣ наканунѣ ея паденія. Въ числѣ писемъ мы находили, напримѣръ, ходатайства Садковскаго о посвященіи тѣхъ или другихъ лицъ въ духовныя должности, о наказаніи лицъ духовнаго вѣдомства, о поведеніи ихъ, о хозяйственныхъ дѣлахъ монастырей и епархіи и т. д.

Всѣ письма снабжены довольно обстоятельными примѣчаніями г. Рункевича, значительно облегчающими ихъ чтеніе и пониманіе. Изданы они сравнительно хорошо для провинціальнаго изданія.

Все изданіе должно состоять изъ трехъ выпусковъ. Второй — составитъ *переводъ* писемъ Садковскаго на польскомъ языкѣ, а третій — *возстановленіе* подлиннаго русскаго текста не сохранившихся до насъ писемъ преосвященнаго на основаніи польскаго перевода ихъ (стр. 6). Признаемся, для насъ какъ-то странно звучатъ слова *переводъ* и *возстановленіе* въ устахъ серьезнаго издателя, какимъ бы мы хотѣли считать С. Г. Рункевича. Отчего бы не напечатать польскихъ писемъ Садковскаго на польскомъ языкѣ? Отъ этого только бы выиграла та цѣль, для которой г. Рункевичъ предпринялъ свое изданіе — научная. Отъ того, что письма Садковскаго будутъ напеча-

таны по-русски, число ихъ читателей врядъ-ли прибавится, а между тѣмъ, при переводѣ, характеръ подлинника писемъ навѣрно утратится. Въ крайнемъ случаѣ, ужъ лучше было бы напечатать письма на польскомъ языкѣ съ русскимъ переводомъ. Еще болѣе страннымъ намѣреніемъ кажется намъ *реставрація* писемъ Садковскаго. Зачѣмъ она нужна и кому она нужна? Реставрація эта будетъ только безполезной фальсификаціей языка перваго минскаго архіепископа. Гораздо лучше, конечно, напечатать польскіе переводы: меньше ошибокъ будетъ. Хотѣлось бы вѣрить, что почтенный издатель измѣнитъ нѣсколько свое намѣреніе. **Н. В.**

Г. Бараць. Очеркъ происхожденія и постепеннаго затѣмъ упраздненія въ Россіи совѣстныхъ судовъ и суда по совѣсти.—Историко-юридическій этюдъ. Спб. 1893 г., 40 стр.

Въ министерствѣ юстиціи, какъ передавала печать, возникла въ послѣднее время мысль о возстановленіи существовавшихъ у насъ раньше совѣстныхъ судовъ, имѣвшихъ цѣлью разрѣшеніе такихъ споровъ, а также преслѣдованіе такихъ уголовныхъ нарушеній, которыя прямо не предусмотрѣны въ дѣйствующихъ законахъ. По этому то поводу г. Барацъ и выпустилъ свой интересный, хотя и черезчуръ краткій, историко-юридическій этюдъ, съ цѣлью, съ одной стороны, опредѣлить источники, откуда первоначально были почерпнуты дѣйствовавшія у насъ въ прежнее время постановленія о совѣстныхъ судахъ и о введенной впослѣдствіи, взамѣнъ этихъ учрежденій, судебными уставами 1864 г. особой формы суда по совѣсти; съ другой—съ цѣлью лишній разъ показать, что русскіе гражданскіе законы, въ большинствѣ случаевъ, не являются отраженіемъ народной жизни, духовнаго склада и міросозерцанія, но «представляютъ лишь конгломератъ разнаго рода опредѣленій, набранныхъ часто изъ различныхъ, по своему духу и направленію, иностранныхъ кодексовъ и юридическихъ трактатовъ».

Совѣстные суды установлены въ Россіи 26-ю главою «Учрежденія о губерніяхъ», которая, по мнѣнію г. Бараца, «по своему составу и содержанію, представляетъ странную смѣсь узаконеній *малороссійскихъ* и *англійскихъ*, приправленную нѣкоторыми афоризмами *латинскаго* и *итальянскаго* происхожденія» (стр. 3). Свою мысль авторъ доказываетъ сопоставленіемъ отдѣльныхъ пунктовъ 26-й

главы «учрежденія» съ ея источниками и приходитъ къ заключенію, что она основана, главнымъ образомъ, на «Правахъ, по которымъ судится малороссійскій народъ», гдѣ говорится о третейскихъ судахъ и на практикѣ англійскихъ courts of equity. Общій выводъ автора таковъ: «бросая общій взглядъ на содержащіяся въ ней (26 главѣ) постановленія, нельзя не замѣтить, говоритъ онъ, сразу крайней невыдержанности и противорѣчивости началъ, на ксихъ основанъ былъ у насъ совѣстный судъ. Такъ, суду этому, подобно малороссійскому третейскому суду, предписано было вершать дѣла по законамъ, «какъ и прочіе суды», но въ тоже время, будучи отчасти снимкомъ съ англійскихъ courts of equity, онъ долженъ былъ рѣшать дѣла не по строгости формальнаго права, а по требованіямъ совѣсти или справедливости, по началамъ aequitatis, aequi et boni. Далѣе юрисдикція и малороссійскаго третейскаго суда справедливости обнимаетъ исключительно гражданскія дѣла, а между тѣмъ кругъ дѣйствій нашего совѣстнаго суда, хотя послѣдній и созданъ былъ по образу и подобію обоихъ названныхъ судовъ, относился, какъ замѣчено было уже въ шестидесятыхъ годахъ «гражданскимъ отдѣленіемъ коммиссіи для составленія проэкта судебныхъ уставовъ», болѣе къ дѣламъ уголовнымъ, нежели къ гражданскимъ (стр. 18—19).

Несмотря на это, совѣстный судъ былъ встрѣченъ съ большею признательностью со стороны русскаго общества и только впослѣдствіи къ нему окончательно охладѣли, а графъ Канкринъ видѣлъ въ немъ даже «перевѣсъ демократическаго элемента». Проектъ Сперанскаго о преобразованіи совѣстныхъ судовъ не удостоился вниманія и совѣстные суды къ 1861 году были постепенно закрыты.

Во время составленія судебныхъ уставовъ судъ по совѣсти думали предоставить мировому суду, но это не осуществилось. Въ мировомъ уставѣ есть, дѣйствительно, двѣ статьи, говорящія о судѣ по *убѣжденію совѣсти*, но онѣ, благодаря толкованіямъ сената свелись къ нулю и никогда никакого значенія не имѣли.

Г. Барацъ прямо не высказываетъ своего отношенія къ новому предположенію министерства юстиціи о возстановленіи совѣстныхъ судовъ и приводитъ только два рѣшенія по одинаковымъ дѣламъ, состоявшіяся въ промежуткѣ ста лѣтъ: одно совѣстнаго суда, другое суда формальнаго. Во второмъ рѣшеніи по буквѣ закона, правда принесена въ жертву формѣ. Это можетъ служить опроверженіемъ утвержденія г. А. Боровиковскаго въ его «Отчетѣ судьи», что и общіе суды могутъ всегда рѣшать дѣла «по убѣжденію совѣсти» (стр. 34—35).

И. В.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1889 годъ. Спб. 1893 г. (1—241 стр.+Приложж. 1—14; 1—145 стр.).

Въ прошломъ году (1892 г. № 5-й), давая отзывъ объ «Отчетѣ за 1888-й годъ», мы имѣли случай указать на то, какую большую услугу оказываетъ публикѣ администрація Императорской Публичной Библіотеки, выпуская въ свѣтъ обширные отчеты за годъ, знакомящіе насъ не только съ цѣлымъ рядомъ статистическихъ данныхъ, но и съ новыми пріобрѣтеніями библіотеки, особенно рукописными, причемъ иные рукописные матеріалы тутъ-же, въ приложеніяхъ, печатаются, а остальные довольно подробно описываются.

Въ послѣднемъ отчетѣ за 1889 годъ, вышедшемъ только въ этомъ году, мы находимъ опять подробный перечень всѣхъ пріобрѣтеній библіотеки въ видѣ рукописныхъ матеріаловъ и старопечатныхъ книгъ, съ краткимъ описаніемъ каждой рукописи; но на этотъ разъ встрѣчается очень мало такихъ, которыя представляли-бы интересъ для «Кіевской Старины», какъ журнала, посвященнаго спеціально разработкѣ южно-русской исторіи и литературы.

На первомъ планѣ въ «Отчетѣ» поставлена коллекція рукописей и книгъ, принадлежавшихъ графу А. Г. Строганову и пожертвованныхъ имъ Томскому университету, а теперь, согласно желанію графа, переданныхъ попечителемъ Западно-Сибирскаго Округа въ Императорскую Публичную Библіотеку, такъ-какъ—сказано въ отчетѣ—«эти рукописи и библіографическія рѣдкости для университета не могли имѣть такого важнаго значенія, какъ для Императорской Публичной Библіотеки» (стр. 8), Въ данномъ случаѣ вполнѣ можно согласиться съ этимъ заключеніемъ «Отчета», такъ-какъ всѣ рукописи носятъ общій, а не спеціально-мѣстный характеръ, а слѣдовательно желающихъ работать по нимъ скорѣе можно ждать въ Петербургѣ, нежели въ Томскѣ (всѣ рукописи на латинскомъ, французскомъ, чешскомъ, арабскомъ, персидскомъ и турецкомъ языкахъ). Среди-же печатныхъ книгъ только и есть одна на русскомъ языкѣ, которой подобаетъ по всей справедливости сохраняться въ Публичной Библіотекѣ,—это «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» 1790 г. Радищева, тотъ самый экземпляръ, который былъ въ Тайной канцеляріи и затѣмъ какъ-то купленъ былъ А. С. Пушкинымъ за двѣсти рублей, что и значится въ собственноручной надписи поэта на книгѣ.

Самымъ интереснымъ пріобрѣтеніемъ является переданное послѣ смерти А. А. Краевскаго зятемъ его В. А. Бильбасовымъ со-

браніе писемъ разныхъ лицъ къ А. А. Краевскому и историко-литературныхъ матеріаловъ, находившихся между его бумагами. Въ этомъ собраніи находятся: 1) 3123 письма отъ 759 лицъ къ А. А. Краевскому, а таже нѣсколько писемъ, адресованныхъ не къ нему; все это переплетено въ 8 томовъ; и 2) 14 папокъ еще съ нѣсколькими письмами къ А. А. Краевскому и съ автографами нѣкоторыхъ писателей а также съ прочими разнородными матеріалами. Изъ этого собранія «Кіевская Старина» воспользовалась уже, благодаря любезному содѣйствію В. П. Горленка, двумя письмами, напечатанными въ № 5 текущаго года; изъ нихъ одно - письмо къ А. Краевскому Алексѣя Петровича Стороженка, а другое—копія съ письма Ѳ. Булгарина о Гоголѣ, писанное къ неизвѣстному лицу. Изъ разсматриваемаго нами теперь «Отчета» мы извлечемъ еще нѣсколько мелочныхъ замѣтокъ, представляющихъ интересъ для нашего юга. Прежде всего отмѣтимъ то любопытное объявленіе Гоголя о желаніи имѣть попутчика заграницу, которое перепечатано уже было многими газетами: «Нѣкто, не имѣющій собственнаго экипажа, желаетъ прокатиться до Вѣны съ кѣмъ-нибудь, имѣющимъ собственный экипажъ, на половинныхъ издержкахъ. Оный нѣкто человѣкъ смирной и незаносчивой: не будетъ дѣлать во всю дорогу никакихъ запросовъ своему попутчику и будетъ спать вплоть отъ Москвы до Вѣны. Спросить на Дѣвичьемъ Полѣ въ домѣ Погодина Николая Васильев. Гоголя» (стр. 36). Это объявленіе яко-бы было прислано для помѣщенія въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Укажемъ далѣе на то письмо Н. А. Маркевича къ А. А. Краевскому, которое сопровождалось стихотвореніемъ его же «Ругателю Украины» (февраль 1843 года). Къ сожалѣнію, ни письмо, ни самое стихотвореніе въ «Отчетѣ» не напечатаны, такъ-что, кромѣ этого маленькаго извѣстія о самомъ фактѣ, мы болѣе ничего не знаемъ о существѣ его (стр. 41). Въ приложеніяхъ къ «Отчету» помѣщенъ алфавитный перечень лицъ, письма которыхъ находятся въ указанныхъ 8 томахъ собранія бумагъ А. А. Краевскаго, съ указаніемъ количества писемъ каждаго лица, а также перечень писемъ, адресованныхъ не къ нему, равно какъ и другихъ бумагъ, содержащихся въ этихъ-же 8 томахъ. Кромѣ того, тутъ-же въ приложеніяхъ напечатаны цѣликомъ прелюбопытныя въ историко-литературномъ отношеніи письма къ А. А. Краевскому В. Г. Бѣлинскаго и В. П. Боткина. Изъ этихъ писемъ мы воспользуемся только прямо относящеюся къ интересамъ нашего журнала слѣдующею выдержкою.

Въ письмѣ изъ Москвы отъ 19 августа 1839 г. В. Бѣлинскій мимоходомъ высказываетъ свой взглядъ на извѣстное произведеніе Г. Квитки «Панъ Халявскій». «Панъ Халявскій для перваго чтенія потѣшенъ и забавенъ, но при второмъ чтеніи съ него немного тошнитъ. Это не творчество, а штучная работа, сборъ анекдотовъ, словомъ, возведеніе малороссійской жизни до идеала, если подъ идеаломъ должно разумѣть, вмѣстѣ съ французами, собраніе воедино всѣхъ чертъ, разсѣянныхъ въ природѣ и относящихся къ одному предмету. Впрочемъ, для журнала «Халявскій» — кладъ: онъ найдетъ себѣ больше читателей и хвалителей, чѣмъ *творческія* произведенія Гоголя» (стр. 13). Мы знаемъ, какіе разнородные отзывы въ журналистикѣ даны были въ свое время объ этой піесѣ Г. Квитки; знаемъ также, какихъ воззрѣній держался В. Г. Бѣлинскій на малорусское писательство вообще и на писанія Квитки въ частности, — такъ-что приведенная выдержка изъ письма его новаго ничего не даетъ, а только еще съ одной стороны подходитъ къ этому вопросу, а именно — показываетъ намъ, чего требовалъ отъ журнала тогдашній средній читатель, т. е. публика.

Изъ другихъ пріобрѣтеній отмѣтимъ только записки Управлявшаго Морскимъ Министерствомъ адмирала И. А. Шестакова о жизни своей и о современныхъ ему событіяхъ, записки, доведенныя до 1881 года, а также собственноручныя его замѣтки въ видѣ дневника въ 8 книгахъ, за 1882—1888 годы, т. е. почти по день смерти. Въ завѣщаніи сказано: «записки мои, посвященныя памяти первой жены моей, передать въ Императорскую Публичную Библіотеку съ тѣмъ, чтобы ихъ издали по смерти моей вполнѣ или въ извлеченіяхъ. Своевременность, выполненіе требованій приличія относительно упоминаемыхъ въ запискахъ лицъ и самый способъ изданія зависятъ совершенно отъ Управляющаго Библіотекою. Вырученныя деньги прошу употребить на стипендіи для приходящихъ въ московскія женскія гимназіи». Жена покойнаго заявила, что супругъ ея неоднократно высказывалъ желаніе, чтобы рукописи эти не были печатаемы ранѣе 50 лѣтъ, вслѣдствіе чего Государю Императору угодно было Высочайше повелѣть записки эти, храня въ Библіотекѣ, не оглашать ранѣе 50 лѣтъ со дня кончины адмирала Шестакова, послѣдовавшей 21 ноября 1888 года.

Въ числѣ отдѣльныхъ рукописей, поступившихъ въ библіотеку въ 1889 году, укажемъ слѣдующія: 1) Сборникъ конца XVII и начала XVIII вѣка, гдѣ среди разныхъ мелочей находится на л. 92

«Арапѣя—образецъ небольшаго привѣтствія въ виршахъ на Рождество Христово» (стр. 131); это, по всей вѣроятности, одна изъ тѣхъ рождественскихъ виршъ, которыя извѣстны намъ уже въ нѣсколькихъ редакціяхъ и которыя ждутъ еще полнаго изслѣдованія своего. Въ этомъ-же сборникѣ на л. 382 помѣщенъ отрывокъ изъ извѣстнаго сочиненія Іоанникія Голятовскаго, переложенный съ малорусскаго на русскій языкъ: «выписано ис книги Месиі, обѣтованнаго Христа споръ христіанина з жидовиномъ о Его Божествѣ» (стр. 136).

2) Сборникъ скорописью послѣднихъ лѣтъ 18 го вѣка, въ которомъ между прочимъ находится Пѣснь полку Игореву. Это переложеніе на современный русскій языкъ, сдѣланное по всему вѣроятію А. Ѳ. Малиновскимъ раньше перваго печатного изданія. Въ началѣ этого переложенія слѣдующая любопытная замѣтка: «Сія поема писана въ исходѣ XII вѣка на славено-русскомъ языкѣ; но столько встрѣчается въ ней малороссійскихъ названій, что не знающему польскаго языка трудно и понимать. Въ переводѣ-жъ семъ не сохранено ни оригинальности древняго, ни ясности нынѣшняго діалекта; то въ разсужденіи сего и хотѣлось мнѣ очистить его отъ всѣхъ пустяковъ, здѣлать пріятнымъ для чтенія и въ примѣчаніяхъ объяснить обстоятельствы историческія; но оригиналъ затерялся у Николая Михайловича (Карамзина), а у меня такъ-же былъ списокъ перевода нѣсколько уже выправленной; не помню, кому-то я далъ его прочесть и назадъ не получилъ. Прошу не прогнѣваться на нѣкоторыя непонятности, которыя при чтеніи окажутся» (стр. 144). Понятно, что для уясненія такого памятника какъ Слово о Полку Игоревѣ всякая дополнительная мелочь можетъ представлять интересъ, а тѣмъ болѣе эта рукопись, дающая въ приведенной только что замѣткѣ какіе-то неясные намеки. Что значитъ, напримѣръ: «оригиналъ затерялся у Николая Михайловича»? Что это за переводъ?

Какъ видно изъ всего сказаннаго, Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки и за 1889 годъ составленъ съ такой научной полнотой, что книга эта не только будетъ играть роль справочной, подобно другимъ отчетамъ, но всецѣло войдетъ въ списокъ научныхъ матеріаловъ, особенно что касается прелюбопытныхъ писемъ къ А. А. Краевскому такихъ крупныхъ литературныхъ именъ какъ В. Г. Бѣлинскій и В. П. Боткинъ.

В. Науменко.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:

„ОЧЕРКИ изъ ИСТОРІИ СЛАВЯНСКИХЪ ЛИТЕРАТУРЪ“

сост. А. Степовичъ Изд. Ф. А. Іогансона. Кіевъ, 1893 г.

Отъ Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Въ торжественномъ собраніи гг. членовъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, состоявшемся 11 мая 1893 года, по случаю исполнившагося 25-лѣтія существованія Общества, учрежденъ конкурсъ, съ двумя преміями, одной въ 3000 руб. и другой въ 1000 руб., имени **А. Ѳ. Гильфердинга**, за лучшія сочиненія на слѣдующія темы:

1) „Представить сжатый, но обстоятельный, основанный на возможно-полномъ изученіи доступныхъ источниковъ, при знакомствѣ съ литературою предмета, очеркъ исторіи южныхъ и западныхъ славянъ, начиная съ такъ называемой исторической эпохи ихъ существованія въ Европѣ до 1879 года включительно,—въ связи съ исторіей сопредѣльныхъ народовъ и государствъ. Въ предлагаемомъ очеркѣ должно быть обращено вниманіе не на внѣшнія только политическія судьбы славянскихъ народовъ, но и на внутреннюю ихъ жизнь—церковь, литературу, право и т. п. причемъ съ большею полнотою должны быть изложены тѣ періоды и отдѣльныя событія въ исторической жизни славянъ, которые оставили болѣе глубокій слѣдъ въ судьбахъ той или другой славянской народности, въ общеславянской и общеевропейской исторіи. Очерку долженъ быть предпосланъ обзоръ главнѣйшихъ источниковъ для исторіи южныхъ и западныхъ славянъ и указатель по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ пособій для болѣе подробнаго ознакомленія съ тѣмъ или другимъ отдѣломъ славянской исторіи“ (премія въ 3000 р.).

2) „Представить обстоятельный, основанный на точномъ знаніи источниковъ, очеркъ исторіи и современнаго положенія заграничной Руси (Галицкой, Буковинской и Угорской) въ отношеніяхъ—политическомъ, религіозномъ, экономическомъ (за

послѣднее время) и пр., причемъ, конечно, больше вниманія должно быть обращено на тѣ стороны и періоды въ историческихъ судьбахъ заграничной Руси, въ которыхъ наиболѣе ярко выразились съ одной стороны упадокъ національной ея жизни, а съ другой—и подъемъ народнаго русскаго духа. Предлагаемому очерку слѣдуетъ предпослать указатель источниковъ и пособій. Къ сочиненію, въ случаѣ его печатанія, должна быть приложена карта заграничной Руси" (премія въ 1000 р.).

Сочиненія на вышеизложенныя темы должны быть представлены въ Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Общества (С.-Петебургъ, площадь Александринскаго театра № 9) обязательно на русскомъ языкѣ, не позже 11 мая 1896 года, безъ обозначенія имени автора, только съ номеромъ или девизомъ.

Обозначеніе имени автора должно быть приложено въ особомъ, наглухо запечатанномъ конвертѣ, на которомъ должны быть прописаны номеръ или девизъ рукописи.

По присужденіи, по докладу Совѣта общему собранію, за лучшія сочиненія премій таковыя будутъ выданы соискателямъ, по вскрытіи конвертовъ съ ихъ именами, въ собраніи гг. членовъ Славянскаго Общества 14 февраля 1897 года.

Премированныя сочиненія печатаются (въ количествѣ 1200 экз.) на счетъ Славянскаго Общества, которое изъ всего количества печатаемыхъ экземпляровъ получаетъ въ свое распоряженіе 600, а другіе 600 уступаетъ автору *].

Подписка на вторую половину 1893 года.

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ".

Ежедневная газета политическая, общественная и литературная безъ предварительной цензуры.

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ„ остается вѣрной своему знамени.

Устраняя пріемы легкаго успѣха, мы, при посредствѣ многочисленныхъ корреспондентовъ, будемъ по прежнему слѣдить за многотруднымъ земскимъ дѣломъ и освѣщать нужды всѣхъ областей и окраинъ Русской Земли, всѣхъ слоевъ нашего народа.

Мы памятуемъ, что люди—братья безъ различія національности; ихъ долгъ—жить въ мирѣ, во взаимной помощи и въ стремленіи къ благу общему.

Мы высоко цѣнимъ всемірный историческій опытъ и употребимъ всѣ усилія, чтобы внутренняя и внѣшняя политика въ освѣщеніи газеты сливались, чтобы „Русская Жизнь" была органомъ цѣльнымъ, живымъ, отзывчивымъ.

Подписная цѣна съ пересылкой для иногородныхъ: На годъ—9 р., полгода—5 р., 3 мѣсяца—3 р., одинъ мѣсяцъ—1 р., для городскихъ—8, 4 р. 50, 2 р. 60, 90 коп.; заграницу: на годъ 17 р., полгода 9 р.

Разсрочка допускается со взносомъ не менѣе 1 рубля ежемѣсячно впередъ.

Главная контора: **С.-Петербургъ, Большая Морская, 21.**

Редакторъ-Издатель **А. Пороховщиковъ.**

---

*) По соглашенію съ совѣтомъ Общества авторъ можетъ печатать свое сочиненіе и въ большемъ количествѣ экземпляровъ, но уже на свой счетъ—свыше 1200 экз.

побѣжали были люде въ розніе мѣста, тогда порублено отъ Авганцовъ съ 5000 душъ. Потомъ шахъ подъ караулъ взятъ и обретается на шаховомъ дворѣ, приставленъ къ нему капитанъ зъ нѣкоторимъ числомъ людей и никуда оного не пускаетъ, толки временемъ самъ Магмутъ къ нему ходитъ, а мѣнѣстръ Магмутовъ рѣдко бываетъ; шахови же дѣти и братъ шаховъ, зъ 35 чловѣкъ, въ особливихъ полатахъ содержится на томъ же дворѣ, подъ карауломъ, и онимъ зъ шахомъ видѣтись недопускаютъ, однако жъ доволное имѣютъ препитаніе, а жени шахови всѣ взяти къ Магмуту, толко по прозбѣ шаховой отдано ему три жени, а сѣмъ дочерей шаховихъ приказалъ Магмутъ замужъ роздать за своихъ честнихъ людей. Потомъ, апр. 26-го сего году, отправленъ былъ шахъ въ Кандагаръ и отехавши отъ Гиспаганѣ верстъ за 20, заболѣлъ и по прошенію его возвращенъ назадъ въ Гиспаганъ; минѣстровъ при немъ мало и первой его минѣстръ Магметъ Кулиханъ склоненъ къ Магмуту, а прочіе подъ карауломъ содержатся. Про магмуцкой обходъ и про войско, которое при немъ, слишно, что приуготовлено провіянту на 4 года, а збиранъ до взяття Гиспагану изъ деревенъ и потомъ привозили для продажи много, и продаютъ ценою пшено по 5 абасъ, мяса батманъ по 4 абасъ, которого привезено много зъ Кумиси старого приуготовленія, пшеницѣ батманъ по 3 абаси и полъ, ячмень по 2 абаси и пол., курица по 8 гривенъ, а купци съ товарами и съ каравани за опасностію не приходятъ, а жителемъ гиспаганскимъ нинѣ въ домахъ ихъ въ купечествѣ обидъ небываетъ.—Магмутъ Авганъ за Гиспаганомъ многими провинціями не владѣетъ, а владѣетъ толко Гиспаганомъ и уездомъ гиспаганскимъ, да авганскою и кандагарскою провинціями и по сю сторони Гиспаганѣ до Кашини и то за страхъ его единий, авганская же и кандагарская провинціи доброжелателни ему. Того-жъ году, въ декавр. м-цѣ, изъ Вавилона, отъ Касанъ паши въ Іспаганъ къ Магмуту присланъ былъ посланникъ зъ писмомъ, именемъ Іменъ-aga, для привѣту, ради взятого Іспагану, и данъ ему въ Гиспаганѣ дворъ и кормъ; людей при немъ было со 120 чловѣкъ; честь ему была малая и признавали его за шпіона, однако жъ по

9 дняхъ дана ему авдіенція, и Магмутъ наединѣ съ нимъ, посланникомъ, сидѣлъ и отпущенъ на квартиру, и по нѣсколку дняхъ признали посланника за шпіона и велено было его держать подъ карауломъ, но минѣстри магмутови отсовѣтовали, а по 20 дняхъ призванъ былъ посланникъ къ Магмуту и дано ему писмо къ Касанъ пашѣ, и отправленъ за 3 дни, и когда онъ прибылъ въ gамадамъ, шagида велѣлъ его одержать 45 дней, а посля освобоженъ. Вавилонскій паша услишавши о задержаніи посланника своего, собралъ войска и хотѣлъ посилать въ Гамаданъ и получивши вѣдомость, что посланникъ едетъ, войска роспустилъ; и какъ посланникъ прибылъ въ Вавилонъ, то на другій день и отправленъ къ солтану въ Константинополь. Тотъ посланникъ старался вѣдомости имѣть про гавани Бендерабаскую и Боримскую, между якими съ первой збыривано по 170000 р., кромѣ иноземцовъ, которіи толко гостинци даютъ, а Боримскую гавань арапи мескецкіе разорили, и никого нѣтъ; тамъ перла родятся. Магмутъ желаетъ себе утвердить совершеннимъ шахомъ и посилаетъ въ свои провинціи, кандагарскую и авганскую, зъ Гиспаганѣ доволніе денги ко удоволствованію своего войска, чтобъ оное привести въ Іспагань для своего утвержденія и для завладѣнія другихъ провинцій, а при немъ войска собственного 6000, въ якомъ числѣ природнихъ авганцовъ 4000, да испаганскихъ 2000, да старихъ персіянъ, которіе називаются габре 1000, да и съ Кандагаръ ожидаютъ 14000, да Сисанской провинціи, которая близъ Кандагаръ, 1200 семей въ Іспагань присланы и ту поселени и еще надѣются. Жалованне всѣмъ военнимъ платитъ Магмутъ доволне, а авганцамъ недаетъ, толко доволствуются въ партіяхъ; и авганци, какъ слишно, и другіе военніе люде, въ Іспаганѣ зъ долгого життя, скучаютъ и намѣреніе имѣютъ многіи во свой край, и нѣсколко сотъ за прошеніемъ—отпущенни со срокомъ до осени. Военніе люде персидскіе склонность имѣютъ къ Магмуту, а купецкіе и Гиспаганскіе жители и весь народъ желаютъ быть старому шаху, а за устрашеніемъ Махмута, явно говорить несмѣютъ о шаховомъ синѣ, которій въ Тевризе неизвѣстно, а Магмутъ гиспаганскимъ купцамъ даетъ денегъ въ торгъ по 10 р. и

20 р. чоловѣку и болшъ, а беретъ съ нихъ росту на мѣсяць съ рубля по 2 копѣйки персидскихъ. Первой минѣстръ Махмутовъ Аманулъ ханъ зовется. И таковую вѣдомость помянутий грузинецъ подписалъ латинскими лѣтерами тако: ego Iosephus Obesalamiani georgianus omnia propria manus subscriptione confirmo. Протчее не такъ нужное до знанія, въ особливой его изображено сказцѣ, толко тое прилагается, же персіяне отъ россіянъ имѣютъ страхъ за рекгулярное воинство и огненную стрелбу, о которой отъ грузинцовъ слишатъ.

Субота. 5. Сегодня обѣдалисмо у себе и зъ нами Іванъ Забѣла и Тимофѣй Скоропадскій, и Данило Галенковскій, и Василченко. У вечеру заболѣлемъ на жолудокъ, что мусѣлъ вомѣтовать.

Неделя. 6. Сегодня обѣдалисмо сами и съ нами Петракей. Губернаторъ Кандибѣ надъ нерекгулярними всѣми вручилъ. П. Федоръ дядко и Рощаковскій были у мене и позно отехали.

Понеделокъ. 7. Сегодня обѣдалисмо сами и съ нами Федоръ Чуйкевичъ. По обѣдѣ пріездилъ Іванъ Забѣла и просилъ къ себѣ, такъ же и отъ харковского полковника просили, але отмовилемся своимъ лѣченнемся.

Вовтор. 8. Сегодня рано заходилъ ко мнѣ полковникъ харковскій, просячи къ себѣ на обѣдъ, а обѣдалемъ зъ Тарновіотомъ, Шишкевичомъ и Петракіемъ. Вѣтеръ отъ мора третій день, якъ началъ вѣяти жестокій и води нагнало такъ много, что Кривуша ровомъ пойшла въ Волgу, якій бувъ сухъ всегда кромѣ весни.

Середа. 9. Сегодня вѣтеръ тотъ же не переставалъ и еще болше води нагналъ. Вѣжевскому на росходъ далемъ 10 р. Бремеръ лѣкаръ былъ у мене и обявлялъ о себѣ, что по ордеру князя Урусова, едетъ въ Ярки и Гилянь. Окончилемъ лѣкарство свое.

Четвер. 10. Сегодня обѣдалисмо сами у себе. По обѣдѣ лазня загорѣлася была. Козакъ Краснокутской сотнѣ, ахтирского полку, варилъ пиво у насъ, четверть ячменю, а тое раздѣлилъ на двое и всипалъ въ солодъ окропу вѣдеръ зъ 16 московскихъ, когда жъ постоялъ окропъ год. зъ 4 на солоду, то оную кашу знову въ казанѣ варилъ, а потомъ широтваси сипалъ, отколь и пиво спус-

калъ, якое знову зъ хмелемъ варилъ долго часовъ зъ 2, а хмелю на четверть, то есть на бочку пива всипалъ 4 фунта, когда жъ прохолонуло пиво, въ тотчасъ задалъ дружчами.

Пятокъ. 11. Сегодня волний пургансъ принималемъ въ кафектѣ, и обѣдалисмо у себе зъ Якубовичомъ. Ездилемъ у вечеру до п. Стефана Миклашевского и тамъ у лазнѣ милемъся.

Субота. 12. Сегодня рано ездилемъ зъ Андрѣемъ Миклашевскимъ до генерала маіора губернатора здешнего и именинами его поздоровилисмо, а службы Божой въ соборной церквѣ вислухавши, обѣдалемъ у Івана Забѣли и Тимофѣя Скоропадского. Купилемъ чубукъ за полтину у лавцѣ.

Неделя. 13. Сегодня слухалемъ службы Божой въ соборной церквѣ, а обѣдалемъ у губернатора, и со мною полковникъ харковскій, Андрей Миклашевскій, Дорошенко и Демянъ Бутовичъ. Пароксисмъ припалъ мнѣ фебри, чего ради и отъ губернатора передомъ отехалемъ. Генералъ маіоръ Дебриней, інженѣръ, пріехалъ зъ Низу въ Астрахань.

Понеделокъ. 14. Сегодня Вѣжевскому далемъ на росходъ 10 р. Обѣдалисмо сами и съ нами Данило Галенковскій. По обѣдѣ присилалъ ко мнѣ князь Василій Алексѣевичъ Урусовъ зъ обявленіемъ, что ему синъ родился, до которого ездилемъ и родившой далемъ дуката у 2 червоннихъ.

Вовтор. 15. Еропкинъ, полковникъ, пріехалъ сюда въ Астрахань, которій сказивалъ: 1-mo, что онъ всю команду привелъ въ Сулакъ и отдалъ оную генералу маіору Кропотову; 2-do, надъ нерекгулярними князь Долгорукій вручилъ коменду полковнику ростовского пѣхотного полку Чирикову. 3-tio, Комѣсѣя межовая неокончилась за отездомъ зъ оной селескеръ паши. 4-to, Даутбекъ многіе противности противъ нашей показивалъ сторони. 5-to, бунчуковіе всѣ бывшіе на низовой, передомъ его отехали, моремъ, сюда въ Астрахань, которихъ и по сію пору нѣтъ; 6-to, за Дербентомъ, около низовой и далѣй корми конскіе суть израдніе. Рано ездилемъ до генерала маіора Дебринея Петра Петровича, да до его жъ и по обѣдѣ знову ездилемъ зъ Еропкинимъ, отъ брегадира

Андрея Петровича Остафѣева, и оттуду знову до брегадира, а оттоль на квартеру Еропкина, где и ночовалемъ зъ нимъ. Онъ же Еропкинъ и тое сказалъ, что Даутбекъ по вѣдомости шпіона писалъ до Сурхая Максюти, Усмея и въ владѣніе шафкалское, чтобъ они согласясь собрались съ своимъ войскомъ на нашъ корпусъ, але Максюта отписалъ до Даутбека, я, мовитъ, добрий человѣкъ самъ себе буду защищать, а ти, если добрій человѣкъ, самъ себе защищай.

Середа. 16. Сегодня обѣдали мы у себе и съ нами п. Федоръ дядко, Раковичъ, Дорошенко и Юско Василченко. Получилемъ пакетъ отъ п. Михайла зъ писмами до многихъ бунчуковихъ, между якими и отъ его, п. Михайла, писмо до мене зъ Барабашевого байраку писанное 23-го септ., въ якомъ виражаетъ: 1-mo, что полковникъ гадяцкій померъ; 2-do, полковникъ Миргородскій, такъ же Семенъ Лизогубъ и Андрей Горленко зъ С. П. Бурху въ доми пріехали; 3-tio, Глуховъ вигорѣлъ увесь, такъ же и Гадячъ.—Полковникъ Еропкинъ отехалъ вверхъ до князь Михайла Михайловича Голицина, а мнѣ оставилъ писмо до губернатора здешнего писанное обо мнѣ, якое у вечеру бувши у полковника харковского отобралемъ у него.

Четвер. 17. Сегодня рано ездилемъ въ городъ и по службѣ Божой былъ у брегадира Остафѣева, которому и писма отдалемъ до пересилки въ Царицинъ, якіе онъ и отослалъ на почту; а писма: 1) до Еропкина полковника зъ прошеніемъ прощенія, что при отездѣ его я не былъ и чтобъ князя въ Харковъ пріехавши просилъ объ листъ сюда обо мнѣ, и листи мои, въ домъ належніе, отослалъ бы въ Ахтирку; 2) листъ до полковника ахтирского зъ обявленіемъ о моемъ состояніи; 3) до род. о моемъ же поведеніи и висилцѣ виправи; 4) до жени о томъ же, да тамъ же и п. Федора дядка до жени его включенъ листъ. Обѣдалемъ въ себѣ зъ сожителемъ. Дорошенко прислалъ мнѣ своего табаку 20 папушъ. Отъ Кандиби увѣдомилемся, что Барановскій, бунчуковий товарищъ, въ походѣ нинѣшномъ противъ Кумтаркаловъ померъ.

Пятокъ. 18. Сегодня посѣщалъ мене секретарь губернскій Толмачовъ. Іванъ Кулябка принюсъ ко мнѣ абрисъ двора губернаторского.

Субота. 19. Сегодня обѣдали у насъ Миклашевскій Андрей и Панкевичъ. Еропкинъ полковникъ пріехалъ, чили повернулся назадъ для того, что крига великая начала ити.

Неделя. 20. Сегодня рано былъ я уполковника Еропкина, которій сказивалъ про комѣсѣю межовую, что оная не состоялася, зъ тихъ по конектурахъ причинъ, что прамой линѣи, веденной отъ села, близъ Шамахи будучого, названного Набутъ, до горъ, противъ рѣки Самура именуемой, отъ мора прамою жъ линѣею 18 часовъ езди въ гору, досталися въ государство Россійскоо Шатъ гора и городъ новопоселенній Даутбека Тенге и что въ Арменѣи Сикгнацкой армени на 40000 турковъ вибили. Обѣдалъ я у себе, а по обѣдъ ездилъ до секретара Толмачова и куми жени его и до атютантши Вороновой, и просилъ ихъ на завтрее къ себѣ на обѣдъ. Получилемъ листъ отъ Залюбовского, зъ Астраханѣ, что они 1-го октовр. пріехали въ Царицинъ, а 8-го октовр. накупивши коней и вози поопрaвлявши, отехали домой.

Понеделокъ. 21. Сегодня обѣдали у насъ Ивановскій зъ женою, зятемъ и дочерю, секретарь Толмачовъ зъ женою жъ, Воронова и секретарша Остафѣева.

Вовтор. 22. Сегодня рано пріехали сюда въ Астрахань останніе бунчуковіе товарищи, бывшіе на низовой, Иванъ Миклашевскій, Григор. Гамалѣя, Василь Томара, Федоръ Заборовскій, Ломиковскій, Кованка, Ширай, Солонини два, Карпѣка, бѣдствовавшіе на морѣ цѣлий мѣсяць, да еще едва не згорѣли, поневажъ гекботъ загорѣлся былъ и заледво утушили, а Дмитро Домонтовичъ на морѣ померъ и вкиненъ въ море. Обѣдалемъ у себе и зъ нами Федоръ Заборовскій, Дефаршъ, Тризничъ и Тарнавіотъ; по обѣдѣ былемъ у Николая Григоріева, а потомъ ездилемъ до Еропкина и оттоль до Миклашевскихъ, где изъ пріежджими видѣлемся. Вѣжевскому далемъ на росходъ 10 р.

Середа. 23. Сегодня обѣдалисмо у себе. По обѣдѣ ездилемъ до Еропкина, где съ нимъ, губернаторомъ и Змеіовимъ играли въ карти, при виграшу моемъ 11 р.

Четвер. 24. Сегодня далемъ Гаврилови 100 р., въ чомъ и росписался (не сегодня але вчора). Купилемъ мѣди пудовъ 3, фунтъ по 9 шаговъ. Обѣдали у губернатора, на тезоименитство ея величества, и до ночи гуляли. Вѣжевскому 15 р. далемъ на росходъ же.

Пятокъ. 25. Сегодня рано былъ у мене штапъ лѣкаръ губернскій Миллеръ, а по обѣдѣ ездилемъ до Еропкина, где съ нимъ, губернаторомъ и Змеіовимъ игралемъ въ карти, при маломъ проиграшѣ моемъ.

Субота. 26. Сегодня ездилемъ до Еропкина, где и обѣдалемъ, оттуду ездилемъ до Миклашевскихъ и тамъ посидѣвши, пріехалемъ на свою квартеру.

Неделя. 27. Сегодня ездилемъ до князя Урусова и обѣдалемъ тамъ со многими, понеже у его рождшійся синъ крещенъ былъ и тамъ подпіяхомъ; оттуду зъ Змеіовимъ заездили до брегадира Остафѣева и тамъ посидѣвши, пріехалемъ позно до своей квартири. Волга стала.

Понеделокъ. 28. Сегодня обѣдалисмо сами у себе, а съ нами Василченко. Ездилемъ до судна осматривать. Вѣжевскому далемъ 10 р. на росходъ.

Вовтор. 25. Сегодня обѣдалъ я у князя Михайла Дмитріева Уракина, где губернаторъ и протчіе были и игралисмо въ карти при проиграшу 15 р. Александръ Еропкинъ пріехалъ отъ Румянцова, посланний до С. П. Бурху, въ Астрахань. Лошадѣ Еропкина и дракгуны, тако жъ козаковъ 200 прійшло зъ Сулаку донскихъ, ходившихъ зъ Краснощоченкомъ.

Середа. 30. Сегодня далъ я Гаврилови 100 р., въ чомъ онъ и росписался. Вѣжевскому на росходъ далемъ 10 р. Обѣдалисмо сами у себе, а по обѣдѣ ездилемъ до Еропкина и оттуду заездилемъ до Миклашевскихъ.

Мѣсяць Декавр. Четвер. 1. Сегодня рано ездилемъ до Еропкина, а обѣдалъ у губернатора. Попростился я зъ полковникомъ Еропкинимъ и братомъ его Александромъ, которіи сегодня отехали въ Царицинъ нагорною стороною; да ему жъ я и листи тіе отдалъ, якіе писани ноевр. 17-го.

Пятокъ. 2. Сегодня рано посѣщалъ мене Василь Томара и Панченко.

Субота. 3. Сегодня обѣдалъ я дома, а съ нами Якубовичъ. По обѣдѣ ездилемъ до дядка п. Федора и Кандиби. Пріехалъ Худолѣй и обявилъ, что Алексѣй пріехалъ въ Сулакъ зъ горѣлкою; онъ же привезлъ мнѣ отъ Демяна грошей 250 р., а 40 р. винялъ Демянъ для тамошней потребы ради перевозу горѣлки зъ ретранжаменту въ Сулакъ.

Неделя. 4. Сегодня службы Божой слухалисмо въ арменской церкви и присмотрувались тамошнимъ церемонѣямъ, где: 1-mo, священникъ въ митрѣ службу Божую служилъ; 2-do, діаконовъ съ нимъ два служили, чили другий паламаръ вмѣсто діакона, въ стихарахъ. 3-tio, священникъ когда передъ службою благословилъ читать часи, то по перемѣнамъ на обоихъ крилосахъ всѣ разомъ говорятъ часи; 4-to, а якъ священникъ виходилъ кадить въ церковь, то передъ нимъ ишолъ паламаръ зъ свѣчою, а за нимъ діяконъ, а потомъ священникъ; 5-to, попи арменскіе въ церкѣ въ плащахъ темного сукна стоятъ; 6-to, люде въ церквѣ стоятъ, а инніе вмѣсто колѣнопреклоненія на колѣнахъ сидятъ, а иншіе жъ въ шапкахъ стоятъ, когда не такъ важная отправляется церемонѣя; 7-mo, діяконъ Евангеліе и чтецъ апостолъ обернувшись до людей читаютъ. Обѣдалемъ у Миклашевского Андрѣя, а по обѣдѣ ездилисмо до подполковника Неилова кидать лотъ за лошадь, где и я одинъ лотъ за рубля металъ, потомъ зъ губернаторомъ Змеіовимъ и Андрѣемъ Миклашевскимъ игралъ въ карти, при проиграшѣ 12 р.

Понеделокъ. 5. Сегодня обѣдалисмо сами у себе и нѣкуда не ездилемъ. Въ лазнѣ милемся.

Во вторникъ. 6. Сегодня на службѣ Божой были у Николая святого, а обѣдали у себе и зъ нами Якимъ Горленко. Реестра отъ Демяна присланніе раховалемъ, въ которихъ показалось, что продалъ онъ тютюну папушъ 10800, а взялъ грошей 456 р. и 2 грив., прислалъ 350 р., а оставилъ у себе 40 р., а въ росходѣ 63 р. и 4 грив., а въ росходѣ папушъ 270.

Середа. 7. Сегодня ездилемъ рано на базаръ татарскій, где толко купилемъ казанъ у 6 албо 7 фунтовъ. Обѣдалисмо у себе сами, а у вечеру посѣщалъ мене атютантъ губернаторскій князь Ураковъ.

Четвер. 8. Сегодня обѣдалемъ у генерала Дебринея, где и много было гостей и до ночи забавилемся. Гаврило купилъ мнѣ татарчука малого за 15 р., Чамбулатъ. Гаврилу далемъ на колмичатъ и на судно 70 р., въ чомъ онъ и росписался.

Пятокъ. 9. Сегодня на службѣ Божой былисмо въ святого Николая, але здесь зачатія Пресвятой Б—ци непразднуютъ. Гаврило купилъ мнѣ другого малого за 13 р., але поболшого мало, именемъ „ “, каракалпачина.

Субота. 10. Сегодня кушалисмо сами у себе. Подпорутчикъ гвардіи Федоръ Іановичъ Ушаковъ пріехалъ зъ С. П. Бурха, зъ которимъ видѣлся я и увѣдомился, что: 1-mo, указъ объ отпуску насъ состоялся въ С. П. Бурху; 2-do, въ послѣднихъ числахъ октовр. мѣсяця великое наводненіе было въ С. П. Бурсѣ, зъ немалимъ многихъ убиткомъ; 3-tio, черезъ его посилается кавалерія Дацкого короля къ князю Долгорукову; 4-to, въ Сулакъ на перемѣну Кропотову опредѣленъ генералъ маіоръ Артемей Загразкій; 5-to, въ Глуховѣ при колегіи вицъ президентомъ Арсеніевъ, а другіе члени безперемѣнни. У лазнѣ милемся.

Неделя. 11. Сегодня былъ я у губернатора рано, а по службѣ Божой на водцѣ у подполковника Неилова, а обѣдалъ у себе и съ нами п. Федоръ дядко и Раковичъ. Отослалемъ до Ушакова листъ и 2 бутилки водки г. Румянцову, до отдачи въ Дербентѣ. У вечеру ездилемъ въ городъ и былъ у арменина Скандара Мартиновича, где губернаторъ и протчіе били и сидѣли до позна. Вѣжевскій зъ росходнихъ грошей позичилъ 4 р. козакамъ городисской сотнѣ полку лубенского Олексѣ Левченку и Остапу Донцю. Вѣжевскому на росходъ далемъ 9 р.

Понеделокъ. 12. Сегодня обѣдалисмо сами у себе. Далемъ Гаврилови на судно 20 р. Отехалъ въ Сулакъ сухимъ путемъ Федоръ Ушаковъ, черезъ которого писалемъ до Демяна о покупкѣ татарчука и дѣвчонки, тако жъ лисиць чорнихъ и бѣлихъ и котовъ

дикихъ; а тое писмо включено въ листѣ до обозного писанномъ, о нашемъ отпуску состоявшомся въ С. П. Бурсѣ и ихъ. Ездилемъ до Змеіова и тамъ просидѣлемъ.

Вовтор. 13. Сегодня обѣдалисмо сами и съ нами Томара и Панкевичъ. По обѣдѣ, ездилисмо на базаръ, где купилемъ пушку [1]) за 2 р. черепашную.

Середа. 14. Сегодня зъ Тарновіотомъ былисмо у Томари, где и обѣдали, а по обѣдѣ ездилемъ до Змеіова, оттуду ходилъ зъ капитаномъ Лѣнце до Дефарша и оттоль до штапъ лѣкара и тамъ посидѣвши, пріехалемъ на свою квартеру.

Четвер. 15. Сегодня обѣдалисмо сами, а по обѣдѣ ездили въ ради індійскіе, где иншого нѣчого невидѣли кромѣ что индійци сѣмя конопляное зъ водою ростерши, тое зъ опіумъ пьють. Да тамъ же торговали шовкъ добрій, которому красную цену за полъ 7 зол. фунтъ обявлено. Назадъ едучи, заездили до обоихъ Миклашевскихъ.

Пятокъ. 16. Сегодня въ квартерѣ своей сидѣли. Водку рожевую дѣлать такъ: на платъ широкій накласти рожи и положити оній на верхъ казанка чистого, да зверху другимъ наложить казанкомъ, и обмазать, чтобъ держались и въ землю вкопать до половини верхного казанка, а на верхъ оного класти поволній жаръ, рожа въ серединѣ будучая отъ духу сокъ пуститъ и черезъ платъ потечетъ до дна.

Субота. 17. Сегодня обѣдалисмо сами у себе. По обѣдѣ ездилемъ до Змеіова, оттуду у брегадира Остафѣева былъ, а оттоль заехалемъ до Комарскаго и въ свою пріехалемъ квартеру. Воейковъ, капитанъ отъ артиллеріи, сказивалъ, что кгранятъ алмазъ трипеліомъ да козловимъ молокомъ, да еще краснимъ каменемъ, которимъ слюсари полиръ дѣлаютъ на желѣзѣ, да кгранятъ на кругу оловяномъ.

Неделя. 18. Сегодня обѣдалисмо у Якубовича, а оттуду пріехавши на квартеру потомъ ездилемъ до Тихона Демидова на ве-

---

[1]) Табакерку.

черинку, где игралъ зъ губернаторомъ, зъ брегадиромъ Остафѣевимъ и зъ Змеіовимъ, въ карти и вигралъ 7 р. Получилемъ писмо отъ артир. полковника 10-го ноевр. отпущенное, въ якомъ ознаймуетъ, что князь Михайло Михайловичъ будто о мнѣ писалъ до Матюшкина и знову до князя Долгорукова объ отпуску моемъ писать обѣщалъ.

Понеделокъ. 19. Сегодня обѣдалисмо сами у себе и никуда зъ квартири не ездилъ. Стефанъ Миклашевскій поехалъ зъ протчіими въ домъ на реверсъ, черезъ которого писалемъ: 1) до родителя и родителки о своемъ поваженню зъ прошеніемъ о тютюнних денгахъ, 2) до жени—о висилцѣ зимнимъ путемъ виправи; 3) до ясневел. о своемъ же поваженню 4) до Веляминова такожъ, 5) и до п. Михайла, 6) до ахтирского полковника зъ отвѣтствіемъ на его писмо вчора полученное.

Вовтор. 20. Сегодня никуда, кромѣ церкви, неездилемъ.

Середа. 21. Сегодня обѣдалисмо сами у себе, а по обѣдѣ посѣщалъ мене капитанъ порутчикъ отъ артиллеріи Лѣнце, которому и 10 папушъ тютюну далось.

Четвер. 22. Сегодня кромѣ церкви нѣгде не были. У лазнѣ мились.

Пятокъ. 23. Сегодня рано отецъ Павелъ былъ у насъ зъ молитвою. Онъ же татарчуковъ моихъ обоихъ огласилъ и имена далъ, Батакою болшому имя Урвана апостола, а меншому Чамбулату имя Амплія апостола, которихъ память октовр. 31-го. Вѣжевскому далемъ 10 р. на росходъ.

Субота. Сегодня были мы у церквѣ ст. Іоанна Златоуст. и тамъ коммунѣковались, а по службѣ заходили до Андрѣя Марковича, сумского наказ. полковника, и оттуду домой пріехали. До Змеіови посилалемъ барилце водки и дулевой фляшу.

Неделя. Рождество Х-во. 25. Сегодня были мы зъ поздравленіемъ губернатора и службы Божой въ соборѣ слухали, где губернаторъ зъ другими архиерейскими пѣвчими спѣвалъ службу Божую зъ партесной ноти. По обѣдѣ ездилисмо до п. Федора дядка и Стефана Гамалѣи, оттуда были у генерала маіора Дебринея,—Зъ С. П. Бурху пріехалъ сюда кондукторъ, посиланний туда отъ пол-

ковника Дебринея, который сказивалъ, что Воронова на семъ боцѣ Москви стрѣтилъ.

Понеделокъ. 26. Сегодня обѣдалисмо сами у себе, а по обѣдѣ визиту учинили Вороновой атютантшѣ новой. Писалемъ листъ до Демяна о покупцѣ футеръ лисѣхъ и другихъ и чтобъ Алексѣй сюда ехалъ сухимъ путемъ, при певной и надежной окказѣи, и оній листъ Худолѣй отнюсъ до Савичовъ, а они своего человѣка мѣли посилать до Сулаку.

Вовтор. 27. Сегодня ездилисмо въ городъ на службу Божую, а по службѣ былъ я у генерала маіора Дебринея, обѣдалисмо сами и Якубовичъ въ квартирѣ своей; по обѣдѣ ходили до Кулябки и до Якима Горленка, и оттуду назадъ повернулись.

Середа. 28. Сегодня въ городъ же ездили на службу, а обѣдали у себе и съ нами Федоръ Чуйкевичъ, по обѣдѣ пріездили Степанъ Бутовичъ, Іванъ Забѣла и Федоръ Заборовскій.

Четвер. 29. Сегодня обѣдалимо сами и съ нами Костенецкій. По обѣдѣ ездилисмо до дворця Государевого, оттуду до Костенецкого зъ Андреемъ Миклашевскимъ заездили, и въ нашу пріехали квартиру.

Пятокъ. 30. Сегодня обѣдалисмо сами, а съ нами хазяйнъ Степанъ Васил. По обѣдѣ ездилемъ до князя Уракова, оттуду былъ у губернатора, а оттоль въ квартеру, отколь зъ Тарновіотомъ и Якубовичемъ ездилемъ до Трощинскихъ. Платонъ за груши собою взятіе наказанъ публѣчно. Зъ розговору бывшого зъ хазаиномъ своимъ увѣдомилемся, что 1-mo, колмики чорніе великую часть Азіи собою занимаютъ и ихъ на нѣсколько сотъ тисячъ собирается, а ихъ владѣтель Аюка Контайша; да въ нихъ же манѣфектури розніе дѣлаются и китайки, якіе у насъ китайскими сливутъ; подъ того жъ Контайши владѣніемъ былъ и ханъ колмицкій зъ сими колмиками, которій, утекши отъ оного, поддался подъ руку россійскихъ монарховъ. 2-do, оніе жъ колмики чорніе не въ давномъ времени каракалпаковъ побѣдивши и городъ ихъ столечній тутъ Костанъ засѣли, отъ чего они теперъ за Яикомъ около Енбы рѣки кучуютъ. 3-tio, за каракалпаки тожъ кучуючіе народи називаются особливимъ

именемъ козаки. 4-to, въ провинціи царству персидскому принадлежной, называючойся Курасанъ, отъ Бухарской сторони, надъ Каспѣйскимъ моремъ лежачой, есть городъ где мечеть золотий зовется, для того, что стѣни въ немъ бляхами золотими, товщиною у копѣйку мѣдяную, оббитіе суть, а то для того, что будто тамъ якійся персидскій святець лежитъ, а туда со всей Персѣй знатніе запроважуются умершіе, ради погребенія тамъ. 5-to, Въ індійской Мугола монархѣи есть пограничний отъ Бухаръ городъ, называючійся Мадаскань, въ якомъ войска его винайшлося было на 700000.

Субота. 31. Сегодня рано заездилъ ко мнѣ на квартиру Василь Томара, и обѣдалисмо сами и зъ Якубовичемъ; по обѣдѣ ездилемъ зъ Худолѣемъ до Дорошенка на квартиру его, а оттуду до своей пріехалисмо.

конецъ.

1727 годъ.

Януарій мѣсяць. Неделя 1. Сегодня рано былъ я зъ поздравленіемъ нового году у генерала маіора Дебринея, у князя Урусова и у губернатора. По службѣ заходилемъ до секретара Толмачова и тамъ водки випивши, пріехалемъ на квартеру свою, а обѣдалемъ у генерала Дебринея, где братъ царя грузинского Вахтанга, губернаторъ и протчіе были, и у вечеру пріехалемъ въ свою квартеру.

Понеделокъ. 2. Сегодня обѣдалисмо сами и съ нами Якубовичъ. По обѣдѣ ездилисмо до адмиралтейской пристани, где гекботи дѣлаются; оттуду до Борзенъ и Миклашевскихъ, оттоль до своей квартири. Роднѣцкій, слуга брата п. Андрѣя, отехалъ зъ Астраханѣ домой, черезъ которого писалемъ до родителя о своемъ поваженню и зъ поздравленіемъ нового году, также и до родителки, до жени о томъ же и о висилцѣ виправи завременно, и до п. Андрѣя брата зъ поздоровленнемъ.

Вовтор. 3. Сегодня обѣдалисмо сами у квартерѣ своей, а передъ обѣдомъ ездилисмо на базаръ татарскій, где нѣчого незискалисмо купить, толко теленка за 8 копѣекъ, а по обѣдѣ ездилъ я до Багданова секретара, где позабавившись мало, зайшолъ до Микла-

шевскихъ и тутъ зъ дядкомъ п. Федоромъ и протчіими забавился. Комендантъ здешній астраханскій брегадиръ Остафѣевъ, призвавши къ себѣ Кандибу, обявилъ ордеръ на писмѣ губернаторскій, чтобъ малороссійскіе и слободскіе казаки, такъ же бы и товариство бунчуковое, виездили отсюду немедленно въ Красний яръ, того ради, что зде утѣсненіе дѣлается въ квартирахъ, яковий ордеръ и намъ былъ отъ Кандибы каммунѣкованъ.

Середа. 4. Сегодня рано заездилисмося въ Спасскій монастиръ, на квартиру Якова Жураковского, где составивши доношеніе до губернатора, чтобъ намъ не зездить въ Красний Яръ, пойшлы зъ онимъ до его Кандиба, Якимъ Гречаний, Павелъ Раковичъ и Рощаковскій и упросили его, чтобъ быть по прежнему на квартирахъ, такой ради барзѣй причини, что получилъ онъ указъ сенатскій и ордеръ князь Василія Володимеровича Долгорукого болнихъ товарищей бунчуковихъ отпустить въ доми ихъ, а о пресселеніи нашемъ приговоръ знать по недоброхотству Остафѣева состоялся, которий и кричалъ на нашихъ, хвалися зъ квартеръ збыть. Былъ я рано у Губернатора, оттоль пріехалемъ домой, где кушалисмо сами, а по обѣдѣ ездилисмо до почтмейстра Давида Кузмѣча, где п. Федора дядка и другихъ сожителей его засталемъ, оттуду былемъ у Змеіова, у штапъ лѣкара, аптекара и въ квартеру свою позно пріехалемъ. У лазнѣ милемся, за что пяній хазяинъ фуріи строилъ.

Четвер. 5. Сегодня рано былъ я у штапъ лѣкара и Змеіова, а по набоженствѣ кушалисмо у себе у вечеру. Генералъ маіоръ Дебриней отехалъ зъ Астраханѣ въ С. П. Бурхъ, которого пожекгналемъ.

Пятокъ. Богоявленіе. 6. Сегодня службы Божой слухалисмо у Николая ст., а по службѣ заходили до Миклашевскихъ, оттоль на воду ездили, где посвященіе было, оттуду пріехалемъ зъ Григоріемъ Гамалѣею до квартири, где и обѣдалисмо. По обѣдѣ посѣщалъ мене Давидъ Кузмичъ Воронинъ, почтмейстеръ, зъ которимъ ездилемъ до Івана Кулябки и Томари и, тамъ посидѣвши, повернулемся зъ своими до квартири позно.

Субота. 7. Сегодня обѣдалисмо сами, а съ нами Василь Зелененкій, по обѣдѣ ездилемъ до штапъ лѣкара, оттуду до дядка п. Федора, где зъ штапъ лѣкаромъ посидѣвши, були у Рощаковского, и въ свою пріехалемъ квартеру. Вѣжевскій зъ росходнихъ грошей позичилъ 4 р. козакамъ сотнѣ глуховской, Березовскимъ Демку, Сердюку да Евдокиму Кучеравенку, въ чомъ и писмо отъ нихъ взялъ. Томара былъ у вечеру въ мене, когда составлено доношеніе до губернатора объ учиненню смотру болнихъ и протчіихъ и отпуску.

Неделя. 8. Сегодня рано ездилемъ до Змеіова, а оттоль знову до своей квартири, откуду у вечеру ходилъ до Якима Горленка и Ширая. Хазяинови сегодня призвавши передъ себе виговорувалемъ о его предерзости прошлого дня пянственной показавшойся. Губернаторъ обѣдалъ у харковского полковника Квѣтки, у которого быть отмовилемся болемъ голови.

Понеделокъ. 9. Сегодня рано ездилъ я до Якова Жураховского, где многіе наши собирались и уговорили: 1-mo, реестръ о болнихъ составить; 2-do, зраховать зборщиковъ нашихъ Семену и Федору Чуйкевичамъ, Якиму Горленку, Рощаковскому и Зелененкому; 3-tio, чтобъ на чолобитную Голѣнковского писменно отвѣтствовали Григор. Гамалѣя зъ товарищи и бывшіе его. Обѣдалисмо сами, а по обѣдѣ посѣщалъ мене штапъ лѣкаръ Елснеръ.

Вовтор. 10. Сегодня обѣдалисмо въ себе и никуда не ездилъ. Вѣжевскому на росходъ далемъ 10 р. Купилемъ двоихъ малчиковъ болшого каракалпаченина и другого колмика за 26 р. У вечеру написалемъ пѣснь о оправданіи нашемъ предъ Богомъ, которая нижей сего положенна.

Середа. 11. Сегодня обѣдалисмо сами у себе и Юско Даниловичъ Василченко. Ему жъ Юску Василченку далемъ въ позику 5 р., а онъ запасъ на тое далъ. У вечеру ездилъ я до штапъ лѣкара и п. Федора дядка.

Четвер. 12. Сегодня ездилемъ рано до Змеіова и оттоль заездилемъ до Томари, а обѣдалисмо сами. Андрею Трощинскому позичилемъ 20 р. а онъ карту далъ на тое. По обѣдѣ ездилемъ до п. Федора дядка и оттоль въ квартеру самъ пріехалемъ.

Пятокъ. 13. Сегодня рано ездилъ я въ городъ до штапъ лѣкара, у которого зъ дядкомъ п. Федоромъ и протчіими былъ, а оттоль у князя Уракова и Змеіова Андрея Ивановича. Болнимъ компанѣи нашей чиненъ былъ въ Кремлѣ смотръ кгубернаторомъ и болѣзни всѣхъ прописани. У вечеру былъ у насъ п. Федоръ дядко и доволно зъ шумнимъ Худолѣемъ подишкуровали, а онъ упрамилъся. Індійци мертвого своего індійца за городомъ палили таковимъ порадкомъ: огней три разложено, зъ которихъ при одномъ музиканти ихъ сидѣли зъ телѣмбасомъ и пѣвчіи, и спѣвали пѣсни, а при другомъ огнѣ свойственний мертвого сидѣлъ, мертвій лежалъ покритій дуклею; къ свойственному прійшовши абизъ ихъ уговорувалъ его по своему обыкновенію, и когда собрались всѣ індійци, въ тотъ часъ на тѣло мертвого (знявши зъ его поняву) понакладали дрова гурою, а всѣ потомъ взявши по берестинѣ повкладали около мертвого, а за тѣло мертвого на примѣръ масла грудами позакладали и якъ тое все устроили, въ тотъ часъ абизъ води взявши въ суденцѣ обливалъ, округъ тѣла мертвого трижди обходячи, такъже и свойственний мертвого, обойшовши тѣло трижди, розбилъ збанъ зъ водою у головахъ мертвого и когда все тое учинилось, засмаженніе дрова надъ тѣломъ прійшовши індійци зъ запаленними берестинами отъ огня запалили, а такъ згорѣли дрова и тѣло, а висшепомянутая музика отправлялася черезъ увесь тотъ часъ, протчіеже індійци запаливши дрова, побрали всякъ по тресцѣ и, обернувшись отъ огня, черезъ себе тіе трѣски перекидали, и тое вчинивши, неоглядаючись заразъ розехались восвояси.

Субота 14. Сегодня въ своей квартирѣ и кушалисмо зъ Якубовичомъ и Юскомъ и дновалисмо. У лазнѣ мился.

Неделя. 15. Гаврилу далемъ на судно 50 р., въ чомъ онъ и росписался. Штапъ лѣкаръ зъ трома лѣкарами пріездилъ ко мнѣ и атестовалъ мене по дефекту моемъ и Турнавіота. Семенъ Чуйкевичъ бувъ у насъ и пожекгналъся съ нами, что мѣетъ вскорѣ ехать до своего дому. Федоръ Юрченко залѣцалъ зъ сварковскихъ людей Якова Василенка, да середулшого Гавриленка.

церкви т. XI, Спб. 1882 г. патріаршество въ Россіи книга II. М. (1882, № 4, 149—152).

1559. **Макарій**, (митрополитъ московскій и коломенскій). Исторія русской церкви т. XII. Спб. 1883 г. (съ портретомъ покойнаго автора). Т—скаго. (1883, № 5, 155—160).

1560. **Малорусскія** литературныя новинки 1885 г. W. (1885, № 12, 699—702).

1561. **Малышевскій** И. Житіе св. равноапостольнаго князя Владиміра. Спб. 1888 г. П. Голубовскаго. (1888, № 7, 29—33).

1562. **Малышевскій** И. Варяги въ начальной исторіи христіанства въ Кіевѣ. Кіевъ 1887 г. П. Голубовскаго. (1888, № 12, 61—65).

1563. **Мамышевъ** В. Жизнеописанія русскихъ военныхъ дѣятелей. Т. I, вып. 4-й. Спб. 1887 г. Генералъ отъ инфантеріи Михаилъ Андреевичъ графъ Милорадовичъ. М. (1888, № 9, 68—69).

1564. **Манджура** Иванъ. Степови думы та спивы. Спб. 1889 г. В. Г. (1889, № 9, 788—790).

1565. **Маркевичъ** А. О лѣтописяхъ. Изъ лекцій по русской исторіографіи. В. 1-й. Одесса 1883 г. П. Голубовскаго. (1883, № 8, 744—748).

1566. **Маркевичъ** А. Двадцатипятилѣтіе новороссійскаго университета. Историческая записка и академич. списки. Одесса. 1890 г. А. С—ча. (1891, № 9, 506—507).

1567. **Марковъ**. О достопамятностяхъ Чернигова. Черниговъ 1882 г П. Голубовскаго. (1883, № 8, 742—744).

1568. **Матвѣевъ** А. Къ вопросу объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Южной Россіи. Одесса. 1884 г. И. Каманина. (1885, № 10, 324—325).

1569. **Матеріалы** для исторіи подольской губерніи. Изд. редакц. Подольск. Губерн. Вѣдомостей. 1885 г. А. М—ча. (1885, № 8, 693—696).

1570. **Матеріалы** для историко-статистическаго описанія екатеринославской епархіи. Церкви и приходы XVIII ст. Вып. I. Екатеринославъ 1880 г. 8° 573 стр. (1882, № 3, 560—564).

1571. **Матеріалы** для исторіи воронежской и сосѣднихъ губерній. Воронежскіе акты; изд. воронежскаго статистическаго комитета т. I. Воронежъ 1887 г. Т. Шнейдеръ. (1887, № 11, 559—562).

1572. **Матеріалы** для оцѣнки земель херсонской губерніи т. II. Елисаветградскій уѣздъ. В. Я. (1887, № 2, 339—342).

1573. **Матеріалы** для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные черниговск. статист. отдѣленіемъ при губернск. земск. управѣ, т. XV. (Кролевецкій уѣздъ). А. Русова. (1888, № 1—3, 28—39).

1574. **Матченко** И. П. Св. равноапостольный князь Владиміръ просвѣтитель Руси. 900-лѣтіе крещенія Руси. Спб. 1889 г. П. Голубовскій. (1889, № 12, 646—654).

1575. **Маценко** В. А. Прилукщина. Историческое и статистическое описаніе территоріи прилуцкаго уѣзда полтавской губ. Въ 2-хъ частяхъ, съ картой уѣзда и съ планомъ города. Ромны 1888 г. Ѳ. Н. (1888 г. № 12, 67—71).

1576. **Межигорская** старина. Кіевъ 1885 г. К. Цыбульскаго. (1885, № 7, 497—500).

1577. **Межовъ** В. И. Русская историческая библіографія за 1865 — 1876 г. включительно. Т. 1—2. Спб. 1882 г. Н. П. (1882, № 9, 559).

1578. **Милорадовичи**: 1) Объ этомъ родѣ дворянъ и графовъ. Кіевъ 1871 г. 2) Сказаніе объ

этомъ родѣ дворянъ и графовъ. Кіевъ 1884 г. А. Лазаревскаго. (1884, № 10, 331—332).

1579. **Милорадовичъ** Андрей Степановичъ, покоритель Мачина въ 1771 г., губернаторъ черниговскаго намѣстничества († 1791 г.) съ приложеніемъ 57 писемъ къ нему. Изд. 2. Черниговъ 1887 г. А. Л. (1887, № 5, 171—172).

1580. **Мирный** П. Повія, романъ Ч. 1-а («Рада», украинскій альманахъ. Кіевъ, 1883 г.) В. Горленка. (1883, № 6, 366—370).

1581. **Мирный** П. Збираниця зъ рыдного поля. Приповистки, оповидання и драматычни твори. Кіевъ 1886 г. Бориса Познанскаго. (1886, № 7, 542—547).

1582. **Михайловскій** (кіевскій златоверхо) монастырь. Историч. очеркъ отъ основанія его до настоящаго времени. Изд. означеннаго монастыря. Кіевъ 1889 г. П. Голубовскаго. (1889, № 8, 556—559).

1583. **Михайловъ** В. Въ память празднованія 900-лѣтія крещенія русскаго народа. Москва 1888 г. П. Голубовскаго. (1888, № 9, 55—61).

1584. **Михалевичъ** И. Каменецъ-подольская гимназія. Историч. записка о 50-лѣтнемъ существованіи ея (1833—83). К. Подольскъ 1883 г. В. И. (1884, № 6, 323).

1585. **Михалевичъ** И. Подольская гимназія въ Винницѣ. Каменецъ-Подольскъ 1890 г. И. Каманина. (1890, № 10, 171—172).

1586. **Michow** H. Dr. Die altesten Karten von Russland, ein Beitrag zur historischen Geografie (Mit drei Karten und einer Skizzer) Hamburg 1884—91. N. S. (1885, № 2, 367—369).

1587. **Мицкевичъ** въ малорусскихъ передѣлкахъ и переводахъ. И. Новицкаго. (1885, № 12, 747—749).

1588. **Можетъ-ли** не подлежать сомнѣнію, что открытое въ Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ изображеніе князя есть древнѣйшее изображеніе св. князя Владиміра. П. Л. (1889, № 4, 233—236).

1589. **М. Л.** Поминки по пр. Филаретѣ, епископѣ рижскомъ, въ кишиневской дух. семинаріи, съ портретомъ его. Кишиневъ 1882 г. Л. Т. (1882, № 12, 576—582).

1590. **Мордовецъ** Д. Л. Оповидання. Спб. 1885 г. Г. (1885, № 8, 698—700).

1591. **Мордовцевъ** Д. Сагайдачный, историческая повѣсть. Спб. 1882 г. В. А. (1882, № 10, 134—142).

1592. **Moszyńska** Iósefa. Kupajło, tudzież zabawy doroczne i inne, z dodatkiem niektórych obrzędów i piesni weselnych ludu ukraińskiego z okolic Białej Cerkwi. W Krakowie. 1881 г. in 8°, стр. 78. Ив. Новицкаго. (1882, № 6, 527—529).

1593. **Музыкантовъ** П. Богданъ Хмельницкій въ войнахъ съ поляками. Состав. по «Исторіи козаковъ» Чарновскаго. Кіевъ 1889 г. И. Каманина. (1889, № 8, 564—566).

1594. **Мукаловъ** Н. Географія кіевской губерніи (учебное пособіе по родиновѣдѣнію). Кіевъ 1883 г. (1883, № 5, 164—166).

1595. **М—чъ** В. Т. Явленіе чудотворной иконы Богоматери въ Лѣснѣ, въ связи съ другими современными событіями на Руси. Варшава 1883 г. Фратеркулюса. (1883, № 9—10, 294—297).

1596. **Мякотинъ** В. Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ. Спб. 1889 Н. Любовича. (1891, № 3, 524—528).

1597. **Науменко** В. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорус-

ской рѣчи. Кіевъ 1889 г. А. Степовичъ. (1889, № 10, 210—214).

1598. **Neyman** C. Dumy ukraiń-skie. Rzecz o eposie kozackim rusinów. Odbitka z «Ateneum» z 1885 r. А. С—ка (1886, № 5, 153—156).

1599. **Николайчикъ** Ѳ. Д. Городъ Кременчукъ. Историческій очеркъ. Спб. 1891 г. Н. В. (1891, № 11, 333—334).

1600. **Новицкій** Григорій. Краткое описаніе о народѣ Остяцкомъ, сочиненное въ 1715 г. Спб. 1884 г. Н. Ѳ. Сумцова. (1885, № 3, 551—552).

1601. **Новицкій** Орестъ. Духоборцы, ихъ исторія и вѣроученіе. Изд. 2-е, передѣланное и дополненное. Кіевъ. 1882 г. Н. П. (1882, № 4, 140—147).

1602. **Новороссійскій** календарь на 1891 г. Одесса 1890 г. (1891, № 2, 365—367).

1603. **Новыя** статистико-географическія данныя объ одесскомъ уѣздѣ. И. Каманина. (1888, № 10, 1—).

1604. **Нѣсколько** словъ польскому рецензенту малорусскихъ книжекъ. Б. Познанскаго. (1886, № 12, 737—741).

1605. **Обозрѣніе** Губернскихъ и Епархіальныхъ Вѣдомостей. (1890, № 6, 579—583).

1606. **Обозрѣніе** журналовъ и газетъ. (1888 г., №№ 1—6, 8—12; 1889 г., №№ 1—11; 1890 г. №№ 1—2, 4, 6—12; 1891 г., №№ 1—7, 9—12).

1607. **Оглоблинъ** Н. Н. Обозрѣніе историко-географическихъ матеріаловъ XVII и нач. XVIII в., заключающихся въ книгахъ разряднаго приказа. Москва 1884 г. А. М—ча. (1885, № 8, 696—698).

1608. **Оглоблинъ** Н. Н. Провинціальные архивы въ XVII в. (Очеркъ изъ исторіи архивнаго дѣла въ Россіи). Спб. 1886 г. И. Каманина (1888, № 5, 33—37).

1609. **Огоновскій** Омельянъ. Коротка исторія литературы руской. Н. С. (1887, № 2, 345—349).

1610. **Одинцовъ** И. Ѳ. Уніатское богослуженіе въ XVII и XVIII вѣкахъ по рукописямъ виленской публичной библіотеки. Вильна 1886 г. К. Цыбульскаго. (1886, № 12, 723—728).

1611. **Основьяненко** Грицько. Повѣсти и разсказы т. IV. Харьковъ 1890 г. (1891, № 3, 534—538).

1612. **Островерховъ** Н. Л. (каменецъ-подольск. уѣздный воин. нач., полковн.) Каменецъ-Подольскъ. Ив. Н. (1882, № 11, 363—365).

1613. **Острогорскій.** Учебникъ русской исторіи, элементарный курсъ. Съ рисунками, картами, таблицами и вопросами для повторенія. Для III класса гимназій и реальныхъ училищъ. Спб. 1891 г. П. Г. (1891, № 8, 338—342).

1614. **Отчетъ** замостьскаго свято-Никольскаго церковнаго братства за время съ 9-го мая 1882 г. по 9-мая 1883 г. Замостье. Посторонняго. (1883, № 7,566—572).

1615 **Отчетъ** Имп. одесскаго общества исторіи и древностей съ 14 ноября 1884 г. по 19 ноября 1885 года. Одесса 1886 г. И. Каманина. (1886, № 5, 347—483).

1616. **Отчетъ** Имп. Одесскаго Общества исторіи и древностей съ 14-го ноября 1886 года по 14 ноября 1887 г. Одесса 1888 г. (1888, № 5, 39—42).

1617. **Отчетъ** холмскаго православнаго Свято-Богородицкаго братства за 1884—5 (шестой) г. К. Цыбульскаго. (1889, № 7, 547—552).

1618. **О** фрескахъ лѣстницы Кіево-Софійскаго собора. Спб. 1888.

Н. С. (1888, № 7, 20—22).

1619. **Очеркъ** о результатахъ дѣятельности кременчугскаго городскаго общественнаго управленія за шестнадцать лѣтъ, съ 1872 по 1888 годъ. Кременчугъ 1888 г. Ѳ. Н. (1889, № 7, 312—315).

1620. **П. Л.** Городъ Чернобыль (кіевской губ.), описанный отставнымъ военнымъ. Кіевъ 1884 т. В. Г—ка. (1884, № 1, 149—151).

1621. **Павловскій** И. Ф. Историческій очеркъ петровскаго полтавскаго кадетскаго корпуса (1840—1890). По оффиціальнымъ даннымъ. Полтава 1890 г. Н. В. (1891, № 2, 367—370).

1622. **Палимпсестовъ** И. Степи юга Россіи были ли искони степями и возможно ли облѣсить ихъ. (Зап. Имп. Общ. сел. хоз. Ю. Р, 1889 г.). (1890, № 5, 395).

1623. **Памятная** книжка Волынской губерніи на 1888 годъ. Изд. Волынскаго Губерн. статист. комитета. Сост. подъ редакц. И. Ф. Мацкевича. Житоміръ 1887 г. А. С—ча. (1888, № 11. 57—60).

1624. **Памятная** книжка волынской губ. на 1889 г. Изд. Волынскаго губернскаго статистическаго комитета. Сост. надъ редакц. члена-секретаря комитета И. Ф. Мацкевича. Житоміръ 1888 г. Арк. Лященка. (1889, № 10, 219—220)

1625. **Памятная** книжка волынской губерніи на 1890 г. Изд. волынск. статист. комитета. Сост. подъ ред. члена секретаря И. Ф Мацкевича. Житоміръ 1889 г. Ар. Л—нко. (1890, № 2, 370—371).

1626. **Памятная** книжка волынской губерніи, изд. волынск. губернск. статист. комитета. Сост. подъ ред. члена секретаря комитета И. Ф. Мацкевича. Житоміръ 1890 г. Арк. Л—нка. (1891, № 4, 173—174).

1627. **Памятная** книжка конотопскаго земства 1865—1890 гг. Кіевъ 1890 г. Н. В. (1891, № 2, 363—365).

1628. **Памятная** книжка гродненской губерніи на 1890 годъ. Изд. гродн. статист. ком. Гродно. 1889 года. М. Довнаръ-Запольскій. (1891, № 10, 164—165).

1629. **Партыцкій** О. Темний мѣстця въ «Словѣ о плъку Игоревѣ». У Львовѣ 1883 г. П. Голубовскаго (1884, № 8, 710—714).

1630. **Пелипець** «Вивчарь» И. Ж. (1888, № 4, 23—24).

1631. **Pölmann** H. Beitragzur ältesten Geschichte des Kosakentums. München 1888. И. Л—ко. (1889, № 5—6, 663—666).

1632. **Perwolf** Josef. Polácі à Rusini. (Поляки и Русины. Очеркъ проф. Первольфа). Е. Н. К—ой. (1882, № 10,142—149).

1633. **Петровъ** Н. Пчела Почаевская, изборникъ назидательныхъ поученій и статей составленныхъ и списанныхъ преподобнымъ Іовомъ, игуменомъ Лавры Почаевской (1581—1651), изданный въ переводѣ съ славянскаго на русскій языкъ по собственной рукописи преподобнаго. Почаевъ 1884 г. С. Голубева. (1885, № 1, 157—167).

1634. **Петровъ** Н. И. Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія. Кіевъ 1884 г. Г. (1884, № 4, 664—672).

1635. **Петроковъ** (командиръ 1 батал. 32 артил. бриг., полк.). Бердичевъ. И. Н. (1882, № 11, 363—365).

1636. **Петрусь** З. «Русалочка» (И. Ж. 1888, № 4, 23—24).

1637, **Петрушевичъ А.** С. Иванъ Ѳедоровъ, русскій первопечатникъ, Историко-библіографическое разсужденіе. Львовъ 1883 г. (1883, № 12, 671—675).

1638. **Петрушевичъ** А. С. Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1700 до конца августа 1772 г. ч. I. Львовъ 1887 г. К. Шнейдеръ. (1887, № 12, 773—774).

1639. **Петрушевичъ** А. С. Сводная галичско-русская лѣтопись 1700 до конца августа 1772 г. ч. I. Львовъ 1887 г. В. А. (1888, № 6, 45—52),

1640. **Pič** J. L. Dr. Dějinč národa ruského. Dil I. Do konce XVIII stoleti V Praze 1889 г. Н. М. (1890, № 8, 334—336).

1641. **Полевой** П. Русская исторія для мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ картами въ текстѣ. Курсъ систематическій Спб. 1890 г. П. Г. (1890, № 9, 515—519).

1642. **Поликарповъ** 1-й. Краткое описаніе изслѣдованія рѣки Днѣпра отъ Смоленска до лимана, произведеннаго Днѣпровскою описной партіею въ 1875—1883 г. Спб. 1887 г. А. Л. (1889, № 2, 532—533).

1643. **Полницкій** А. Историческая записка объ открытіи Елисаветградскихъ духовныхъ училищъ. Одесса 1890 г. А. Степовича. (1891, № 2, 360—361).

1644. **Полное** собраніе руссскихъ лѣтописей, изданное по Высочайшему повелѣнію археографическою коммиссіею. Томъ шестнадцатый Лѣтописный сборникъ, именуемый лѣтописью Авраамки. Спб. 1889 г. П. Г. (1890, № 5, 391—394).

1645. **Полтавскій** адресъ-календарь на 1887 г., составленный подъ редакціей секретаря полтавск. губернскаго статистич. комитета Д. А. Трощинскаго. Н. Н. Бакая. (1887, № 3, 545—550).

1646. **Поплавскій** В. и А. Лященко. Повторительный курсъ Русской исторіи (отъ Владиміра св. до Іоанна IV). Житоміръ. П. Голубовскаго. (1888, № 12, 65—67).

1647. **Попко** Иванъ. Терскіе козаки съ стародревнихъ временъ историческій очеркъ, вып. I. Гребенское войско. Спб. 1880 г. В. А. (1882, № 2, 401—404).

1648. **По поводу** 25-лѣтія «филологическихъ записокъ». Н. С. (1887, № 3, 586—588).

1649. **Поповъ** А. Н. Вторая учебная экскурсія симферопольской мужской гимназіи въ Бахчисарай и его окрестности. Симферополь 1888 г. Н. Б. (1889, № 3, 762—764).

1650. **Поповъ** Н. Извѣстіе о похожденіи Симеона Степановича Пишчевича 1731—1785 г. Изд. Имп. общества исторіи и древностей Рос. при московскомъ университетѣ. Москва 1884 г. В. Я. (1884, № 10 331—328).

1651. **Поповъ** Н. Жизнь А. С. Пищевича имъ самимъ описанная 1764—1805 г. Въ трехъ частяхъ Съ предисловіемъ и примѣчаніемъ. Москва 1885 г, В. Ястребова (1886, № 8, 727—731).

1652. **Потебня** А. А. Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ. Варшава 1883 г. Ц. Неймана. (1884, № 4, 657—663).

1653. **Потто** В. А. Кавказская война въ отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ. Спб. 1887 г. т. I вып. 1—4. изд. 2-е. О. 1887, № 6—7, 526—528).

1654. **Похилевичъ** Лаврентій. Уѣзды кіевскій и радомысльскій. Статистическія и историческія замѣтки о всѣхъ населенныхъ мѣстностяхъ въ этихъ уѣздахъ и съ подробными картами ихъ. Кіевъ 1887 г. И. К. (1888, № 10, 16—17).

1655. **Похилевичъ** Лаврентій. Уѣзды кіевскій и радомысльскій Статистическія и историческія замѣтки о всѣхъ населенныхъ

мѣстностяхъ. въ этихъ уѣздахъ и съ подробными картами ихъ. Кіевъ 1887 г. Н. В. (1891, № 6, 504—507).

1656. **Программа** для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, составленная при этнографическомъ отдѣлѣ Имп. Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Москва 1887 г. О. (1887, № 12, 766—767).

1657. **Протопоповъ**. Св. Владиміръ равноапостольный великій князь кіевскій и всея Руси. Москва 1888 г. П. Голубовскій. (1888, № 8, 53—54).

1658. **Прохоровъ** В. Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки жизни народной, издаваемые по Высоч. соизволенію. Спб. 1881 г. ц. 15 р. В. И. (1882, № 2, 412).

1659. **Przegląd** archeologiczny, organ c. k. konserwatoryum pomników, oraz Towarzystwa archeol. krajow. we Lwowie. Zesz. 1—3. Lwów 1882—1883 г. Н. Д. (1885, № 1, 167—173).

1660. **Ptaszyński** A. (major). Księga pamiętnïcza. 1769—1793, przepisał dr. Antoni J. Kr. 1881. in 8⁰ стр. 53. Ив. Н. (1882, № 5, 325—326).

1661. **Pulaski** Kazimierz. Szkice i poszukiwania historyczne. Krakow 1889, В. А. (1889, № 1, 267—272).

1662. **Пѣтуховъ**. Сераніонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка. Изслѣдованіе съ прибавленіемъ «поученій» Сераніона по древнѣйшимъ спискамъ I—XI—235. Спб. 1888 г. П. Голубовскаго. (1888, № 11, 29—36).

1663. **Р. С.** Кіевъ и его прошлое. Херсонъ 1888 г. И. Ж. (1888, № 8, 50—51).

1664. **Рада**, украинскій альманахъ на 1884 г. Кіевъ 1884 г. Г. (1885, № 1, 174—176).

1665. **Разсказъ** о св. равноапостольномъ князѣ Владимірѣ и о крещеніи русскаго народа. М. 1888 г. П. Голубовскаго. (1888, № 7, 33—34).

1666. **Regester** zloczyńców Grodu Sanockiego 1554 — 1638. Wydal Oswald Balzer (Materyaly historyczne, wyd. Towarzystwa historycznego we Lwowie, tom I). Lwòw 1891. Н. М. (1891, № 12, 492—496).

1667. **Рогова** О. И. Богданъ Хмельницкій. Историческая повѣсть для юношества. Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1888 г. О. Л. (1889, № 2, 521—526).

1668. **Родникъ**, журналъ для лѣтей. Іюль 1888 года. Въ память 900-лѣтія крещенія Руси П. Голубовскаго. (1888, № 9, 55—61).

1669. **Рождественскій** А. свящ. Южно-русскій штундизмъ. Изслѣдованіе. Спб. 1889 г. Съ указателемъ именъ. Н. М. (1890, № 3, 559—567).

1670. **Романовъ** Е. Р. Бѣлорусскій сборникъ. Сказки. Витебскъ 1887 г. Хр. Ящуржинскаго. (1888, № 12, 77—82).

1671. **de-Rubruquis** Guillaume. Deux voyages en Asie au XIII-e siècle envoyé de Saint Louis et Marco Polo marchand venitien (Voyages dans tous les mondes. Nouvelle bibliothéque historique et litteraire, publiée sous la direction de M. Eugène Muller, conservateur à la biblioteque de l'Arsenal) Paris Delagrave 1888. П. Голубовскаго. (1889, № 2, 530—531).

1672. **Ruch**, Kalendarz encyklopedyczny na 1889 rok. Wydawnictwo Przeklądy Tygodniowego. Варшава 1889 г. И. Новицкаго. (1889, № 8, 566—574).

1673. **Румянцева** Е. М. граф. (Письма графин. Е. М. Румянцевой къ ея мужу граф. П. А. Румянцеву-

Задунайскому 1762—1779 г.) Изд. графъ Д. А. Толстой. И. Житецкаго (1888, № 10, 183—192).

1674. **Русская** военная сила Очеркъ развитія выдающихся военныхъ событій отъ начала Руси до нашихъ дней. Сост. обществомъ офицеровъ Генеральнаго Штаба въ Москвѣ I—II. 141. Вып. I. До-Монгольскій періодъ. М. 1888 г. П. Голубовскаго. (1888, № 10, 22—25).

1675. **Русская** историческая библіотека, издаваемая археографической коммиссіей Т. VII. Памятники полемической литературы въ Западной Руси. Кн. 2. Спб. 1882 г. И. Новицкаго. (1883, № 11, 481—484).

1676. **Русская** историческая библіотека, издаваемая археографич. коммиссіей, томъ 8-й. Спб. 1884 г. О. Л. (1884, № 10, 328—330).

1677. **Rutowski** Tadeusz dr. Klęski elementarne Galicyi (Lwów 1890). Н. М. 1890, № 10, 168—170).

1678. **Sadok Barącz** Ks. Wiadomość o malarzach bazylijańskich (Przegląd bibliograficzno-archeloogiczny, 1882. № 3, 4). И. Н. (1882, № 5, 323—324).

1679. **Салтыкъ-Романскій** Юл. Вѣнецъ славянскихъ поэтовъ. Сборникъ памятниковъ поэзіи славянскаго міра. Т. I. Слово о полку Игоря древнеславянская (?!) поэма XII в. съ переводами: на русскій (новорусскій?), чешскій, польскій. Львовъ (30+140 стр.) А. Степовича. (1889, № 2, 527—528).

1680. **Самоквасовъ** Д. Я. Исторія русскаго права. В. 2-ой. Происхожденіе русскихъ славянъ. Варшава 1884 г. М. (1884, № 11, 507—512).

1681. **Сапуновъ** А. Витебская старина. Витебскъ 1883 г. XXII+668. ц. 3 р., съ портретами ц. 6 р. В. И. (1883, № 9—10, 287—290).

1682. **Сапуновъ** А. Витебская Старина, т. IV, съ приложеніемъ и рисунками въ текстѣ. Витебскъ 1885 г. И. Каманина. (1886, № 4, 786—789).

1683. **Сапуновъ** А. Витебская Старина, т. V. Матеріалы для исторіи полоцкой епархіи, ч. 1 съ 47 отдѣльными приложеніями. Витебскъ 1888 г. Н. Петрова. (1889, № 5—6, 654—656).

1684. **Сборникъ** историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ древнихъ актовыхъ книгъ кіевскаго центральнаго архива при у—тѣ св. Владиміра И. Каманинымъ и М. Истоминымъ. К. 1890 г. Я. Ш. (1890, № 11, 349—354).

1685. **Сборникъ** историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Е. И. В. канцеляріи. Вып. 2. Изд. подъ редакціей Н. Дубровина. Спб. 1889 г. Д. И. Багалѣя. (1891, № 4, 169—171).

1686. **Сборникъ** Имп. Русскаго Географическаго общества, т. 40. Спб. 1884, П. Голубовскаго. (1884, № 9, 148—151).

1687. **Сборникъ** Императорскаго Русскаго историческаго общества, т. 43. Спб. 1885 г. И. Каманина. (1885, № 8, 701—706).

1688. **Сборникъ** Имп. Русскаго историч. общества, т. 47. Спб. 1885 г. И. Каманина. (1885, № 9, 145—148).

1689. **Сборникъ** Императорскаго Русскаго Историческаго общества, т. 54-й. Спб. 1886 г. В. Н. (1887, № 8, 745—750).

1690. **Сборникъ** Имп. Русскаго Историческаго Общества томъ 68. Спб. 1889 г, Д. И. Багалѣя. (1891, № 6, 490—499).

1691. **Сборникъ** лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи, изд. коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, состоящей при кіевскомъ, подоль-

скомъ, волынскомъ генералъ-губернаторѣ. Кіевъ 1888 г. И. Новицкаго. (1890, № 3, 568—571).

1692. **Сборникъ** матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изд. управленія кавказскаго учебнаго округа. Вып. 6, 1888 г. Вып. 7, 1889 г. Тифлисъ А. Степовича. (1889, № 7. 307—309).

1693. **Сборники** малорусской орнаментики (украинскій орнаментъ О. Косачь, южно-русская орнаментика Волкова, южно-русскій народный орнаментъ П. Литвиновой; сборники украинскаго орнамента А. Лисенко, Махно, Квитко и др. (1882, № 11, 365—367).

1694. **Сборникъ** отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи наукъ, томъ 47. Сочин. А. А. Котляревскаго, т. I. Спб. 1889 г. А. Степовича. (1889, № 8, 553—556).

1695. **Сборникъ** полеографическихъ снимковъ съ древнихъ грамотъ и актовъ, хранящихся въ виленскомъ центральномъ архивѣ и виленской публичной библіотекѣ. Изд. виленской археографич. коммиссіи. В. I (1332 — 1548). Вильна 1884 г. И. Каманина. (1885, № 2, 357—361).

1696. **Сборникъ** свѣдѣній по хозяйственной статистикѣ полтавской губерніи, т. I, Зѣньковскій уѣздъ. Ч. 1—2. Полтава 1882—83 г. В. Г—ка. (1883, № 12, 677—680).

1697. **Сборникъ** статистическихъ свѣдѣній по екатеринославской губерніи, т. II. Бахмутскій уѣздъ. Екатеринославль 1886 г. Н. С. (1887, № 1, 155—157).

1698. **Сборникъ** топографическихъ свѣдѣній о курганахъ и городищахъ, въ Россіи: волынская губернія. Спб. 1888 г. Изд. Имп. археологической коммиссіи. В. Я. (1891, № 9, 504—505).

1699. **Сборникъ** харьковскаго историко-филологич. общества, т 2. Харьковъ 1890 г. И. Каманина. (1890, № 9, 512—515).

1700. **Сборникъ** харьковскаго историко-филологическаго общества, т. 3-й. Харьковъ 1891 г. И. Каманина. (1891, № 8, 327—332).

1701. **Сементовскій** А. М. Бѣлорусскія древности, изд. дѣйствит. членомъ Имп. москов. археолог. общества. Вып. I. съ 106 рус. и литографич. приложеніемъ. Спб. 1890 г. Арк. Лященко. (1890, № 3, 573—576).

1702. **Сениговъ** I. О первоначальной лѣтописи Великаго Новгорода. Спб. 1884 г. П. Голубовскаго. (1885, № 3, 558—563).

1703. **Сиповскій** В. Д. Св. равноапостольный князь Владиміръ и крещеніе Руси. Спб. 1888 г. П. Голубовскаго. (1888, № 9, 55—61).

1704. **Скабичевскій** А. М. Исторія новѣйшей русской литературы (1848—1890). Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1891 г. В. Щербины. (1891, № 9, 500—504).

1705. **Скальковскій** А. Исторія новой сѣчи или послѣдняго коша запорожскаго, на основаніи подлинныхъ документовъ запорожскаго сѣчеваго архива, удостоенная почетнаго отзыва Имп. академіи наукъ. Изд. 3, ч. 1. Одесса 1885 г. И. Каманина. (1886, № 4, 794—796).

1706. **Скальковскій** А. Исторія новой сѣчи или послѣдняго коша запорожскаго. Изд. 3, часть II. Одесса 1885 г. И Каманина. (1886, № 8, 732—735).

1707. **Скальковскій** А. Исторія новой сѣчи или послѣдняго коша запорожскаго. Изд. 3, часть III. Одесса 1886 г. И. Каманина (1886, № 10, 372—374).

1708. **Скиданъ** В. В. Путеводи-

тель по Одессѣ и ея окрестностямъ (справочная книга для одесситовъ и пріѣзжающ.) Адресъ-Календарь съ приложеніемъ плановъ г. Одессы, ея окрестностей, городскаго и русскаго театровъ. Одесса 1889 г. Н. Т. (1889, № 2, 533).

1709. **Славянскій** Ежегодникъ. Изданіе кіевскаго славянскаго общества. Вып. 6-й. Составленъ подъ редакц. Т. Д. Флоринскаго, доцента Имп. университета св. Владиміра. К. 1884 г. Т. Ф. (1884, № 5, 123—126).

1710. **Славянскія** извѣстія 1890 г. о «Заграничной Руси». Ир. Ж—аго. (1891, № 8, 343—351).

1711. **С—ловъ** Н. Ченстоховская чудотворная икона Богородицы и церковь во имя св. Кирилла и Меѳодія въ г. Ченстоховѣ. Вильна 1881 г. Н. П. (1882, № 3, 572—576).

1712. **Слѣды** мегалитическихъ построекъ въ Украйнѣ. Львовъ 1886 г. П. Голубовскаго (1887, № 10, 369—370).

1713. **Smolka** Stanislaw. Kiejstut i Jagełło. Osobne odbicie z VII tomu Pamiętnika Wydziałów filologiczno - filozoficznego Akademie Umiejętnosci. W Krakowie 1888. П. Г. (1890, № 7, 141—147).

1714. **Сокальскій** П. Русская народная музыка, великорусская и малорусская, въ ея строеніи мелодическомъ и ритмическомъ и отличія ея отъ основъ современной гармонической музыки. Харьковъ 1888 г. А. Степовича. (1889, № 3, 752—756).

1715. **Сокальскій** П. Къ исторіи русской музыки. Харьковск. Губернск. Вѣдомости 1887 г. №№ 62—63, (1887, 100. № 6—7, 532—538).

1716 **Соколовъ** Н. Островоротная или остробрамская икона Богородицы въ г. Вильнѣ. Историч. изслѣдованіе съ 8 рисун. Вильна 1883 г. К. Ц. (1884, № 2, 321—324).

1717. **Сорокинъ** Г. И. свящ. Мѣстечко Дмитровка. Опытъ историко-статистическаго и этнографическаго описанія. Издан. Херсонской Губ. Земской Управы. Н. В. (1891, № 2, 356—360).

1718. **Списокъ** населенныхъ мѣстъ полтавской губерніи, изд. полтавскимъ губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ въ 1887 г. (1889, № 12, 654—655).

1719. **Списокъ** церквей и духовенства холмско-варшавской епархіи. Варшава 1886 г. К. Цыбульскаго. (1886, № 10, 374—378).

1720. **Списки** черниговскихъ дворянъ 1783 года. Матеріалы для исторіи мѣстнаго дворянства Черниговъ 1890 г. Н. В. (1891, № 1, 197—200).

1721. **Споминки** про жите и дѣятельность Володиміра Барвѣньского. Львовъ 1884 г. В. Г—ка. (1884, № 3, 489—491).

1722. **Спрогисъ** И. Я. Географическій словарь древней Жомойтской (Жмудской) земли XVI столѣтія. Вильна 1888 г. И. Каманина. (1888, № 11, 56—57).

1723. **Срезневскій** И. И. Историческое обозрѣніе гражданскаго устроенія Слободской Украйны со времени ея заселенія до преобразованія въ харьковскую губернію. Харьковъ 1883 г. В. А. (1883, № 5, 167—168).

1724. **Старицкій** М. Не судилось. Драма. Н. Костомарова. (1883, № 9—10, 297—300).

1725. **Степъ**. Херсонскій беллетристычный сбирникъ 1886 г. В. Я. (1887, № 1, 162—164).

1726. **Sternal** Tadeusz. Oblężenie Kamieńca w powieści i historyi. Studyum historyczno - literackie. Lwów 1890. Н. М. (1890, № 5,

394—395).

1727. **Stecki** Tadeusz Jerzy. Z boru i stepu. Obrazy i pamiątki (Kraków 1888). Н. М. (1890 № 9, 509—512).

1728. **Стороженко** Н. В. Западнорусскіе провинціальные сеймики во второй половинѣ XVII вѣка. (Изслѣдованіе по архивному матеріалу) И. Новицкаго. (1890, № 5, 382—388).

1729. **Строевъ** И. М. Библіографическій словарь и черновые къ нему матеріалы. Приведены въ порядокъ и изданы подъ редакціей академика А. Ѳ. Бычкова. Спб. 1882 г. Н. П. (1882, № 7, 164—167).

1730. **Сулимовскій** Архивъ — фамильныя бумаги Сулимъ, Скорупъ и Войцеховичей. Кіевъ 1884 г. Издатель А. Лазаревскій. В. А. (1884, № 10, 332—336).

1731. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Къ исторіи Южно-Русской литературы XVII столѣтія, в. І. Лазарь Барановичъ. Харьковъ 1884 г. Ѳ. Н. (1884, № 11, 526—528).

1732. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ. Харьковъ 1885 г. И. Каманина. (1885, № 5, 140—144).

1733. **Селецкій** А. К. Острожская типографія и ея изданія. Историческая монографія, въ 2-хъ частяхъ. Почаевъ 1886 г. И. Каманина. (1886, № 1, 161—164).

1734. **Сѣцинскій** Е. Бакота, древняя столица Понизья. (Каменецъ-Подольскъ 1889 г.). Древнѣйшія православныя церкви въ Подоліи. Церковь-Замокъ въ с. Сутковцахъ летичевскаго уѣзда (Каменецъ-Подольскъ 1889 г.). Н. М. (1890, № 6, 573—575).

1735. **Tadeusz** d-r Wiadomości statystyczne o stosunkach krajowych Wydane przez krajowe biuro statystyczne. Rocznik szósty. Zeszyt drugi. Lwow 1881. И. Житецкаго. (1882, № 12, 574—576).

1736. **Тарновскій**. Топографическо-статистическіе матеріалы съ приложеніемъ 4 картъ Юго-западнаго края. К. 1882 in 8° стр. 324+2 таблицы+3 большихъ и 1 малая карта. И. Н. (1882, № 10. 154—158).

1737. **Татарскій** І. По поводу сочиненія его о Симеонѣ Полоцкомъ. Кіевъ 1887 г. П, (1888, № 4, 21—22).

1738. **Тиховскій** Ювеналій. Указатель неоффиціальной части Волынск. Епарх. Вѣдомостей за 20 лѣтъ ихъ существованія (1867—1887). Почаевъ 1888 г. А. Л. (1889, № 1, 264—266).

1739. **Токмаковъ** И. Историко-статистическое описаніе города Мглина черниговской губерніи, въ связи съ церковно-археологическимъ обзоромъ священныхъ достопамятностей этого края (?) со времени первоначальнаго его заселенія. Съ приложеніемъ историческаго мѣстечка Почепа. Съ гербомъ и 2 чертежами г. Мглина XVII—XVIII столѣтій. Кіевъ 1888 г. А. Л. (1888, № 10, 13—14).

1740. **Толстой** И. И. Древнѣйшія русскія монеты Великаго княжества кіевскаго. Нумизматическій опытъ. (Съ 19-ю таблицами рисунковъ). Спб. 1882 г. Н П. (1882, № 4, 132—140).

1741. **Толстой** И. и Н. Кондаковъ. Русскія древности въ памятникахъ искусства. Вып. І. Классическія древности южной Россіи съ 145 рис. Спб. 1889 г. Ѳ. Мищенка. (1889, № 5—6, 640—644).

1742. **Толстой** И. и Н. Кондаковъ. Русскія древности въ памятникахъ искусства. Вып. 2. Древности скиѳо-сарматскія съ 147 рус. Спб. 1889 г. Ѳ. Мищенка. (1890, № 3, 552—559).

1743. **Topolnicki** J. Mapa do dziejów Polski. 2-е изд. (съ помощью Краковской Акад. Наукъ), исправленное и дополненное по новѣйшимъ изслѣдован. Львовъ 1888 г. Ц. Неймана. (1889, № 9, 790—792).

1744. **Tretlak** Józef. Hitsorya wojny Chocimskiej 1621 r. Lwów 1889. Н. М. (1890, № 5, 388—391).

1745. **Труды** 4-го археологическаго съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Казани съ 31 іюля по 18 августа 1877 г. т. 2. Казань 1891. И. Каманина. (1891, № 11, 334—338).

1746. **Труды** VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ (1884 г.) т. I. Одесса 1886 г. В. Ястребова. (1887, № 4, 747—753).

1747. **Труды** VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ (1884 г.) т. II. Одесса 1888 г. В. Ястребова. (1888, № 8, 35—39).

1748. **Труды Комитета** для историко-статистическаго описанія подольской епархіи. Вып. III. (Приложеніе къ Подольск. Епархіальнымъ Вѣдомостямъ). 1886 г. Каменецъ-Подольскъ 1887 г. И. Каманина. (1887, № 8, 757—760).

1749. **Труды Комитета** для историко-статистическаго описанія Подольской епархіи. Выпускъ 4. Каменецъ-Подолскъ 1889 г. И. Каманина. (1890, № 8, 337—338).

1750. «**Труды** этнографическо-статистической экспедиціи» Чубинскаго въ сравненіи съ другими подобными. В. Г. (1884, 349—351).

1751. **Указатель** къ изданіямъ Имп. русскаго географич. общества и его отдѣловъ съ 1846 по 1875 г. Спб. 1886 г. W. (1886, № 7, 537—542).

1752. **Украинскія** легенды въ французскомъ журналѣ. В. Горленка. (1888, № 5, 37—39).

1753. **Украинскіе** народные разсказы на французскомъ языкѣ. П. К—аго. (1888, № 8, 39—44—49).

1754. **Успенскій** Ѳ. И. Воспоминанія о В. И. Григоровичѣ. Одесса 1890 г. В. Я. (1890. № 7, 158—159).

1755. **Успенскій** Ѳ. Русь и Византія въ X. вѣкѣ. Рѣчь, произнесенная 11-го мая 1888 года въ торжественномъ собраніи одесскаго славянскаго благотворительнаго общества въ память 900-лѣтія крещенія Руси. Одесса 1888 г. П. Голубовскаго. (1888, № 12, 61—65).

1756. **Устиновъ** И. А. Литература о харьковской губерніи (библіографическій указатель). Изд. Харьк. Статист. Комитета. Харьковъ 1887 г. (1888, № 4, 15—19).

1757. **Фабриціусъ** В. Кіевскій календарь на 1889 г. Годъ 6-й. Амартола (1889, № 1, 276—281).

1758. **Фаминцынъ** А. С. Гусли, русскій народный инструментъ съ многочисленными рисунками и нотными примѣрами. Историч. очеркъ. Спб. 1890 г. А. Степовича. (1891, № 9, 516—518).

1759. **Федоровъ** М. П. Хлѣбная торговля въ главнѣйшихъ русскихъ портахъ и въ Кенигсбергѣ. Москва 1888 г. А. Р. (1889, № 4, 230—231).

1760. **Фелицынъ** Е. Д. Памятная книжка кубанской области, изданная 1881 г. Составилъ дѣйствительный членъ кубанскаго областнаго статистическаго комитета. Екатеринодаръ 1881 г. Изданіе статистическаго комитета. (1882, № 1, 206—209).

1761. **Фелицинъ** Е. Д. Кубанскій сборникъ. Труды кубанскаго областнаго статистическаго коми-

тета. Т. I. Съ картой кубанской области. Екатеринодаръ 1883 г. (1884, № 4, 652—657).

1762. **Фелицинъ** Е. Д. Кубанское казачье войско. 1696—1888 года. Сборникъ краткихъ свѣдѣній о войскѣ. Изд. подъ ред. дѣйств. члена куб. областн. стат. комитета, при участіи Ф. А. Щербины почетнаго члена того же комитета. (Воронежъ 1888 г. Съ художественными приложеніями и планомъ г. Екатеринодара). Н. М. (1890, № 2, 363—365).

1763. **Филаретъ**, еп. черниговскій. Историко-статистическое описаніе черниговской епархіи. 7 ч. Черниговъ 1873 г. (1883, № 3, 657—658).

1764. **Finkel** L. d-r. Okopy Swiętej Trôjcy, dwa epizodyz dziejów Polski. We Lwówie 1889. М. Г. (1891, № 7, 156—160).

1765. **Франко**. И. Захаръ Беркутъ. Образъ громадскаго житя карпатской Руси въ XIII вѣкѣ. Львовъ 1884 г. Г. (1885, № 2, 369—376).

1766. **Французскій** этюдъ о Мазепѣ. В. Горленка. (1884, № 12, 703—707).

1767. **Фридманъ** Б. А. Юридическія воззрѣнія и обычаи крестьянъ сѣверо-западнаго края, преимущественно ковенской губерніи. Сос. частный повѣренный при поневѣжскомъ судебно-мировомъ съѣздѣ. Вильна 1890 г. М. Довнаръ-Запольскаго. (1891, № 11, 338—340).

1768. **Халанскій**. Великорусскія былины кіевскаго цикла. Варшава 1885 г, (отдѣльный оттискъ изъ «Русск. Филологич. Вѣстника»). П. Голубовскаго. (1886, № 6, 339—342).

1769. **Харьковскій** календарь на 1884 г. Изданіе харьковскаго губернскаго статистическаго комитета, подъ редакціей дѣйствительнаго члена, секретаря комитета П. С. Ефименка. Харьковъ 1883 г. Б. Г. (1884, № 2, 317—321).

1770. **Харьковскій** календарь и памятная книжка на 1885 годъ. Изданіе харьковскаго губернскаго статистическаго комитета, подъ редакціей дѣйствит. члена-секретаря П. С. Ефименка. Харьковъ. Д. Багалѣя. (1885, № 3, 552—558).

1771. **Харьковскій** календарь на 1886 годъ. Годъ XIV. Съ видомъ г. Харькова въ началѣ XIX стол. Ц. 1 р. Изд. губ. стат. комитета, подъ редакц. П. С. Ефименка. Ѳ. Н. (1886, № 2, 377—380).

1772. **Харьковскій** календарь на 1887 г. и харьковскій сборникъ (литературно-научное приложеніе къ календарю). Изд. Харьк. губ. стат. ком. подъ редакц. П. С. Ефименка. Ц. 1 р. 20 к. Д. Чеп—ый. (1887, № 3, 558—561).

1773. **Харьковскій** сборникъ, литературно-научное приложеніе къ «Харьковскому календарю» на 1888 годъ. Вып. 2. Изд. харьк. статист. комитета подъ редакц. члена-секретаря В. И. Касперова. Харьковъ 1888 г. И. Каманина. (1889, № 1, 259—263).

1774. **Харьковскій** сборникъ. Литературное прилож. къ «Харьковскому календарю» на 1889 г. Вып. 3. Изд. харьк. губ. статист. комитета, подъ редакц. члена-секретаря комитета В. И. Касперова. Харьковъ 1889 г. П. Г. (1890, № 2, 371—373).

1775. **Харьковскій** сборникъ, литературно-научное приложеніе къ «Харьков. Календарю» на 1890 г. Вып. 4. Изд. харьк. статистич. комит. подъ ред. члена секретаря В. И. Касперова. Харьк. 1890 г. Н. В. (1890, № 12, 546—549)

1776. **Харьковскій** сборникъ, литературно-научное приложеніе къ «Харьковскому календарю» на

1891 г., вып. V, подъ ред. В. И. Касперова. Н. Ѳ. Сумцова. (1891, № 10, 161—164).

1777. **Хвальчевскій** Станиславъ. Писцовая книга пинскаго и клецкаго княжества, составленная въ 1552—1555 г. Изд. Виленской археологической комиссіи. Вильна 1884 г. И. Каманина. (1885, № 3, 564—568).

1778. **Хойнацкій** А. Ѳ. Православіе на западѣ Россіи въ своихъ ближайшихъ (?) представителяхъ или Патерикъ Волыно-Почаевскій, въ двухъ частахъ, съ изображеніями св. угодниковъ волынскихъ, чудотворной иконы Божіей Матери Почаевской, видомъ лавры Почаевской и протоіерея А. Ѳ. Хойнацкаго. Москва. 1888 г. И. Л. (1888, № 8, 51—53).

1779. **Холмскій Братчикъ**. Городъ Холмъ и его древняя святыня—чудотворная икона Божіей Матери. Изд. Холмско-Богородицкаго православнаго братства. Варшава 1882 г. (1883, № 3, 653—657).

1780. **Холмскій** народный календарь на 1885 г. Кіевъ 1884 г. Изд. Холмскаго Свято-Богородицкаго братства. И. Каманина. (1885 № 4, 760—765).

1781. **Холмскій** народный календарь на 1886 г. Изд. Холмскаго Свято-Богородицкаго братства. Кіевъ 1885 г. И. Каманина. (1885, № 12, 710—714).

1782. **Холмскій** народный календарь на 1888 годъ. Годъ IV. Изд. Холмскаго правосл. Св. Богородицкаго братства. Кіевъ 1887 г. Холмскаго Старожила. (1887, № 12, 768—773).

1783. **Ц.** Г. Сѣверный Вѣстникъ 1886 г. № 3, стр. 51—72.—Басня Богдана Хмельницкаго. А. С—ка. (1886. № 9, 158—162).

1784. **Чайковскаго**. «Мазепа». В. Г. (1886, № 12, 759—762).

1785. **Чайченко** Восыль «Зъ народнёго голя». И. Ж. (1888, № 4, 23—24).

1786. **Чайченко** Васыль. «Зъ згадокъ про дитячи литъ». Кіевъ 1888 г. И. Ж. (1888, № 9, 69—70).

1787. **Чалый** М. К. Жизнь и произведенія Тараса Шевченка. (Сводъ матеріаловъ для его біографіи, съ портретомъ). Кіевъ 1882 г. Н. П. (1882, № 8, 349—355).

1788. **Časopis** Musea Kralovstvi českého 1888 г. Выпускъ III—IV Прага. А. Степовича. (1889, № 9, 794—796).

1789. **Часопись** Правнича. Мѣсячникъ для теоріѣ и практики Выдаютъ: д-ръ К. Левицкій, д-ръ А. Горбачевскій, д-ръ Е. Олесницкій Рочникъ I, числа 1—4 Львовъ 1889 г. Н. Шугурова. (1889, № 11, 475—479).

1790. **Черневъ** Н. Замѣтки о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ. Спб. 1888 г. Н. Б. (1888, № 11, 53—55).

1791 **Черниговскія** Губернскія Вѣдомости на нынѣшній годъ и новые въ нихъ историко-этнографическіе матеріалы. L. (1886, № 8, 746—754).

1792. **«Česky Lid»**. (Чешскій народъ. Прага 1891 г.) 1891 г. (годъ I), книга 1. А. Степовича. (1891, № 12, 502—504).

1783. **Чижевскій** Николай. Старозаимочныя земли. Рѣшенія харьковскаго окружнаго суда, по искамъ крестьянскихъ обществъ въ харьковской казенной палатѣ о старозаимочныхъ земляхъ, съ приложеніемъ жалованныхъ слободскимъ полкамъ грамотъ и другихъ документовъ. Изд. 1883 г. III. 123. Д. Багалѣя. (1884, № 2, 305—316).

1794. **Чистовичъ** И. Очеркъ исторіи Западно-Русской церкви. Ч. I. Спб. 1882 г. И. М. (1882, № 9, 552—555).

1795. **Чистовичъ** И. Очеркъ исторіи Западно-Русской церкви. Ч. 2, Спб. 1884 г. И. Малышевскаго. (1884, № 11, 518—526).

1796. **Чтенія** въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1884 г. книга 2-я. Ѳ. Н. (1885, № 2, 362—366).

1797. **Чтенія** въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ 1888 г. кн. 1. Изд. подъ завѣдываніемъ д. чл. Н. А. Попова. Москва 1888 г. И. Каманина. (1889, № 3, 756—760).

1798. **Чтенія** въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца (въ періодъ 1878—1887 г.) книга 2. Издана подъ ред. д. чл. Н. П. Дашкевича и А. И. Соболевскаго Кіевъ 1888 г. И. Каманина. (1889, № 5—6, 648—654).

1799. **Чтенія** въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца кн. 3. Изд. подъ редакц. Н. П. Дашкевича. Кіевъ 1889 г. И. Каманина. (1889, № 11, 456—461).

1800. **Чтенія** въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца, кн. 4. Изд. подъ редакц. Н. П. Дашкевича. Кіевъ 1890 г. И. Каманина. (1890, № 7, 147—155).

1801. **Чтенія** въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца кн. пятая. Изд. подъ ред. М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Кіевъ 1891. Н. В. (1891, № 10, 138—161).

1802. **Чудиновъ** А. Н. Русская классная библіотека, Вып. I. Слово о полку Игоревѣ. ц. 30 к., Вып. 2. Домострой Сильвестровскаго извода ц. 45 к. изд. Глазунова. Спб. 1891 г. А. Степовича. (1891, № 12, 504—505).

1803. **Czyński** Edward. Etnograficzno-statystyczny zarys liczenbności i rozsiedlenia ludności polskiej. Warszawa 1887 г Ц. Неймана. (1888, № 6, 55—59).

1804. **Chantre** E. Recherches paleoe thnologiques dans la Russie meridionale et spècialement au Caucase et en Crimée. Lyon 1881. (Э. Шантръ. Палеоэтнологическія изслѣдованія въ южной Руси, особенно же на Кавказѣ и въ Крыму). В. А. (1882, № 11, 360—362).

1805. **Шараневичъ** И. Галышка княгиня Острожска, оповѣдане историчне. У Львовѣ 1880 г. А. (1882, № 1, 209—211).

1806. **Szaraniewicz** Juliani i Zacharjewicz Jzydor. Wycieczka do Załukwi, Halicza i na Kryłos. Lwów 1882. В. А. (1883, № 4, 876—878).

1807. **Szaraniewicz** Izydor. O latopisiach i kronikach ruskich XV u XVI wieku o zwłasza «wielikoho kniaztwa litowskaho i zomojskaho». Osobne odbicie z rospraw wydziału filozoficznego akademij umiejętnojci. T. XV. Krakow 1882. В. А. (1883, № 1, 176—179).

1808. **Szarlowski** A. Stanislawow i powiat Stanislawowski podwzględem historicznym i geograficzno-statystycznym. Stanislawow 1887. Съ планомъ города и картой повѣта. Н. М. (1890, № 4, 174—179).

1809. **Schweiger-Lerchénfeld** A. v. Zwischen Donau und Kaukasis. A. Hartlebeńs Verlag. Wien, Pest, Leipsig 1886. В. Я. (1887, № 3, 555—558).

1810. **Шевченко** Т. Гайдамаки. Изданіе, иллюстрированное художникомъ А. Г. Сластеномъ. Спб. 1886 г. В. Г—ка. (1886, № 2, 370—375).

1811. **Шевченко** Т. Г. (1886, №

3, 572—582).

1812. **Шевченко** Т. Г. Дополненіе къ библіографическому указателю матеріаловъ для изученія жизни и произведеній. А. Комарова. (1887, № 5, 180—184).

1813. **Шевченко.** Альбомъ офортовъ. В. Г. (1891, № 6, 483—484).

1814. **Шейнъ** П. В. Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края. Т. I. Часть 1. Бытовая и семейная жизнь бѣлоруса въ обрядахъ и пѣсняхъ. Спб. 1887 г. III—XXVI+585+4. В. К—ша. (1887, № 8, 750—752).

1815. **Шенрокъ** В. Ученическіе годы Гоголя. Москва 1887 г, В. Г. (1887, № 3, 561—564).

1816. **Schlumberger** Gustave, Un Empereur biźantin au dixieme siècle, Nicéphore Phocas. Paris, chez Firmin-Didot 1890. В. (1891, № 5, 328—332).

1817. **Шляпкинъ** И. Къ исторіи полемики между московскими и малорусскими учеными въ концѣ XVIIст. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1885 г. № 10, стр. 210—252). Н. С. (1885, № 12, 702—704).

1818. **Шляпкинъ** И. А. Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709 г.) Спб. 1891 г. А. Маркевича. (1891, № 11, 324—333).

1819. **Шмидтъ**, рыльскаго полка штабъ-капитанъ. Шпола. 1882. И. Н. (1882, № 11, 363—365).

1820. **Szujski.** Die Polen und, Ruthenen in Galizien. Wien, und Teschen. 1882 г. В. А. (1882, № 6, 523—526).

1821. **Шухардтъ.** Крачунъ-Корочунъ, (Archiv für Slarische Philologie). Н. С. 1887, № 1, 161.

1822. **Щегловъ** В. Историческая справка о полѣ Полтавскомъ и его настоящихъ памятникахъ. Полтава 1890 г .Н. В. (1891, № 3, 540—542).

1823. **Шелковъ** К. П. Историческая хронологія харьковской губерніи. Харьковъ 1882 г. 1883, № 2, 416—417).

1824. **Шелковъ** К. П. Харьковъ историко-статистическій опытъ. Харьковъ 1881 г. (1882, № 5, 317—319).

1825. **Щербина** Ф. Земельная община кубанскихъ козаковъ (Воронежъ 1889 г) Н. М. (1890, № 8, 330—333).

1826. **Щербицкій** О. В. Виленскій Свято-Троицкій монастырь Вильна 1886 г. И. Каманина. (1886, № 3, 588—592).

1827. **Щеголевъ** Я. Ворскло, лірна поэзія. 1883, В. Г—ка. (1884, № 1, 151—154).

1828. **Эварницкій** Д. И. Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа, съ 55 рис. и 7 планами 2 части. И. Житецкаго. (1888, № 11, 36—48).

1829. **Эварницкій** Д. И. Сборникъ матеріаловъ для исторіи запорожскихъ козаковъ. Спб. 1888 И. Ж. (1888, № 12, 71—72).

1830. **Эварницкій** Д. И. Очерки изъ исторіи запорожскихъ козаковъ и новороссійскаго края. Спб. 1889 г. И. Ж. (1890, № 2, 366—368).

1831. **Эварницкій** Д. И. Публичныя лекціи по археологіи Россіи. Ар. Л—нко. (1890, № 4, 184—185).

1832. **Эварницкій** Д. И. Вольности запорожскихъ козаковъ. Историко-топографическій очеркъ. Спб. 1890 г. В. Ястребова. (1891, № 2, 352—356).

1833. **Эварницкій** Д. И. По поводу рецензіи «Вольности запорожскихъ козаковъ». (1891, № 4, 174—177).

1834 **Этнографическое** обозрѣніе Періодическое изданіе этногр. отдѣла Имп. общ. любителей есте-

ствознанія, антропологіи и этнографіи при моск. у—тѣ, кн. 1. подъ ред. Н. Я. Янчука. Москва 1889 г. Ц. Г. Неймана. (1889, № 10, 198—204).

1835. **Этнографическое** обозрѣніе. Изданіе этнографическаго отдѣла Имп. общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при Московскомъ университетѣ подъ ред. секретаря отдѣла Н. А. Янчука. Москва 1889—1890 г. кн. I—VII. В. Я. (1891, № 5, 322—327).

1836. **Юбилейное** изданіе на память 300-лѣтняго основанія Львовскаго Ставропигіальн. братства. Я. Г. (1887, № 5, 198—200).

1837. **Юницкій** Н. Фундуши и стипенд. виленскаго округа. Справочное пособіе. Ч. 1. Выпускъ первый. Вильна 1884 г. (1884, № 9, 152—154).

1838. **Юргевичъ** В. Историческій очеркъ пятидесятилѣтія Имп. Одесскаго Общества исторіи и древностей. 1830—1889 г. Къ юбилею общества 14 ноября 1889 г. Одесса 1889, П. Г. (1889, № 6, 571—572).

1839. **Янчукъ** Н. Малорусская свадьба въ Корницкомъ приходѣ, константиновскаго уѣзда, сѣдлецкой губерніи. Составилъ по собраннымъ лично матеріаламъ. Москва 1886 г. В. Г. (1886, № 10, 369—372).

1840. **Ясинскій** Михаилъ. Уставныя земскія грамоты литовско-русскаго государства. Кіевъ 1889. И. Каманина. (1889, № 8, 559—564).

1841. **Ястребовъ** В. Н. Отвѣтъ Д. И. Эварницкому (см. № 1833). (1891, № 4, 177—180).

1842, **Ѳедотовъ-Чеховскій** А. А. Акты Греческаго Нѣжинскаго братства. Кіевъ 1884 г. В. А. (1884, № 12, 716—718).

1843. **Ѳоменко** Климентъ, свящ. Неразъясненный вопросъ въ древнихъ сказаніяхъ о преніяхъ славянскихъ первоучителей съ казарскими евреями. Кіевъ 1885 г. **Его-же.** Пещерные храмы въ Крыму. Кіевъ 1884 г. И. Каманина. (1885, 493—497).

VIII. Смѣсь, дополненія и поправки.

1844. **А.** В. Дейнеки. (1889, № 1, 222—223).

1855. **А** В. Процессы по дѣламъ объ азартной игрѣ. (1888, №№ 1, 2, 3, 1—5—8).

1846. **А—скій** А. Сербы въ Кіевѣ. (1885, № 7, 505—511).

1847. **Азбучный Указатель** личныхъ именъ и замѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ «Кіевской Старинѣ», 1882 г. (1882, № 3, 6, 9, 12, 1883 г., № 4, 8, 12; 1884 г., № 4, 8, 12; 1885 г., № 12; 1886 г., № 12.

1848. **Антоновичъ** В. Б. Отчетъ о рефератѣ его, читанный въ засѣданіи историческаго общества Нѣстора Лѣтописца 3 апрѣля 1888 г. (1888 № 5, 56—60.

1849. **Б.** В. Странное слово. (1889, № 8, 543—544).

1850. **Бар—вскій** Н. Я. Изъ школьныхъ воспоминаній о Кіевѣ. (1884, № 3, 498—505).

1851. **Багалѣй** Д. И. Коллекція рукописей покойнаго проф. А. Ѳ. Кистяковскаго. (1891, № 3, 494—503).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLII.

1893 г.

АВГУСТЪ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1893.